Pan

THE HITCH-HIKER'S GUIDE TO THE GALAXY

DOUGLAS ADAMS

Based on the famous Radio series

Путеводитель «Автостопом по Галактике»

Дуглас Адамс

Дуглас Ноэль Адамс. Путеводитель «Автостопом по Галактике»
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10
Глава 11
Глава 12
Глава 13
Глава 14
Глава 15
Глава 16
Глава 17
Глава 18
Глава 19

Глава 20
Глава 21
Глава 22
Глава 23
Глава 24
Глава 25
Глава 26
Глава 27
Глава 28
Глава 29
Глава 30
Глава 31
Глава 32
Глава 33
Глава 34
Глава 35

Дуглас Ноэль Адамс
Путеводитель «Автостопом по Галактике»

Неофициальный, любительский перевод М. В. Спивак

Далеко-далеко на неизведанных, да и никому не интересных, задворках западного спирального рукава Галактики затеряно маленькое, невзрачное желтое солнце.

Вокруг него на расстоянии приблизительно девяноста восьми миллионов миль вращается по своей орбите ничтожнейшая зелено-голубая планета. Некоторые обитающие на ней живые организмы происходят от обезьян и так восхитительно примитивны, что до сих пор считают электронные часы довольно-таки гениальным изобретением.

У жителей этой планеты есть — или, точнее, была — одна общая беда, и состояла она в следующем: практически все они практически постоянно чувствовали себя глубоко несчастными. Предлагалось множество способов спасения от этой беды, но все эти способы почему-то были так или иначе связаны с перемещением в пространстве маленьких зеленых бумажек, — нелогично с той точки зрения, что ведь не маленькие же зеленые бумажки чувствовали себя несчастными.

Таким образом, проблема оставалась нере-

шенной; и многие люди были злы, и множество — убоги, даже владельцы электронных часов.

Люди все больше и больше убеждались в том, что совершили огромную ошибку, когда слезли с деревьев. А некоторые даже утверждали, что и деревья-то в свое время были крайне неудачным ходом, и что с самого начала не следовало покидать океан.

А потом, однажды в четверг — спустя почти две тысячи лет после того, как одного мужика приколотили гвоздями к дереву за дурацкие разговоры о том, как было бы неплохо для разнообразия возлюбить ближнего — некая девушка, сидевшая в одиночестве в маленьком кафе в Ричмэнсворте, внезапно осознала, что именно шло неправильно все это долгое время и как можно сделать мир славным, счастливым местом. Она так все хорошо придумала, уж это точно должно было сработать, и больше никого ни к чему не пришлось бы прибивать.

Как ни печально, девушка не успела добраться до телефонной будки — она собиралась всем позвонить и рассказать о своей догадке — потому что случилась ужасная, нелепейшая катастрофа, и идея — увы — оказалась утеряна безвозвратно.

Но эта история не о девушке.

Эта история об ужасной, нелепейшей катастрофе и некоторых ее последствиях.

Это также история одной книги, называемой «Путеводитель «Автостопом по галактике» — внеземной книги, ни разу на Земле не издававшейся, книги, которую до упомянутой ужасной катастрофы никогда не видел и о которой никогда не слышал ни один землянин.

Между тем, весьма и весьма замечательная книга.

По правде говоря, самая, пожалуй, замечательная книга из всех, когда-либо вышедших из печати в гигантской издательской корпорации на планете Урса Минор — о которой ни один землянин тоже никогда ничего не слышал.

Книга эта не только весьма и весьма замечательная, но и крайне успешная — более популярная, чем атлас сиротских приютов звездного неба, гораздо лучше продающаяся, чем «Еще 53 интересных занятия для нулевой гравитации», а также более противоречивая, чем трилогия философских блокбастеров Оолона Каллапида: «Когда Бог начал ошибаться», «Еще парочка величайших просчетов Бога» и «А кто, собственно говоря, такой этот Бог?».

Для многих наиболее благополучных цивили-

заций внешнего восточного кольца Галактики «Путеводитель» уже заменил в качестве кладезя житейской премудрости Большую Галактическую Энциклопедию и, несмотря на многие недочеты и неканонические (по меньшей мере, вопиюще неточные) сведения, перещеголял последнюю по двум важным статьям — во-первых, «Путеводитель» дешевле; а во-вторых, на обложке у него большими умиротворяющими буквами написано: «Без паники».

Как бы то ни было, история ужасного, нелепого четверга, история его необыкновенных последствий, а также история о том, каким невероятным образом эти последствия переплетены с весьма и весьма замечательной книгой, начинается очень просто.

Она начинается с дома.

Глава 1

Дом стоял на небольшом холме на самом краю поселка. Стоял себе, глядя на широкие просторы сельскохозяйственных угодий Западного графства. Не так чтобы чем-то примечательный дом: построенный лет этак 30 назад, квадратный, приземистый, кирпичный, на фасаде — четыре окна, размерам и пропорциям которых более или менее стопроцентно не удавалось порадовать глаз.

Дом представлял собой некоторую ценность для одного-единственного человека, по имени Артур Дент — так уж случилось, что в этом доме Артур обитал уже около трех лет, с тех самых пор, как переехал из Лондона, жизнь в котором находил суетной и раздражающей. Артуру самому было около тридцати, он был высок, темноволос и вечно не в своей тарелке. Люди постоянно спрашивали его, чем он так сильно обеспокоен — это-то и беспокоило его больше всего. Он работал на местном радио и всегда говорил знакомым, что это куда интереснее, чем они думают. Так оно и было — знакомые, в большинстве своем, занимались рекламой.

В среду вечером шел очень сильный дождь, а в четверг утром, хотя улицы были еще грязны и мокры, солнце уже вовсю светило на стены дома Артура Дента в последний, как потом выяснилось, раз.

В сознание Артура пока еще не вернулся тот факт, что Совет решил снести его дом и проложить на его месте автостраду.

В четверг в восемь утра Артур чувствовал себя неважно. Он проснулся весь мутный, встал, слепо побродил по комнате, открыл окно, увидел бульдозер, нашел шлепанцы и пошлепал в ванную — умываться.

Пасту — на щетку. Так. Шкряб.

Зеркальце для бритья — смотрит в потолок. Он поправил. На секунду зеркальце отразило второй бульдозер за окном ванной. Он поправил еще и увидел свою щетину. Побрился, умылся, вытерся и прошлепал в кухню, найти что-нибудь съедобное и положить в рот.

Чайник — воткнули, холодильник — открыли, кофе, молоко. Зевок.

Слово «бульдозер» секунду поплавало в мозгу в поисках, куда бы приткнуться.

Из окна кухни было видно бульдозер — довольно большой.

Артур поглазел на него.

«Желтый», подумал он и ушлепал в спальню — одеваться.

Проходя мимо ванной, он остановился выпить стакан воды, а потом сразу второй. Он заподозревал, что у него похмелье. С какой стати у него похмелье? Пил, что ли, вчера? Он пришел к выводу, что да, вероятнее всего. Поймал краем глаза отражение в зеркальце. «Желтый», подумал он и продолжил свой путь в спальню.

Там он стоял и думал. Пивная, думал он. Боже, пивная. Смутно припомнилось, что он был зол, страшно зол по поводу чего-то, что казалось ему очень важным. Он, должно быть, рассказывал об этом народу, и, судя по всему, в больших подробностях: зрительно наиболее четко запомнились устремленные на него глаза слушателей. Что-то о новой автостраде, он тогда только-только узнал. Оказывается, это было в планах уже сто лет, только никто почему-то ни о чем не подозревал. Нелепость! Он глотнул воды. Как-нибудь само образуется, решил он, никому не нужна эта автострада, у Совета слишком шаткие основания. Все само образуется.

Господи, какое похмелье. Артур посмотрел на себя в зеркало. Высунул язык. «Желтый», подумал

он. Слово «желтый» поплавало в мозгу в поисках, куда бы приткнуться.

Через пятнадцать секунд он уже лежал перед домом, преграждая путь бульдозеру, подползавшему по садовой дорожке.

Ничто, как говорится, человеческое не было чуждо мистеру Л. Проссеру. Иными словами, он представлял собой форму жизни на основе углерода, двуногую, происходящую от обезьян. Более детально, ему было около сорока, он был жирный, потасканный и работал в местном Совете. Довольно любопытно, что он, хотя и не знал этого, являлся прямым потомком Чингиз-хана по мужской линии. Промежуточные поколения и смешение рас так растрепали его гены, что в нем не осталось никаких сколько-нибудь заметных монголоидных признаков, кроме выраженной полноты в талии и пристрастия к меховым шапкам.

Его никак нельзя было назвать великим воином, напротив, это был нервный, беспокойный человек. Сегодня он был особенно нервным и особенно беспокойным, поскольку допустил серьезный просчет в работе, суть которой заключалась в необходимости к концу дня убрать с дороги дом Артура Дента.

— Перестаньте, м-р Дент, — говорил он. — У вас ничего не получится. Не можете же вы лежать перед бульдозером до бесконечности.

Он попробовал грозно посверкать глазами, но глаза почему-то не захотели этого делать.

Артур из грязи щурился на него.

— Спорим? — выкрикнул Артур. — Кто первый заржавеет?

— Боюсь, вам придется смириться, — вразумлял м-р Проссер, хватаясь за меховую шапку и поправляя ее на голове. — Автострада должна быть проложена и она будет проложена!

— Неужели? — задирался Артур. — Почему это она должна быть проложена?

М-р Проссер некоторое время тряс над Артуром пальцем. Потом перестал и убрал руку.

— Что значит, почему должна быть проложена, — не слишком находчиво сказал он. — Это автострада. Автострады надо прокладывать.

Автострады — это такие приспособления, которые позволяют одним людям нестись со страшной скоростью из пункта А в пункт Б, в то время как другие люди несутся со страшной скоростью из пункта Б в пункт А. Людям, что живут в пункте В, как раз посередине пути, остается лишь гадать, что такого необыкновенного в пункте А,

что столько народу из пункта Б так рвутся туда попасть, и что такого необыкновенного в пункте Б, что столько народу из пункта А мечтают попасть в него. Обитателям пункта В часто хочется, чтобы все эти люди раз и навсегда решили, где, черт их побери, им хочется быть.

М-р Проссер хотел быть в пункте Г. Пункт Г не был каким-то конкретным пунктом, он мог быть любым пригодным пунктом, как можно более далеким от пунктов А, Б и В. В пункте Г у него был бы миленький маленький коттеджик, с алебардами над дверью, и м-р Проссер достойно проводил бы время в пункте Д, который был бы пивной, ближайшей к пункту Г. Жена, конечно, хотела плетистые розы, но он предпочитал алебарды. Не знал почему — просто любил алебарды. Он жарко и обильно вспотел под насмешливыми взглядами бульдозеристов.

Он попробовал опираться на другую ногу, но на обеих было одинаково некомфортно. Становилось совершенно очевидно, что кто-то умудрился проявить редкостную некомпетентность в своей работе, и он молился Богу, чтобы не оказаться этим самым «кем-то».

М-р Проссер сказал:

— Вам была предоставлена возможность обра-

титься с жалобами и апелляциями в надлежащий срок, вы же знаете.

— Надлежащий срок? — заорал Артур. — Надлежащий срок! Да я только вчера первый раз услышал об этом, от рабочего. Я его спрашиваю, вы пришли мыть окна, а он говорит, нет, я пришел снести дом. Он, конечно, не сразу об этом сказал. Как же! Сначала он протер пару окон и взял с меня пятерку. А уж потом сказал.

— Но, м-р Дент, последние девять месяцев планы сноса были доступны для всеобщего обозрения в местном отделе планирования.

— Ну, разумеется! Я, как только узнал, вчера днем, пошел на эти планы посмотреть. Нельзя сказать, чтобы у вас там из кожи вон лезли, чтобы оповестить о них. Я имею в виду, никому конкретно вы ничего не говорили.

— Но планы сноса были выставлены на обозрение…

— На обозрение? В конце концов мне пришлось лезть за ними в подвал.

— Это отдел оповещения населения.

— С фонариком.

— По всей видимости, в отделе не было света.

— Так же, как и лестницы.

— Но послушайте, вы же нашли уведомление,

правда?

— Да, — ядовито сказал Артур. — Я его нашел. Оно было выставлено на всеобщее обозрение на дне запертого шкафчика, засунутого в неработающий сортир. На двери была вывеска «Осторожно, леопард».

Проплыло облако. На Артура Дента, лежавшего подперев голову ладонью в холодной грязи, упала тень. Тень упала и на дом Артура Дента. М-р Проссер нахмурился на дом.

— Не такой уж красивый дом, — заметил он.

— Может быть, но мне нравится.

— Вам и автострада понравится.

— Ой, заткнитесь, — оборвал Артур Дент. — Заткнитесь и убирайтесь, и свою автостраду с собой прихватите. У вас шаткие основания, и вы это знаете.

Рот м-ра Проссера пару раз открылся и закрылся, в то время как перед его мысленным взором проносились необъяснимые, но крайне привлекательные образы: пожар, охвативший дом Артура Дента, и сам Артур, с воплями несущийся прочь из страшного огня, в спину воткнуты три копья — как минимум. М-ра Проссера частенько беспокоили подобные видения и очень его нервировали. Он даже начал заикаться, но потом

взял себя в руки.

— М-р Дент, — начал он.

— Алло? Слушаю Вас, — отозвался Артур.

— Хочу сообщить вам некоторые факты. Знаете ли вы, какой ущерб будет нанесен бульдозеру, если я позволю ему Вас переехать?

— Какой? — заинтересовался Артур.

— Абсолютно никакого, — информировал м-р Проссер и нервно унесся прочь, недоумевая, с какой стати в голове у него полно волосатых всадников и отчего это все они так громко на него орут.

По занятному стечению обстоятельств, ровно столько же, т. е. «абсолютно никакого», понятия не имел потомок обезьяны Артур Дент о том, что его ближайший друг произошел вовсе не от обезьян и прибыл вовсе не из Гилфорда, как считалось, а с маленькой планеты, расположенной где-то в окрестностях Бетельгейзе.

Артур Дент ни разу даже не заподозрил этого.

Упомянутый друг впервые попал на Землю примерно пятнадцать земных лет назад и основательно потрудился над внедрением в земную среду — с большим, надо сказать, успехом. Эти пятнадцать лет, скажем, он провел, притворяясь временно безработным актером, и это неизменно

сходило за правду.

Одну довольно глупую ошибку он все же совершил, и только потому, что в свое время не проявил должного тщания в подготовительных исследованиях. Из собранных им сведений следовало, что имя «Форд Префект» вполне подходит скромному добропорядочному гражданину.

Он был вполне уместно высок и обладал заметными, но не подозрительно красивыми чертами лица. Жесткие рыжеватые волосы были зачесаны от висков к затылку, и кожа вокруг носа казалась оттянутой назад. В его облике ощущалось что-то неуловимо противоестественное, но трудно сказать, что именно. Может быть, то, что он очень редко моргал — у тех, кому приходилось вести с ним сколько-нибудь продолжительные беседы, глаза наполнялись влагой в бессознательной попытке компенсировать этот дискомфорт. А может быть, то, что он чересчур, совсем чуть-чуть, но все же чересчур широко улыбался, и у людей появлялось тревожное ощущение, что он вот-вот вцепится им в горло.

Большинство друзей-землян считало его эксцентричным, но безобидным — так, безалаберный выпивоха со странностями. Он, скажем, частенько вваливался без приглашения на всякие

вечеринки в университете, в стельку напивался и начинал потешаться над астрофизиками, пока те не вышвыривали его вон.

Иногда на него вдруг находило, и тогда он как загипнотизированный глазел в небо, пока кто-нибудь не спрашивал, чем это он занимается. Он виновато вздрагивал, но потом успокаивался и улыбался своим жутковатым оскалом.

— Высматриваю летающие тарелки, — шутил он, и все смеялись и начинали допытываться, какие же такие тарелки он высматривает.

— Зеленые! — отвечал он с коварной ухмылкой, дико хохотал, а потом бежал в ближайший бар и покупал выпивку на всю команду.

Подобные вечера обычно заканчивались печально. Форд старался превзойти самого себя по части виски, после чего забивался в угол с какой-нибудь девушкой и начинал путанно объяснять ей, что вообще-то, если честно, цвет летающих тарелок не так уж и важен.

Впоследствии, бредя на полупарализованных ногах по ночным улицам, он частенько натыкался на полисмена, останавливался и спрашивал, не знает ли тот дороги на Бетельгейзе. Полисмен обыкновенно говорил что-нибудь вроде: «Не пора ли вам отправиться домой, сэр?», на что

Форд неизменно отвечал: «Стараюсь, дружок, стараюсь».

На самом же деле, когда он так отрешенно, как загипнотизированный, глазел в небо, он высматривал любую, хоть какую-нибудь, летающую тарелку. А «зеленую» говорил потому, что зеленый является традиционным цветом космических костюмов на торговом флоте Бетельгейзе.

Форд Префект отчаянно ждал, чтобы как можно скорее появилась любая летающая тарелка, ибо пятнадцать лет — долгий срок для кого угодно, и уж тем более для того, кто вынужден безвылазно торчать где бы то ни было, не говоря уже о таком умопомрачительно скучном месте как Земля.

Форд Префект ждал, чтобы скорее появилась летающая тарелка, потому что знал, как нужно сигналить, чтобы они спустились и знал, как уговорить их тебя подвезти. Он вообще знал, как увидеть все чудеса Вселенной меньше, чем за тридцать алтаирианских долларов в день.

В действительности, Форд Префект работал разъездным корреспондентом издательства той самой весьма и весьма замечательной книги, путеводителя «Автостопом по Галактике».

Человеческие существа удивительно хорошо приспосабливаются к любым условиям, и

к полудню жизнь в окрестностях дома Артура устоялась и шла своим чередом. Артур взял на себя обязанность ворочаться в чавкающей грязи, эпизодически выражая желание лицезреть адвоката, или маму, или хотя бы интересную книжку; м-р Проссер принял роль оратора, призванного найти способ переубедить Артура, для чего изобретались все новые риторические приемы, как то: «это делается на благо общества», «нужно идти в ногу с эпохой», «у меня тоже когда-то снесли дом», «нужно смотреть в будущее с надеждой», и прочие произносимые с завидной регулярностью сентенции; бульдозеристы участвовали в спектакле сидя, попивая кофе и прикидывая, какие пункты профсоюзного законодательства позволят извлечь финансовую выгоду из сложившейся ситуации.

Земля медленно двигалась своим каждодневным курсом.

Солнце начинало потихоньку высушивать грязь, в которой расположился Артур.

На него опять надвинулась тень.

— Привет, Артур, — сказала тень.

Артур взглянул вверх и, сразу сощурившись от яркого солнца, с удивлением увидел, что над ним стоит Форд Префект.

— Форд! Привет, как поживаешь?

— Нормально, — ответил Форд. — Слушай, ты сейчас занят?

— *Занят* ли я? — возмутился Артур. — Я, знаешь ли, лежу тут перед бульдозерами, чтобы они не снесли мой дом, а так... в общем-то нет, ничем особенным я не занят, а что?

На Бетельгейзе нет такого понятия как сарказм, и Форд Префект, если специально не сосредотачивался, почти никогда его не замечал. Он сказал:

— Отлично. Мы можем где-нибудь поговорить?

— Что?! — взвизгнул Артур.

В течение нескольких секунд Форд, казалось, не видел его. Он пристально смотрел в небо, в одну точку, подобно кролику, который упорно дожидается, пока его переедет машина. Потом внезапно Форд опустился на корточки возле Артура.

— Нам надо поговорить, — сказал он настойчиво.

— Ладно, — согласился Артур. — Говори.

— И выпить, — добавил Форд. — Жизненно важно, чтобы мы говорили *и* пили. Прямо сейчас. Пойдем в бар в поселок.

Он опять посмотрел на небо, тревожно, выжидающе.

— Слушай, ты что, не понимаешь?! — заорал Артур. Он показал на Проссера. — Этот человек хочет снести мой дом!

Форд взглянул на него, не понимая.

— Он может это сделать и без тебя, разве нет? — спросил он.

— Но я не хочу, чтобы мой дом сносили!

— А-а.

— Что с тобой сегодня, Форд? Какой-то ты… — воскликнул Артур.

— Ничего со мной. Я обычный. Слушай меня внимательно — мне нужно сказать тебе самую важную вещь в твоей жизни. Это нужно сделать сейчас, причем не где-нибудь, а за стойкой бара в «Коне и конюхе».

— Но почему?

— Потому что тебе понадобится выпить чего-нибудь очень крепкого.

Форд пристально посмотрел на Артура, и Артур к своему удивлению почувствовал, что его воля начинает ослабевать. Он не мог знать, что подавлять чужую волю Форд научился давным-давно, пьянствуя в гиперпространственных портах мадранито-добывающих зон звездной системы Орион Бета.

Он играл там в игру, которая по своей сути не

так уж сильно отличается от армрестлинга и играется по следующим правилам.

Двое противников садятся за стол друг напротив друга, перед каждым ставится стакан.

Между ними устанавливается бутылка Джанкс Спирита (навеки прославленного в старинной песне орионских шахтеров:

Ах, не давай мне больше Ол'Джан'Спирит,

Нет, не давай мне больше Ол'Джан'Спирит,

А то башка слетит, и я тебе совру,

Глаза поджарятся, и я помру!

Не

лей мне больше грешный Ол'Джан'Спирит...)

Затем каждый из соревнующихся напрягает волю, пытаясь перевернуть бутылку и налить напиток в стакан оппонента, и последний в случае успеха обязан выпить содержимое.

Затем содержимое бутылки пополняется. Играется второй раунд. Потом третий.

Тот, кто один раз проиграл, как правило, продолжает проигрывать, поскольку Джанкс Спирит подавляет телепатические способности.

По поглощении заранее установленного объема, проигравший должен исполнить фант, который обычно оказывается непристойно физиологичным.

Форд Префект, как правило, проигрывал.

Форд пристально смотрел на Артура, и тот уже начал думать, что, возможно, и не возражал бы в конечном итоге пойти в «Коня и конюха».

— Но как же с моим домом?... — спросил он растерянно.

Форд глянул на м-ра Проссера, и зловредная мысль неожиданно пришла ему в голову.

— Это он хочет снести твой дом?

— Да, они собираются проложить...

— Но он не может, потому что ты лежишь тут перед бульдозерами?

— Да, и...

— Я уверен, мы сможем договориться! — воскликнул Форд. — Извините! — закричал он.

М-р Проссер (в это время находившийся в разгаре жаркого спора с представителем бульдозеристов по поводу того, представляет ли собой Артур Дент угрозу психическому здоровью последних, и сколько им заплатят, если представляет) оглянулся. Он был очень удивлен и несколько встревожен тем, что у Артура появи-

лась компания.

— Да? В чем дело? — прокричал он. — М-р Дент образумился?

— Не можем ли мы на данный момент, — прокричал в ответ Форд, — считать, что пока еще нет?

— И что дальше? — вздохнул м-р Проссер.

— И можем ли мы также условно считать, — предложил Форд, — что он пролежит тут весь день?

— И что дальше?

— А ваши люди будут простаивать?

— Видимо, так, видимо, так…

— Что ж, раз уж вы все равно на это решились, то м-р Дент как таковой вам здесь не нужен, правда?

— Что?

— Он как таковой, — терпеливо повторил Форд, — вам здесь не нужен.

М-р Проссер обдумал это.

— Ну, не то чтобы… — протянул он. — Не так чтобы… «Нужен» это не то слово…

М-р Проссер обеспокоился. Один из них явно нес чепуху.

Форд продолжил:

— Если вы согласитесь условно считать, что он

находится здесь, то мы с ним сможем на полчасика слинять в бар. Не возражаете?

М-р Проссер не возражал, что это полный бред.

— Звучит весьма разумно… — сказал он успокаивающим тоном, пытаясь в то же время понять, кого он хочет успокоить.

— А если вы потом сами захотите пропустить стаканчик, — пообещал Форд, — то в ответ на вашу любезность мы за вас тут побудем.

— Огромное Вам спасибо, — сказал м-р Проссер, который отчаялся понять, как ему следует себя вести. — Огромное спасибо, очень мило с вашей стороны…

Он нахмурился, потом заулыбался, потом попробовал делать то и другое вместе, а когда у него не получилось, ухватился за меховую шапку и напялил ее до самых бровей. Ему оставалось только условно считать, что он победил.

— Поэтому, — не унимался Форд Префект, — если вы будете так любезны подойти сюда и лечь…

— Что? — м-р Проссер даже потерял голос.

— Ах, простите, — сказал Форд. — Я, видимо, недостаточно ясно выразился. Ведь кому-то надо лежать перед бульдозерами, не правда ли? А то они снесут дом м-ра Дента, ведь верно?

— Что? — повторил м-р Проссер.

— Все очень просто, — вразумлял Форд. — Мой клиент, которого вы здесь видите, м-р Дент, говорит, что он встанет из грязи только на одном условии, а именно, если Вы подойдете и займете его место.

— Что ты несешь? — пискнул снизу Артур, но Форд пихнул его носком ботинка, чтобы тот замолчал.

— Вы хотите, чтобы я, — м-р Проссер старался свыкнуться с новой мыслью, — пошел и лег там?...

— Да.

— Перед бульдозерами?

— Да.

— Вместо м-ра Дента?

— Да.

— В грязь?

— Как Вы сами изволили выразиться, в грязь.

Как только м-р Проссер осознал, что проиграл ни кто иной, как он сам, груз свалился у него с плеч: это было совершенно в духе его представлений о мире. Он вздохнул.

— А за это вы поведете м-ра Дента в бар?

— Точно, — подтвердил Форд. — Вы правильно поняли.

М-р Проссер сделал несколько неуверенных

шажков вперед и остановился.

— Честное слово? — спросил он.

— Обещаю! — обещал Форд. Он повернулся к Артуру.

— Вставай, — велел он, — и дай дяде лечь.

Артур поднялся как во сне.

Форд поманил Проссера, и тот печально, неловко уселся в грязи с единственным ощущением, что вся его жизнь — это сон. Правда, непонятно чей, и непонятно, нравится ли он тому, кто его смотрит. Грязь обволокла ягодицы и начала просачиваться в ботинки.

Форд сделал страшные глаза.

— И никаких мне тут сносов дома, пока нас нет, ясно? — пригрозил он.

— Сама мысль, — забормотал м-р Проссер, — еще даже не начала рассматривать, — продолжал он, укладываясь на спину, — наличие возможности прийти мне в голову.

Он увидел приближающегося депутата от бульдозеристов, решительно откинул голову в лужу и закрыл глаза. Он попытался привести сам себе аргументы в пользу того, что его собственная персона не представляет собой угрозу психическому здоровью. Он был более чем не уверен в этом — в его воспаленном мозгу было шумно,

дымно, носились лошади и пахло кровью. Это всегда случалось, когда ему бывало не по себе или когда он чувствовал, что его обставили. Почему так случалось, он не мог себе объяснить. Там, где в лучшем измерении, о котором нам ничего неизвестно, великий Чингиз-хан неистовствовал в ярости, м-р Проссер лишь дрожал и хныкал. Он почувствовал подступающие слезы. Сволочи бюрократы, возмущенные мужики, лежащие в грязи, необъяснимые незнакомцы и нечеловеческие унижения, да к тому же конная орда, хохочущая над ним — ну и денек.

Ну и денек. Форд Префект прекрасно знал, что, снесут дом Артура Дента или нет, не имеет ровным счетом никакого значения.

Но вот Артур по-прежнему очень беспокоился на этот счет.

— Мы можем ему доверять? — озабоченно спросил он.

— Что касается меня, я бы верил ему до самого конца света, — ответил Форд.

— Да что ты, — удивился Артур, — долго же придется верить.

— Минут двенадцать, — отозвался Форд. — пойдем, надо выпить.

Глава 2

В Большой Галактической Энциклопедии есть статья об алкоголе. В ней сказано, что алкоголь — бесцветная, быстро испаряющаяся жидкость, образуемая в результате брожения сахаров. Кроме того, в статье отмечается интоксицирующее воздействие данной жидкости на некоторые формы жизни на основе углерода.

В путеводителе «Автостопом по Галактике» тоже можно найти упоминание об алкоголе. Там говорится, что лучший из всех когда-либо существовавших напитков — это горлобластер «Пан Галакт».

В путеводителе утверждается, что воздействие горлобластера «Пан Галакт» подобно мгновенному выбиванию мозгов ломтиком лимона, обернутым вокруг большого золотого кирпича.

В Путеводителе подробно рассказано, на каких планетах смешивают лучший «Пан Галакт», каковы цены на него, а также перечислены добровольные организации, помогающие в снятии абстинентного синдрома и последующей реабилитации.

Там даже приведен рецепт, как приготовить напиток в домашних условиях.

Возьмите содержимое одной бутылки Ол'Джанкс Спирита, сказано там.

Влейте туда одну часть воды, взятой из морей Сантрагинуса V — ах, эти сантрагинеанские моря, сказано там. Ах, эти сантрагинеанские рыбки!

Медленно растворите три кубика арктурианского мега-джина (мега-джин нужно как следует заморозить, иначе пропадет весь бензин).

Пропустите через эту смесь четыре литра фаллианского болотного газа, в память обо всех тех счастливых путешественниках, кто умер от удовольствия на болотах Фаллии.

По спинке серебряной ложечки осторожно влейте одну часть экстракта гипермятного квалактина, благоухающего ароматами темных Квалактиновых Зон, прекрасных, нежных и таинственных.

Бросьте внутрь зуб алголианского солнцетигра. Понаблюдайте, как он будет растворяться, излучая огни всех солнц Алгола в самом сердце напитка.

Побрызгайте земфиором.

Положите оливку.

Пейте — но очень осторожно…

Путеводитель «Автостопом по галактике» пользуется гораздо большим спросом, чем Большая Галактическая Энциклопедия.

— Шесть пинт горького, — сказал Форд Префект бармену «Коня и конюха». — И побыстрее, пожалуйста, сейчас наступит конец света.

Бармен «Коня и конюха» не заслуживал подобного обращения; он был достойным пожилым человеком. Поправив очки на переносице, он поморгал на Форда Префекта. Форд в это время смотрел в окно и потому совершенно проигнорировал моргание, и тогда бармен переключил внимание на Артура, который лишь беспомощно пожал плечами и ничего не сказал.

Тогда бармен произнес:

— Неужели, сэр? Прекрасная погода для этого, — и принялся разливать пиво.

С намерением поддержать беседу он добавил:

— Будете смотреть матч сегодня днем?

Форд резко обернулся.

— Какой смысл, — бросил он и снова отвернулся к окну.

— Таково Ваше предварительное заключение, сэр? — поднял брови бармен. — Думаете, у «Арсенала» нет шансов?

— Не в этом дело, — объяснил Форд. — Просто

сейчас будет конец света.

— Да, сэр, вы уже говорили, сэр, — бармен поверх кружек поглядел на Артура. — Что ж, тогда, считайте, «Арсенал» удачно отделался.

Форд снова повернулся к бармену, искренне удивленный.

— Да не так чтобы, — нахмурился он.

Бармен тяжко вздохнул.

— Прошу, господа, ваши шесть пинт, — сказал он.

Артур неловко улыбнулся и опять пожал плечами. После этого он обернулся и послал неловкую улыбку всем сидящим в баре, на случай, если они слышали разговор.

Человек, сидевший за стойкой рядом с Фордом, посмотрел на этих двоих, посмотрел на шесть пинт, произвел в уме некоторые арифметические вычисления, получил ответ, который ему явно понравился и с надеждой засиял в направлении Форда и Артура.

— Отвали, — рыкнул Форд. — Это наше, — и послал пьянице взгляд, который даже алголианского солнцетигра заставил бы отправиться восвояси.

Форд шлепнул по стойке пятифунтовой банкнотой. «Сдачи не надо», — сказал он.

— Как, с пятерки? Спасибо, сэр.

— У вас пять минут, чтобы их потратить.

Бармен решил не вникать в смысл сказанного, а просто ненадолго удалиться.

— Форд, — попросил Артур. — Не будешь ли ты так любезен объяснить мне, что за ерунда тут происходит?

— Пей, — настаивал Форд. — Тебе надо успеть выпить целых три пинты.

— Три пинты? — удивился Артур. — В обеденное время?

Человек рядом с Фордом заулыбался и закивал со счастливым видом. Форд не обратил на него внимания. Он изрек:

— Время — это иллюзия. А обеденное время — тем более.

— Очень умно, — поджал губы Артур, — пошли это в *Ридерс Дайджест*. Там есть колонка для умников вроде тебя.

— Пей.

— А с какой стати целых три пинты?

— Способствует релаксации мышц, тебе это понадобится.

— Релаксации мышц?

— Релаксации мышц.

Артур уставился на пиво.

— Я что-нибудь не то сегодня сделал, — спросил он, — или мир всегда такой, а я был слишком погружен в себя и не замечал?

— Ладно, — сдался Форд. — попробую объяснить. Сколько лет мы уже знакомы?

— Сколько? — задумался Артур. — Э-э… около пяти лет, а может, около шести, — решил он. — И за все это время ты ничего такого не откалывал.

— Отлично, — продолжал Форд. — А как бы ты отнесся к тому, если бы я сказал, что я вовсе не из Гилфорда, а с маленькой планеты в окрестностях Бетельгейзе?

Артур показал плечами, что отнесся бы «как-то так».

— Не знаю, — глотнув пива, ответил он. — А что, ты собираешься сказать что-то подобное?

Форд мысленно махнул рукой. Не было ни малейшего толка в этих объяснениях, конец света был слишком близок. Он просто сказал:

— Пей.

И добавил, как бы между прочим:

— Скоро конец света.

Артур на всякий случай бледно улыбнулся публике. Публика нахмурилась. Кто-то из публики даже проделал отгоняющие движения ладонью, чтобы Артур прекратил улыбаться и занялся

своими делами.

— Сегодня четверг, — объяснил Артур сам себе, пытаясь спрятаться за кружкой. — Никогда не мог нормально напиться в четверг.

Глава 3

В данный конкретный четверг в ионосфере, высоко над поверхностью планеты, медленно двигалось нечто. Точнее, нечто было не одно, их было несколько десятков, гигантских, желтых, неуклюжих, глыбоподобных, огромных как небоскребы, молчаливых как птицы. Они невесомо парили в воздухе, купаясь в электромагнитных лучах звезды Сол, выжидая, группируясь, готовясь. Планета оставалась безучастной к их присутствию, что до поры до времени полностью совпадало с их планами.

Гигантское желтое нечто проплыло незамеченным над Гуанхилли, прошло мыс Канаверал, не вызвав ни единого сигнала, Вумера и Йодрелл Бэнк посмотрели прямо сквозь него, — что обидно, ибо происходило то самое, чего там ждали долгие годы.

Единственным, кто отреагировал на присутствие желтых глыб, был маленький черный приборчик, так называемый Суб-эфирный Сенс-О-Матик. Приборчик тихонько помигивал, покоясь в темных недрах кожаного мешка-рюк-

зака, который Форд Префект всегда носил на шее. Содержимое рюкзака Форда Префекта безусловно могло бы вызвать немалый интерес у любого физика-землянина и даже заставить его глаза выскочить из орбит, почему, собственно, Форд и прятал оное содержимое под парочкой потрепанных сценариев к пьесам, для прослушивания в которых он якобы готовился. Помимо Суб-эфирного Сенс-О-Матика и сценариев, в рюкзаке у Форда лежал электронный автостоппер — короткий черный стержень в форме большого пальца, с гладкой матовой поверхностью и некоторым количеством переключателей и наборных кнопок; а еще там было устройство, похожее на большой калькулятор. На передней панели этого устройства располагалась клавиатура примерно из ста крошечных плоских кнопок и экран площадью около четырех квадратных дюймов, на который можно было моментально вывести любую из миллиона «страниц». На первый взгляд устройство казалось непостижимо сложным, и это было первой из причин появления на аккуратной пластмассовой обложке призыва «Без паники». А второй причиной было то, что это устройство являлось той самой замечательной книгой среди всех, когда-либо вышедших из печати в гигант-

ской издательской корпорации на планете Урса Минор. Это и был путеводитель «Автостопом по Галактике». Он был издан в микросубмезонном электронном виде — будь он напечатан как обычная книга, межзвездному путешественнику понадобилось бы всюду таскать за собой эквивалент нескольких многоэтажных зданий.

Под путеводителем в рюкзаке Форда Префекта валялось несколько шариковых ручек, блокнот и довольно большое купальное полотенце от Маркса энд Спенсера.

По поводу полотенец в путеводителе «Автостопом по Галактике» говорится следующее.

Полотенце, говорится там, это, пожалуй, самая полезная из всех исключительно полезных вещей, которые могут понадобиться межзвездному путешественнику (хайкеру, на их собственном жаргоне). Во-первых, оно имеет широкое практическое применение. В полотенце можно заворачиваться для тепла, когда вы пересекаете холодные пространства Яглан-бетанских лун; на полотенце можно нежиться на сияющих мраморных песках пляжей Сантрагинуса V, вдыхая одуряющие ароматы моря; полотенцем можно укрываться, ночуя под звездами, так красно сияющими над покинутой цивилизацией Какрафона;

полотенце можно употребить как парус, сплавляясь на мини-плотах по медленной сонной реке Моль; его можно намочить и использовать в рукопашной битве; или обернуть вокруг головы, чтобы защититься от ядовитых испарений или от пристального взгляда Прожорливого Приставучего Чудища Трааля (умопомрачительно тупое животное, оно считает, что если вы его не видите, то и оно не видит вас — глупое как пробка, но очень-очень прожорливое); в случае опасности полотенцем можно подавать сигнал «sos», ну и конечно, полотенцем можно вытереться, если оно все еще достаточно чистое.

Что гораздо более важно, полотенце являет собой неоценимый психологический фактор. По невыясненным пока причинам, страги (страг — не хайкер), когда они видят, что у хайкера есть с собой полотенце, то они автоматически полагают, что у того есть также зубная щетка, мочалка, мыло, пачка печенья, фляжка, компас, карта, моток веревки, спрэй от насекомых, водолазный костюм, скафандр, и т. д. и т. п. Посему, страги не задумываясь снабжают хайкера любым из перечисленных или прочими необходимыми случайно «потерянными» предметами. Страги в этом случае рассуждают так: человек, который

исколесил Галактику вдоль и поперек, терпел лишения и неудобства, ночевал черт знает где, преодолевал непреодолимое, преодолел его наконец и при этом умудрился не забыть, где у него полотенце, — это вне всяких сомнений человек, которому можно доверять.

Кстати, этим объясняется происхождение одной фразы хайкерского жаргона: «Эй, ты суссовался с Фордом, с этим прунтягой? Вот чуцан, который не забывает, где у него полотенце!» (*суссоваться* — знать, слышать о, встречать, заниматься любовью с; *прунтяга* — крутой парень; *чуцан* — чисто конкретно крутой парень.)

Покоившийся на полотенце в рюкзаке Форда Префекта Суб-эфирный Сенс-О-Матик замигал чаще. Высоко над поверхностью планеты огромные желтые глыбы начали распускаться гигантским веером. В Йодрелл Бэнк народ решил, что настало время спокойно попить чайку.

— У тебя есть с собой полотенце? — внезапно спросил Форд у Артура.

Артур, боровшийся в это время с третьей пинтой, вскинул голову:

— Что? Нет… А что, должно быть?

Он уже устал удивляться, все равно смысла не было.

Форд раздосадованно цокнул языком.

— Пей, — напомнил он.

В этот момент с улицы — сквозь тихое бормотание бара, сквозь звуки музыкального автомата, сквозь икоту алкаша, сидевшего рядом с Фордом над стаканом виски, который Форд в конце концов ему купил — просочился глухой рокочущий звук.

Артур подавился пивом и вскочил на ноги.

— Что это?! — заорал он.

— Не беспокойся, — сказал Форд. — Они еще не начали.

— Слава Богу, — выдохнул Артур и успокоился.

— Это, скорее всего, сносят твой дом, — Форд допил пиво.

— Что?! — опять заорал Артур. Внезапно чары Форда рассеялись. Артур дико поглядел сквозь него и подбежал к окну.

— Боже! И правда! Они сносят дом! Какого черта я делаю в баре, Форд?

— Теперь это уже не имеет никакого значения, — беспечно ответил Форд. — Пусть себе развлекаются.

— Развлекаются? — взвился Артур. — Развлекаются!

Он еще раз бросил взгляд в окно, чтобы убе-

диться, что речь идет об одном и том же.

— К черту такие развлечения! — взревел Артур и выбежал из бара, грозно размахивая полупустой кружкой. Если судить по провожавшим его взглядам, сегодня ему определенно не удалось завоевать симпатии у собравшихся.

— Остановитесь, вандалы! Разрушители! — голосил Артур. — Полоумные варвары! Остановитесь немедленно, слышите!

Форду пришлось последовать за ним. Напоследок он торопливо попросил у бармена четыре пакетика арахиса.

— Прошу Вас, сэр, — бармен бросил пакетики на стойку. — Двадцать восемь пенсов, будьте любезны.

Форд был более чем любезен — он дал бармену еще одну пятифунтовую банкноту и сказал, что сдачи не надо. Бармен внимательно посмотрел на банкноту, а затем на Форда. Его вдруг пробрал озноб: он испытал мгновенное острейшее ощущение, которого не смог понять, ибо до него ничего подобного не испытывал ни один человек на Земле. Дело в том, что в моменты сильного стресса любое живое существо издает тончайший подсознательный сигнал. Этот сигнал передает точное и, в общем-то, жалобное осознание того, насколь-

ко далеко находится данное живое существо от места своего рождения. На Земле невозможно быть дальше, чем за шестнадцать тысяч миль от места своего рождения, а это на самом деле не так уж и далеко, поэтому подобные сигналы слишком ничтожны, чтобы быть замеченными. Форд Префект в этот момент находился под воздействием сильного стресса, и он был рожден за шесть сотен световых лет отсюда, в ближайших окрестностях Бетельгейзе.

Бармен дрогнул, подавленный убийственным осознанием непостижимого расстояния. Он не знал, что все это значит, но посмотрел на Форда Префекта с новым чувством уважения, почти благоговения.

— Вы серьезно, сэр? — прошептал он таким тихим шепотом, что все в баре мгновенно умолкли. — Вы думаете, что сейчас наступит конец света?

— Да, — ответил Форд.

— Прямо сейчас?

Форд взял себя в руки. И тотчас пришел в самое легкомысленное расположение духа.

— Да, — подтвердил он весело, — я бы сказал, меньше чем через две минуты.

Бармен не мог поверить в то, что наяву ведет

такой разговор, но он также не поверил бы, что бывают ощущения, подобные недавно испытанным.

— Можем ли мы что-то сделать, сэр? — спросил он.

— Нет, ничего, — ответил Форд, запихивая орешки в карман.

Кто-то из притихших посетителей внезапно издал хриплый смешок, потешаясь над тем, как глупо все вдруг стали выглядеть.

Пьяница, сидевший рядом с Фордом, к этому времени порядком нализался. Ему понадобилось некоторое время, чтобы перевести взгляд на Форда.

— Я всегда считал, — заявил он, — что, когда наступит конец света, всем надо лечь и укрыться белыми простынями… или что-то в этом роде.

— Если хотите, пожалуйста, — сказал Форд.

— Так нам говорили в армии, — объяснил пьяница, и его глаза отправились в непростой путь обратно к стакану виски.

— А поможет? — спросил бармен.

— Нет, — Форд дружески улыбнулся. — Извините, — добавил он, — мне нужно идти.

Помахав на прощание, он удалился.

Все помолчали еще некоторое время. Потом

человек, издавший хриплый смешок, издал его снова. Девушка, которую он притащил с собой в бар, за последний час успела так его возненавидеть, что ей, надо думать, было приятно узнать, что через полторы минуты ее спутник превратится в облачко водорода, озона и моноксида углерода. Правда, когда придет момент, она не сможет им насладиться, будучи слишком занята собственными превращениями.

Бармен откашлялся. Он с некоторым изумлением услышал звук собственного голоса.

— Последний заказ, господа, — объявил он.

Гигантские желтые машины стали двигаться быстрее и приступили к снижению.

Форд знал об их присутствии. Видит Бог, он совсем не этого хотел.

Артур почти уже добежал по аллее до дома. Он не замечал, как холодно вдруг сделалось, какой ветер вдруг поднялся, какой мощный шквал дождя пронесся. Он не замечал ничего, кроме бульдозеров, ползавших по руинам, которые столь недавно были его домом.

— Вы варвары! — вопил Артур. — Я подам в суд! Совет заплатит за каждый пенни! А вас… а вас… вас повесят, утопят и четвертуют! И изобьют кнутом! И будут варить в котле! И вас… и вам…

вам мало не покажется.

Форд очень быстро бежал за Артуром. Очень-очень быстро.

— А потом с вами сделают то же самое! Еще раз! — брызгал слюной Артур. — А в конце я соберу то, что от вас останется и буду на этом *прыгать*!

Артур не замечал, что бульдозеристы бегут прочь от бульдозеров; он не замечал, что м-р Проссер как сумасшедший уставился в небо. М-р Проссер в ужасе смотрел, как с неба стремительно, с жутким воем, спускается огромное желтое нечто. Нечеловечески огромное желтое нечто.

— И я буду прыгать, — упорствовал Артур на бегу, — пока у меня мозоли не появятся, и я... я еще что-нибудь похуже придумаю, а потом...

Артур споткнулся, упал головой вперед, покатился и в конце концов оказался лежащим на спине. Тут до него наконец дошло, что происходит что-то непонятное. Он выбросил палец в небо.

— А это еще что за фигня? — поразился он.

Кто бы они ни были, монстры в своей помрачительной желтизне рассекали небо, разрывали его на части и сразу проскальзывали так далеко вниз, что воздух захлопывался за ними с оглушительным «бэмс!», от которого уши вжимались

в череп.

Один за другим они издавали этот звук, громче и громче.

Трудно сказать, что делали в это время люди на планете Земля, ибо они и сами не знали. Что бы они ни делали — вбегали в дома, выбегали из домов, беззвучно рыдали, напуганные грохотом, — всё было напрасно. Улицы всех городов мира кишели бессмысленно снующими людьми, машинами, столкнувшимися в тот момент, когда на них подобно цунами обрушился гром, а потом откатился, расплющивая все под собой — по горам и долам, по пустыням и океанам. Лишь один человек стоял и спокойно наблюдал за происходящим, наблюдал с вселенской тоской в глазах и резиновыми пробками в ушах. С того самого момента, как однажды ночью Суб-эфирный Сенс-О-Матик разбудил его своими сигналами, он точно знал, *чем* это кончится. Долгие годы он ждал этих сигналов, но, когда расшифровал их, холодная рука ужаса сжала его сердце. Надо же такому случиться, подумал он тогда, чтобы из всех рас и народов Галактики, что могли бы явиться с большим приветом на планету Земля, это оказались вогоны.

И все же он знал, что ему делать. В то время как

пронзительный шум флотилии вогонов рушился с высоты, он открыл свой рюкзак и выбросил сценарии («Божья харизма» и «Джозеф и удивительный техноколер пиджака его мечты») — они не понадобятся там, куда он отправится. Остальное было готово.

Он не забыл, где у него полотенце.

Внезапное молчание поразило Землю. Если могло быть что-то страшнее шума, это было молчание. Люди затаились. Ничего не произошло.

Огромные космические корабли без движения зависли в воздухе над всем сущим на Земле. Они висели не шевелясь, гигантские, тяжелые, устойчивые, прямое оскорбление законам природы. Многие люди впали в тяжелый шок от невозможности постичь происходящее: корабли висели в небе в той самой манере, в которой кирпичи не способны этого делать.

И все еще ничего не произошло.

Неожиданно раздался легкий, но всеобъемлющий звук. Все стереосистемы, все радиоприемники, все телевизоры, все магнитофоны, все репродукторы в мире тихо, сами собой, включились.

Каждая консервная банка, каждый мусорный бак, каждое стекло, каждая машина, каждый

бокал, каждая ржавая железка внезапно ожила подобно включившейся музыкальной установке.

Перед тем как погибнуть, планете Земля предстояло стать свидетельницей небывалого акустического совершенства. Но люди услышали не концерт, не музыку, не фанфары, а простое сообщение.

— Внимание, жители планеты Земля, — сказал голос, и этот голос был изумителен. Это был непереносимо-идеальный квадрофонический звук с таким низким уровнем искажения, от которого не мог бы не зарыдать даже самый храбрый мужчина.

— Говорит Простетник Вогон Йелтц из отдела галактического планирования гиперпространства, — продолжал голос. — Как все вы без сомнения знаете, через вашу звездную систему согласно планам развития отдаленных регионов Галактики должен пройти гиперкосмический экспресс-маршрут. В результате чего возникла необходимость сноса некоторых планет, в том числе, к сожалению, и вашей. Процедура сноса займет чуть менее двух земных минут. Благодарю за внимание.

Звук замер.

Волна непостижимого ужаса прокатилась по

толпам застывших людей. Ужас распространялся медленно, словно люди были листом железа, под которым движется магнит. Сквозь оцепенение проросла паника, отчаянное стремление убежать, вот только бежать было некуда.

Понаблюдав некоторое время, вогоны снова включили громкоговоритель:

— Незачем вести себя так, будто вы не в курсе. Все копии планов и приказов на снос были доступны для всеобщего обозрения в районном отделе планирования на Альфа Центавре в течение пятидесяти земных лет, так что вам было предоставлено достаточно времени для подачи официальных аппеляций. А теперь поздновато суетиться.

Громкоговоритель замолчал, и эхо уплыло вдаль. Гигантские машины медленно и грациозно развернулись в небе. С нижней стороны кораблей открылись люки, пустые черные прямоугольники.

К этому времени кто-то где-то уже настроил радиопередатчик на нужную волну и передал космическим кораблям вогонов что-то отчаянное, какую-то мольбу в защиту планеты. Никто так и не узнал, что именно было сказано, люди услышали только ответ. Громкоговоритель,

всхрапнув, вернулся к жизни. Голос, шедший из него, звучал раздраженно. Голос сказал:

— Что значит, никогда не были на Альфа Центавре? Помилосердствуйте, земляне, это же всего четыре световых года от вас. Извините, но если вы не даете себе труда поинтересоваться, что происходит у вас под самым носом, это ваши трудности… Все. Включить лучи уничтожения.

Из люков полился свет.

— Не знаю, — буркнул голос из громкоговорителя, — жалкая убогая планетенка, было бы о чем говорить.

Репродуктор выключился.

Повисло леденящее душу молчание.

Раздался леденящий душу грохот.

Воцарилось леденящее душу молчание.

Строительные корабли вогонов канули в чернильную звездную бездну.

Глава 4

Далеко-далеко, в противоположном спиральном рукаве Галактики, за пятьсот тысяч световых лет от звезды Сол, Зафод Библброкс, Президент Имперского Галактического Правительства, летел сломя голову через Дамогранские моря. Дельтакатер на ионном двигателе искрился и сверкал в ярком дамогранском солнце.

Дамогран — жаркий, далекий, почти никому не известный.

Дамогран, секретная обитель «Сердца Золота».

Катер мчался с огромной скоростью, но, тем не менее, ему требовалось немало времени, чтобы добраться до места назначения — а все потому, что планета Дамогран так неудобно устроена. Она состоит из необитаемых островов и островков, разделенных очень красивыми, но до отвращения необъятными океанскими просторами.

Катер мчался.

По причине своей топографической несостоятельности Дамогран всегда оставался необитаемым. И по этой же причине Имперское Галактическое Правительство выбрало Дамогран

местом осуществления проекта «Сердце Золота» — раз уж Дамогран такой необитаемый, а проект «Сердце Золота» такой секретный.

Катер стремительными скачками несся по морю между главных островов единственного архипелага на всей планете, размеры которого позволяли рассчитывать на практическое использование земель. Зафод Библброкс был на пути от миниатюрного космопорта на Восточном острове (название которого суть не что иное как случайное совпадение — на галактилекте, «восточный» означает «маленький, плоский и светло-коричневый») к острову, где проводились работы над «Сердцем Золота». По еще одному случайному совпадению, остров назывался Франция.

Одним из побочных эффектов разработки «Сердца Золота» явилась целая цепь абсолютно случайных и абсолютно бессмысленных совпадений.

Совершенно не случайным, однако, было то, что сегодняшний день, день завершения проекта, великий день открытия, день, в который «Сердцу Золота» суждено было предстать пред лицом восхищенной галактической общественности, был также кульминационным днем лично для Зафода

Библброкса. Именно ради этого дня принял он когда-то решение баллотироваться в президенты, решение, которое в свое время вызвало бурю крайнего удивления и недоумения у народов Галактики. Зафод Библброкс? *Президент*? Только не *этот* Зафод Библброкс! Только не *президент*! Многие граждане считали саму возможность подобного решения безоговорочным подтверждением того, что у всей вселенной окончательно съехала крыша.

Зафод ухмыльнулся и поддал газу.

Зафод Библброкс, искатель приключений, экс-хиппи, любитель развлечься, (мошенник? весьма вероятно), маньяк саморекламы, невозможный тип, который, считалось, навечно «вышел покурить».

Президент?

На самом-то деле, никакая крыша ни у кого не съехала, по крайней мере, не в этом отношении.

Во всей Галактике только шесть человек понимали, по какому принципу происходит управление Галактикой, и, как только Зафод Библброкс объявил о своем решении баллотироваться в президенты, эти шесть человек сочли, что дело более или менее в шляпе: по их мнению, Зафод был идеальной фигурой.

Единственное, чего они совершенно не понимали, так это *почему* Зафод принял такое решение.

Зафод круто повернул, лихо взметнув ввысь отвесную стену воды.

Сегодня наконец настал день, когда все поймут, что было нужно Зафоду Библброксу. Ради сегодняшнего дня он столько лет провел в Президентах. А кроме всего прочего, сегодня ему исполнялось двести лет, но это было не более чем очередное случайное совпадение.

Он вел катер по морям Дамограна и еле заметно улыбался, предвкушая замечательные события сегодняшнего дня. Он вальяжно откинулся назад и простер две руки по спинке сидения. Управлял он с помощью третьей руки, которую ему недавно вживили справа подмышкой — для занятий лыжным боксом.

— Э-эй, милый, — ворковал он сам с собой, — ты такой красавчик.

Но нервы его были напряжены до предела.

Серповидный песчаный остров Франция имел примерно двадцать миль в длину и пять миль в поперечнике. Этот остров существовал скорее не как настоящий остров, а как способ задать изгибы и контуры огромного залива. Впечатление усиливалось за счет того, что внутреннюю

береговую линию полумесяца образовывали сплошные отвесные утесы. От вершины гряды горная порода полого уходила на пять миль вниз к противоположному берегу.

На вершине стояла приемная комиссия.

Комиссия состояла по большей части из исследователей и инженеров, построивших «Сердце Золота» — почти все гуманоиды, но было среди них и несколько рептилоидов-атомщиков, два-три зеленых изящных максимегагалактианца, парочка восьминогих физитуралистов и один Хуулуувуу (Хуулуувуу — сверхразумный оттенок голубого цвета). Все, кроме Хуулуувуу были одеты в парадные разноцветные лабораторные халаты, а Хуулуувуу по торжественному случаю отражался в отдельно стоящей призме.

Присутствующие были до крайности веселы и возбуждены. Все вместе и каждый в отдельности, они сумели постичь и превзойти крайние пределы законов физики, изменить структуру материи, исказить, переплести и преобразить законы вероятного и невероятного, но, тем не менее, они почитали за честь встретиться с обладателем оранжевой ленты на шее. (Оранжевой лентой традиционно украшается шея Президента Галактики). Для них, наверное, событие не

потеряло бы своего значения даже и в том случае, если бы им стало известно, какую власть держит в своих руках Президент Галактики (т. е. совсем никакой). Всего шесть человек во всей Галактике знали, что задача Президента состоит не в том, чтобы держать в руках власть, а в том, чтобы отвлекать внимание от нее.

Зафод Библброкс справлялся с этой задачей на редкость успешно.

Толпа, ослепленная солнцем и навигационными талантами Президента, издала вздох восхищения, когда его катер, круто обогнув крайний мыс, вошел в залив. Катер сиял и переливался на солнце, широкими извивами скользя по морю.

По идее, катер мог бы и не касаться воды, поскольку уютно держался на подушке из ионизированных атомов, но для пущего эффекта был оборудован лопастями, при желании опускавшимися в воду. Лопасти со свистом вздымали струи воды, образуя громадные волны, Они зависали в воздухе, а затем рушились тысячами брызг вслед за уносившимся катером.

Зафоду нравились эффектные представления: в этом он был дока.

От резкого поворота руля катер полукругом вынесло в бухту перед утесом, он замер и легко

закачался на волнах.

В считанные секунды Зафод оказался на палубе и замахал-заулыбался трем миллиардам людей. Присутствовали, конечно, не все три миллиарда, но они наблюдали за каждым его жестом посредством маленькой 3D-камеры, почтительно трепетавшей в воздухе неподалеку. Гримасы Президента великолепно смотрелись на 3D: для этого они и были предназначены.

Он снова ухмыльнулся. Три миллиарда шесть человек пока ничего не подозревают, но сегодня он им выдаст такую штуку, от которой все обалдеют.

Камера дала крупный план того лица Зафода, которое пользовалось большей популярностью, и он еще немного помахал. Президент обладал более или менее гуманоидной внешностью, если не считать дополнительной головы и третьей руки. Его светлые волосы торчали во все стороны, голубые глаза сверкали невообразимым блеском, а подбородки были как всегда небриты.

К катеру подплыла двадцатифутовая прозрачная сфера. Она качалась и крутилась в воздухе, ослепительно искрясь на солнце. Внутри сферы плавал широкий полукруглый диван, обитый церемониальной красной кожей, и чем больше

сфера качалась и крутилась, тем более абсолютной была неподвижность дивана: он стоял, как обитая кожей скала. Это, опять же, было сделано в основном для эффекта.

Зафод ступил внутрь сферы и плюхнулся на диван. Он положил две руки на спинку, а третьей смахнул с колена невидимую пылинку. Головы улыбались и смотрели по сторонам, ноги он вытянул. Он боялся, что от внутреннего напряжения может в любую секунду закричать.

Под прозрачным пузырем кипела, била и бурлила вода. Крутясь и качаясь в этом кипении, пузырь поднимался все выше и выше, отбрасывая блики на скалы. Воздушные потоки несли пузырь вверх, а вода из-под него стремительно рушилась вниз, в море.

Зафод улыбался, рисуясь перед камерами.

Немыслимо дурацкий вид транспортировки, но и немыслимо эффектный.

У вершины утеса сфера поколебалась мгновение, затем перекатилась на огороженный перилами пандус и покатилась к небольшой вогнутой платформе, где и остановилась, замерев.

Под оглушительные аплодисменты Зафод Библброкс выскочил из прозрачного пузыря, сверкая оранжевой шейной лентой.

Президент Галактики прибыл.

Он подождал, пока стихнут аплодисменты, затем приветственно поднял руку.

— Привет, — сказал он.

Бочком подковылял государственный паук и попытался всучить Зафоду заранее отпечатанную копию торжественной речи. Исходный текст, страницы с третьей по седьмую, в настоящий момент мок в открытом Дамогранском море в пяти милях от залива. Страницы первая и вторая были похищены дамогранским пальмохохольчатым орлом и уже стали частью гнезда суперновой модели, последнего изобретения орла. Гнездо состояло в основном из папье-маше и практически полностью исключало возможность выпадения наружу недавно вылупившихся младенцев-орлят. Дамогранский пальмохохольчатый орел, хотя и слышал о выживании видов, но все же не хотел рисковать.

Зафод Библброкс знал, что подготовленная речь ему не понадобится, и мягко отстранил протянутую ножку.

— Привет, — повторил он.

Обращенные к нему лица сияли все до единого, кроме разве что одного. Он отыскал в толпе Триллиан — девушку, которую недавно подце-

пил на одной из планет. Эту планету он посещал инкогнито, с целью развлечения. Девушка была гуманоидного типа, стройная, темноволосая, с длинными локонами, пухлыми губами, смешным носом-кнопкой и карими глазами. Красный шарф, повязанный вокруг головы в своеобразной манере и длинное летящее платье из коричневого шелка придавали ей неопределенно арабский вид. Здесь, конечно, никто ничего не слышал об арабах. Арабы только что прекратили свое существование, но даже когда они еще существовали, они жили за пятьсот тысяч световых лет от планеты Дамогран. Как утверждал Зафод, Триллиан не доводилась ему никем особенным. Она просто повсюду его сопровождала и сообщала ему, что о нем думает.

— Привет, детка, — подмигнул он ей.

Натянуто улыбнувшись, она сразу отвернулась. Затем снова посмотрела в его сторону и улыбнулась более тепло — но на этот раз отвернулся он.

— Привет, — сказал Зафод спутанному клубку представителей прессы, которые толпились рядом и не могли дождаться, когда он, наконец, прекратит говорить «привет» и перейдет к цитатам. Им Президент ухмыльнулся особенно широко, предвкушая, какую цитатку сейчас за-

бабахает.

И всё же следующая реплика Зафода оказалась совсем уж бесполезной. Один из официальных представителей подумал с раздражением, что Президент сегодня явно не в настроении зачитывать заранее написанную и весьма элегантно выстроенную речь, и сквозь карман нажал кнопку дистанционного управления. Высившийся вдали невероятного размера белый купол раскололся посередине, раскрылся и медленно развернулся, сложившись на землю. Все ахнули — хотя прекрасно знали заранее, *что* им предстоит увидеть, ибо сами это и построили.

Под куполом стоял гигантский звездолет, по форме напоминавший глянцевую кроссовку, длиной в сто пятьдесят метров, ослепительно белый и умопомрачительно красивый. В самом сердце его, невидимый, таился маленький золотой ящичек, где было спрятано самое невероятное устройство из всех когда-либо созданных, устройство, которое делало этот звездолет самым уникальным космическим кораблем в истории Галактики, устройство, благодаря которому звездолет получил свое название — «Сердце Золота».

— Ух ты, — сказал Зафод Библброкс «Сердцу золота». Больше сказать было нечего.

Он повторил свои слова, так как знал, что это обозлит прессу:

— Ух ты.

Толпа повернула к нему выжидающее лицо. Он подмигнул Триллиан. Та приподняла брови и сделала большие глаза. Она уже знала, что он собирается сказать дальше и считала его за это ужасным пижоном.

— Он действительно потрясающий, — медленно заговорил Зафод. — Он на самом деле действительно потрясающий. Он такой потрясающе потрясающий, что, кажется, так бы и угнал его.

Гениально отмочил — фраза, достойная Президента. Толпа засмеялась от удовольствия, пресса радостно застучала по клавишам Суб-эфирных Новостематиков, а Президент заулыбался.

Пока он улыбался, сердце его сжималось в ожидании, и он нащупал кнопку на маленьком Парализоматике — бомбе, безмятежно лежавшей у него в кармане.

Наконец Зафод почувствовал, что не вынесет больше ни секунды. Он поднял головы к небу, издал дикий клич в большой терции, бросил бомбу на землю и побежал вперед через море быстрозамороженных лучезарных улыбок.

Глава 5

Простетник Вогон Йелтц являл собой зрелище малоприятное, даже для других вогонов. Купол его носа высился над маленьким свиноподобным лобиком. А резиновая темно-зеленая кожа была достаточна толста для тех грязных управленческих игр вогонной политики, в которые он играл, и, заметим, играл умело, и достаточно водонепроницаема, чтобы он хоть сто лет мог провести в море на тысячефутовой глубине. Впрочем, у него, конечно, не было времени купаться в море. Он был слишком занят на государственной службе. И вообще, он был таким, каким был.

Миллиарды лет назад, когда вогоны впервые выползли из недвижных вод первичных морей Вогосферы и лежали, пыхтя и отдуваясь, на девственных берегах планеты, когда первые утренние лучи молодого яркого солнца Вогосол осветили их… силы эволюции отказались от них в ту же секунду — просто отвернулись брезгливо и списали как неудачную отвратительную ошибку. С тех пор вогоны больше не развивались: они не должны были выжить.

Тот факт, что они тем не менее выжили, можно отнести за счет железной воли и удивительной упертости этих созданий. «*Эволюция?* — сказали они себе, — *Да на черта она сдалась?*», и стали сами добиваться того, чем их обделила природа, а там и научились устранять основные анатомические неудобства хирургическим путем.

Тем временем, на планете Вогосфера силы природы работали сверхурочно, стремясь восполнить ранее допущенные пробелы. Они создали алмазных мерцающих пятящихся крабов, которых вогоны пожирали, разбивая им панцири железными маллетами; создали высокие вдохновенные стройные деревья поразительного цвета, которые вогоны рубили, чтобы жарить на них крабов; создали элегантных газелеподобных существ с шелковистыми шкурками и влажными глазками, которых вогоны ловили и садились на них. Газели не годились на роль транспорта, поскольку их изящные спинки сразу же переламывались, но вогоны все равно садились на них.

И так, тысячелетиями, Вогосфера влачила несчастное существование — до тех пор, пока вогоны неожиданно не открыли способ межзвездного перемещения. Буквально за несколько лет все вогоны до единого переселились в созвез-

дие Мегабрантис, политический пуп Галактики, и вскоре сформировали костяк галактического чиновничьего аппарата. Они старались, они учились, они пытались обрести стиль и манеры, и все-таки современный вогон мало чем отличается от своих примитивных предков. Ежегодно вогоны импортируют двадцать восемь тысяч тонн алмазных мерцающих пятящихся крабов со своей родной планеты и проводят счастливые пьяные вечера, разбивая их на кусочки железными маллетами.

Простетник Вогон Йелтц был абсолютно типичным вогоном, и оттого был он совершенно подлым. А еще он не терпел хайкеров.

* * *

В маленькой темной каюте, глубоко в недрах флагманского звездолета Простетника Вогона Йелтца, нервно зажглась спичка. Владелец спички не был вогон, зато знал о вогонах все и имел полное право нервничать. Владельца спички звали Форд Префект.

Он оглядел каюту, но почти ничего не увидел; от крохотного мерцающего огонька по стенам заплясали странные причудливые тени, но кругом было тихо. Форд мысленно поблагодарил

дентрасси.

Дентрасси — непокорное племя гурманов, дикие, но симпатичные существа, которых вогоны нанимают поварами в дальние полеты, с условием, что дентрасси будут держать свои мнения, да и самое себя тоже, строго при себе. Это очень устраивает дентрасси: им нравятся денежки вогонов — самая твердая валюта во всей Галактике, но совершенно не нравятся сами вогоны. Вогоны устроивают дентрасси только в одном виде — в раздраженном.

Знание этой особенности психологии дентрасси и привело Форда Префекта к тому, что в настоящий момент он не был облачком водорода, озона и моноксида углерода.

Послышался тихий стон. В свете спички Форд разглядел на полу нечто бесформенное, совершающее короткие и бессмысленные движения. Он быстро погасил спичку, засунул руку в карман, порылся там и наконец выудил то, что искал. Он разорвал что-то, а после встряхнул. Присел на корточки. Бесформенная масса снова задвигалась.

Форд Префект сказал:

— Я купил орешки.

Артур Дент пошевелился и опять застонал,

неразборчиво бормоча.

— Съешь немного, — уговаривал Форд, тряся пакетиком, — когда в первый раз проходишь сквозь луч переноса материи, теряешь много соли и протеина. Правда, пиво должно было немного защитить твой организм.

— Бррррррр, — выговорил Артур и открыл глаза. — Темно, — сообщил он.

— Да, — согласился Форд. — Темно.

— Света нет, — сказал Артур. — Темно, света нет.

Чего Форд никогда не мог понять относительно землян, так это их привычки без конца повторять самые что ни на есть очевидные утверждения, такие как «прекрасная погода», или «ты очень высокий», или «боже мой, ты упал в тридцатиметровую яму, ты не ушибся?». Для объяснения этого странного поведения у Форда сначала была такая теория: если человеческие существа не будут постоянно упражнять губы, то их рты срастутся. После нескольких месяцев наблюдений и размышлений он выдвинул новую теорию. Если они не будут тренировать губы, то у них начнут работать мозги. Еще через некоторое время он отказался от последней теории как от оскорбительной и циничной и пришел к выводу, что

люди, вообще-то, хорошие, но все равно не переставал ужасаться тому невероятному количеству вещей, о которых они не имеют ни малейшего представления.

— Да, — поддакнул Форд, — света нет. Он дал Артуру еще немного арахиса. — Как ты себя чувствуешь?

— Как военная академия, — ответил Артур. — Во мне происходит постоянный выпуск частей.

Форд воззрился на него из темноты.

— Буду ли я жалеть, — спросил Артур слабым голосом, — если спрошу, где мы?

Форд встал.

— Мы в безопасности, — коротко сказал он.

— Слава Богу, — выдохнул Артур.

— Мы на камбузе, — добавил Форд, — космического корабля строительного флота вогонов.

— А-а, — без выражения протянул Артур, — я и не знал, что это тоже называется безопасностью.

Форд зажег еще одну спичку, и они с Артуром принялись искать выключатель. Странные причудливые тени заплясали снова. Артур с трудом поднялся на ноги и боязливо обхватил себя руками. Вокруг него теснились ужасные инопланетные предметы, воздух был спертый, в легкие проникали мощные неопознаваемые запахи,

низкий назойливый гул мешал сосредоточиться.

— Как мы сюда попали? — спросил Артур, подрагивая в ознобе.

— Мы их поймали, — ответил Форд.

— Поймали?

— Остановили и попросили подвезти.

— Прошу прощения, — разделяя слова, переспросил Артур, — ты имеешь в виду, что мы выставили большой палец, а зеленый пучеглазый монстр высунул из окошка голову и сказал: «заскакивайте, парни, могу подбросить до Басингстока»?

— Ну, — протянул Форд, — если принять во внимание, что большой палец — это автостоппер, электронное сигнальное устройство, а добросят нас до звезды Бернар, это в шести световых годах от Земли, то, в принципе, да.

— А пучеглазый монстр?

— Зеленый, как ты и сказал.

— Очень хорошо. А когда можно будет поехать домой?

— Никогда, — в этот момент Форд нашел выключатель.

— Прикрой глаза, — сказал он и включил свет.

Даже Форд был обескуражен.

— Боже правый, — скривил нос Артур, — вот

это вот и есть летающая тарелка?

Простетник Вогон Йелтц таскал свое малоприятное зеленое тело по капитанскому мостику. После уничтожения населенных планет он всегда чувствовал смутное раздражение. Хорошо бы к нему пришли и стали укорять, дескать, так поступать нехорошо, тогда бы он наорал на пришедших и почувствовал себя лучше. Со всей тяжести он грохнулся на свое место у панели управления в надежде, что кресло сломается, и появится реальный повод побыть в гневе, однако кресло только жалобно заскрипело.

— Пошел вон! — закричал Простетник на молодого караульного вогона, вошедшего в эту минуту на мостик. Караульный незамедлительно испарился, чувствуя облегчение: хорошо, что не ему придется вручать только что полученный рапорт. Рапорт представлял собой официальное уведомление о каком-то потрясающем сверхсовременном двигателе для космических кораблей, торжественное открытие которого проходило в данный момент на Дамогранской правительственной научной базе. Новый двигатель устранял потребность в гиперкосмических экспресс-маршрутах.

Приоткрылась другая дверь, но на этот раз ка-

питан вогонов не стал кричать, потому что эта дверь вела на камбуз, где дентрасси готовили ему еду. А еду сейчас можно было только приветствовать.

В дверь ввалилось огромное меховое создание с подносом. Оно с идиотским видом скалилось во всю пасть.

Простетник Вогон Йелтц возрадовался. Он знал: когда дентрасси так довольны собой, это может означать только одно — на корабле происходит что-то такое, по поводу чего можно будет как следует, по-настоящему, обозлиться.

Форд и Артур оглядывались по сторонам.

— Ну как тебе? — поинтересовался Форд.

— Да как-то убого…

Форд, нахмурясь, оглядел мятые матрацы, немытые чашки и неидентифицируемые предметы дурнопахнущего инопланетного нижнего белья, разбросанного по тесной каюте.

— Это же рабочее помещение, понимаешь, — оправдательно сказал Форд. — Казарма. Дентрасси тут спят.

— А я думал, они называются вогоны или что-то в этом духе.

— Вогоны, — объяснил Форд, — управляют кораблем, а дентрасси работают поварами, они и

пустили нас на борт.

— Ничего не понимаю, — замотал головой Артур.

— Смотри, — Форд сел на ближайший матрац и стал рыться в рюкзаке. Артур, прежде чем опасливо опуститься на матрац, недоверчиво потыкал его пальцем. На самом деле бояться было нечего, так как болотные матрацы, растущие на Скворншеллах Зета, тщательно умерщвляются и высушиваются, прежде чем поступить в эксплуатацию. Лишь очень и очень немногие возвращаются к жизни.

Форд протянул Артуру книгу.

— Что это? — спросил Артур.

— Путеводитель «Автостопом по Галактике». Что-то вроде электронной книжки. В ней рассказывается все и обо всем. Она специально для этого создана.

Артур повертел книжку в слегка трясущихся руках.

— Мне нравится обложка, — заметил он. — «Без паники». Первая разумная вещь за сегодня.

— Я тебе покажу, как она работает, — Форд забрал книгу у Артура, который все еще держал ее наотлете, будто бы это был недели две назад издохший воробей, и вытащил ее из обложки.

— Смотри. Нажимаешь кнопку, вот здесь, видишь, экран загорается. Вот это появляется оглавление.

Экран, примерно три на четыре дюйма, засветился, и по нему побежали буквы.

— Ты хочешь узнать про вогонов, поэтому я ввел это название вот сюда. — Пальцы Форда летали по клавишам. — И — пожалуйста.

На экране зеленым светом загорелись слова «строительный флот вогонов».

Форд нажал большую красную кнопку, и по экрану побежали фразы. Одновременно книга стала читать текст ровным, тихим, размеренным голосом. Вот что она сказала:

> «Строительный флот вогонов. Вы хотите, чтобы вогоны вас подвезли. Что нужно сделать? Забыть об этом. Вогоны — одна из наиболее неприятных рас во всей Галактике. Они не то чтобы злостно подлые, но они вздорные, бюрократичные, официозные и бессердечные. Без приказа они и пальцем не пошевелят, даже ради спасения родной бабушки из пасти Прожорливого Приставучего Чудища Трааля — без приказа с подписью

и печатью, в трех экземплярах, со всеми входящими и исходящими, приказа потерянного, найденного, прошедшего судебное разбирательство, снова потерянного, похороненного в мягких залежах бумаг на столе и в конце концов пошедшего на растопку.

Лучший способ получить от вогона что-нибудь выпить — это засунуть палец ему в глотку, а лучший способ досадить ему — это скормить его бабушку Прожорливому Приставучему Чудищу Трааля.

Ни в коем случае не позволяйте вогонам читать вам стихи.»

Артур оторопело глядел в экран.

— Какая странная книга. А как же тогда получилось, что нас согласились подвезти?

— В том-то и дело, это издание немного устарело, — Форд спрятал книгу обратно в обложку. — Я занимаюсь исследованиями на местах для нового, исправленного, издания, и один из пунктов, который нужно внести, как раз про то, что вогоны теперь нанимают поваров-дентрасси, благодаря чему у нас и появилась маленькая лазейка.

Лицо Артура исказилось от непонимания.

— А дентрасси-то кто такие? — спросил он.

— Классные ребята, — ответил Форд. — Они и вправду лучше всех готовят и делают самые лучшие коктейли, а все остальное им до лампочки. И они всегда берут тех, кто голосует, частично потому, что любят компанию, а частично — чтобы досадить вогонам. Именно это ты должен знать, если ты нищий бродяга, который хочет увидеть все чудеса вселенной меньше, чем за тридцать алтаирианских долларов в день. Собирать такую информацию — моя работа. Здорово, да?

Артур выглядел совершенно потерянным.

— Потрясающе, — произнес он без выражения и нахмурился, сверля взором один из матрацев.

— К сожалению, я проторчал на Земле гораздо дольше, чем собирался, — сказал Форд. — Я приехал на неделю, а застрял на пятнадцать лет.

— Но как ты вообще туда попал?

— Очень просто. Доехал на дразниле.

— На дразниле?

— Да.

— Э-э-э, а это?...

— Дразнила? Обычно это детки из богатых семей, которым нечего делать. Они летают туда-сюда, ищут планеты, которые еще не вошли в межзвездный контакт, и доводят их.

— Доводят их? — Артуру стало казаться, что Форд получает удовольствие от того, что специально усложняет ему жизнь.

— Ага, — подтвердил Форд. — Доводят. Они находят глухое место, где почти никого нет, приземляются прямо на голову какому-нибудь несчастному, который идет себе один-одинешенек и ни о чем не подозревает, начинают перед ним прыгать с антеннами на голове и кричат «би-би». Ведь рассказам бедняги потом все равно никто не поверит. Ребячество, больше ничего.

Форд лег на матрац, положив руки под голову. У него был чрезвычайно довольный вид.

— Форд, — продолжал расспросы Артур, — может, это звучит глупо, но… что *я* здесь делаю?

— Ответ ты знаешь, — сказал Форд. — Я тебя спас с Земли.

— А что случилось с Землей?

— Ох. Ее уничтожили.

— Что ты говоришь, — проговорил Артур бесцветным голосом.

— Да. Она растворилась в космосе.

— Слушай, — сказал Артур. — Меня это расстраивает.

Форд нахмурился и, казалось, пытался переварить это заявление.

— Я могу это понять, — наконец отреагировал он.

— Понять! — взвился Артур. — Он может понять!

Форд подпрыгнул.

— Смотри на обложку! — прошипел он яростно.

— Что?

— *Без паники*.

— А я без паники.

— Ну конечно.

— Хорошо! Я в панике! А что мне остается?!

— Поедем со мной, увидишь, в Галактике есть где развлечься. Кстати, тебе нужна будет рыбка в ухо.

— Прошу прощения? — переспросил Артур, очень, как ему показалось, вежливо.

Форд держал в руках маленькую стеклянную баночку, в которой плавала, извиваясь, маленькая желтая рыбка. Артур остолбенело поморгал глазами. Он страстно желал увидеть хотя бы одну простую и понятную вещь. Ему стало бы гораздо спокойнее, если бы кроме нижнего белья дентрасси, груды скворншейльских матрацев и человека с Бетельгейзе, собирающегося положить ему в ухо маленькую желтую рыбку, где-нибудь побли-

зости нашелся бы пакетик кукурузных хлопьев. Но хлопьев не было, и Артур не был спокоен.

Внезапно на них обрушился жуткий шум, и невозможно было определить, откуда он идет. Артур охнул от страха, услышав, как кто-то сражается со стаей волков и в то же самое время полощет горло.

— Шшшш, — зашипел на него Форд. — Слушай, это может быть важно.

— Ва…важно?

— Это капитан вогонов, что-то объявляет.

— Это что, вогоны так разговаривают?

— Да слушай же!

— Но я не говорю по-вогонски!

— А тебе и не надо. Просто положи рыбку в ухо.

Молниеносным движением Форд приложил сложенную чашечкой ладонь к уху Артура, и тот испытал сильнейший рвотный позыв, почувствовав, как рыбка проскальзывает в слуховой проход. В панике схватился он за ухо, но через секунду-другую вытаращился от удивления. Его ощущения представляли собой аудиоэквивалент того, что бывает, когда смотришь на черный силуэт двух повернутых друг к другу лиц и вдруг видишь вместо них белый подсвечник. Или

когда смотришь на лист бумаги, испещренный цветными точками, а они вдруг образуют цифру шесть, — и это означает, что придется покупать новые очки.

Артур был уверен в том, что по-прежнему слушает завывающее булькание, но одновременно каким-то образом звуки преобразились в обыкновенный английский язык.

Вот что он услышал…

Глава 6

«Хол хол гаргл хол гаргл хол хол хол гаргл хол гаргл хол хол гаргл гаргл хол гаргл гаргл гаргл хол слуррп ууургх получать удовольствие. Повторяю сообщение. Говорит капитан корабля, приказываю отложить все дела и слушать. Во-первых, приборы показывают, что у нас на борту парочка хайкеров. Привет, ребята, где вы там прячетесь. Надеюсь, вы отдаете себе отчет в том, что вас сюда не приглашали? Для чего, вы думаете, я стал капитаном строительного флота? Чтобы на собственном звездолете возить туда-сюда всяких кретинов? Вам тут что, такси? Поисковый отряд уже выслан, и, как только вас найдут, вас выкинут за борт. А если вам повезет, я сначала почитаю вам свои стихи.

Во-вторых, через несколько секунд мы совершим скачок в гиперпространство. Пункт назначения — звезда Бернар. По прибытии стоим в доке семьдесят два часа, покидать корабль категорически запрещено. Повторяю, увольнительные на планету отменены. Меня недавно бросила подруга, а потому и вам нечего получать

удовольствие. Конец сообщения.»

Голос замолчал.

Артур, к полному своему смущению, обнаружил, что лежит на полу, съежившись в маленький калачик и прикрыв голову обеими руками. Он неловко улыбнулся.

— Какой милый дядя, — сказал он. — Жаль, у меня нет дочери, а то я запретил бы ей выходить за него замуж…

— Тебе не пришлось бы ничего запрещать, — отозвался Форд. — Сексуально вогоны так же привлекательны, как автомобильная авария. Нет, не двигайся, — добавил он, заметив, что Артур начал распрямляться, — лучше приготовься к скачку в гиперпространство. Это неприятно. Все равно что быть под мухой.

— А что такого уж неприятного, когда под мухой?

— Смотря какая муха.

Артур обдумал это заявление.

— Форд, — позвал он.

— А?

— А что это за рыба у меня в ухе?

— Это твой переводчик. Вавилонская рыбка. Посмотри в путеводителе, если хочешь.

Быстрым небрежным движением он передал

Артуру путеводитель «Автостопом по Галактике», а сам принял позу зародыша, готовясь к скачку в гиперпространство.

В ту же секунду в мозгу у Артура отвалилась какая-то крышка.

Глаза повернулись внутрь черепа. Ноги начали медленно вытекать из макушки.

Комната свернулась вокруг него, сплющилась, завертелась и сдвинулась куда-то, а Артур остался на месте, беспомощно ускользая в собственный пупок.

Они проходили гиперпространство.

> «Вавилонская рыбка, — тихо рассказывал в это время путеводитель, — это маленькая, желтая, похожая на пиявку рыбка. Эта рыбка — одно из самых странных явлений во Вселенной. Она питается энергией мозговых волн, исходящих не от ее носителя, а от окружающих носителя существ. Она абсорбирует подсознательные ментальные частоты этих излучений и поглощает их. Затем, телепатическая матрица, представляющая собой сочетание сознательных частот мыслей и сигналов нервных оконча-

ний, поступивших из речевого центра мозга, излучавшего данные мысли, в виде экскрементов поступает в сознание носителя. Практическое применение данного природного феномена заключается в том, что, поместив вавилонскую рыбку в ухо, вы немедленно начинаете понимать все сказанное на любом языке. Речевые образцы, которые вы слышите, расшифровываются с помощью матрицы, поступившей в ваш мозг в виде экскрементов вавилонской рыбки.

Было бы слишком невероятно, если бы такая чудесная и полезная вещь как вавилонская рыбка возникла совершенно случайно. Некоторые мыслители даже считают ее окончательным и бесповоротным доказательством НЕ-существования Бога.

Доказательство выглядит приблизительно так:

— Я отказываюсь доказывать, что я существую, — говорит Бог, — так как доказательство отрицает веру, а без веры я ничто.

— Как?! — возражает Человек. — А ва-

вилонская рыбка?! Выдает тебя с головой! Не могла такая рыбка возникнуть сама по себе. Это доказывает, что ты существуешь, а следовательно, по твоим же собственным словам, ты не существуешь. Что и требовалось доказать.

— Черт побери, — говорит Бог, — об этом я не подумал, — и растворяется в тумане логики.

— Вот то-то, — говорит Человек, после чего, на бис, пробует доказать, что красное — это зеленое, и попадает под машину на ближайшем же пешеходном переходе.

Большинство ведущих теологов считает, что такое доказательство — просто коту под хвост, однако, это не помешало Оолону Каллапиду нажить на нем немалые деньги: он использовал спор о рыбке в качестве центральной темы своего очередного бестселлера «Что ж, с Богом все ясно».

Между тем, ничто другое за всю историю существования жизни во Вселенной не вызывало столько кровопролитных войн, как бедная вавилонская рыбка,

столь много поспособствовавшая устранению коммуникационных барьеров между существами различных рас и культур.»

Артур застонал. Он жалел, что адский пинок через гиперпространство не убил его. Теперь он был за шесть световых лет от того места, где находилась бы Земля, если бы она еще существовала.

Земля.

В воспаленном мозгу Артура плавали различные земные образы. Его воображение отказывалось принять тот непостижимый факт, что Земли больше нет — Земля была слишком велика для этого. Он принялся экспериментировать с собственными чувствами. Подумал, что родителей и сестры больше нет. Не волнует. Он подумал обо всех близких ему людях. Опять ноль эмоций. Тогда он подумал о совершенно постороннем человеке, за которым стоял в очереди в супермаркете пару дней назад и почувствовал внезапный укол: супермаркета больше нет, и всего, что в нем продавалось — тоже. Памятник Нельсону исчез! Он исчез, и никто не заплачет о нем, некому больше плакать. С этого момента памятник Нельсону существует только у него в голове. Англия суще-

ствует только у него в голове — голове, уткнутой в сырой вонючий матрац на летающей тарелке. На него накатила волна клаустрофобии.

Англии больше нет. Это он понимал — это каким-то образом до него дошло. Артур попробовал еще. Америки, подумал он, больше нет. А вот этого он уже не понимал. Он начал сначала, решив взять что-нибудь поменьше. Нью-Йорка больше нет. Никакой реакции. Он никогда всерьез и не верил в существование Нью-Йорка. Доллар, подумал он, канул в Лету. Так, легкая дрожь. Все фильмы Богарта, сказал он себе, исчезли навсегда, и испытал сильнейший шок. Макдональдс, вспомнил он. Больше не существует такой вещи, как гамбургер из Макдональдса.

Он потерял сознание. А когда пришел в себя, обнаружил, что рыдает по своей маме.

Артур как оголтелый вскочил на ноги:

— Форд!

Форд скучно посмотрел из угла, где он сидел и что-то мычал про себя. Как таковой, процесс прохождения через пространство всегда казался ему довольно нудным.

— А? — откликнулся он.

— Если ты работаешь исследователем для этой штуки, книги, или как там, и ты был на Земле,

значит, ты собирал материалы?

— Да, мне удалось кое-что добавить к первоначальным сведениям.

— Можно мне посмотреть, что там говорится?

— Конечно, посмотри.

Форд снова передал книгу Артуру.

Артур жадно схватил ее, тщетно пытаясь унять дрожь в руках. Он ввел ключевое слово и нажал кнопку. Экран загорелся, что-то прокрутилось на нем, после чего открылась страница текста. Артур уставился на нее.

— Здесь нет такого пункта! — воскликнул он.

Форд заглянул ему через плечо.

— Есть, есть, — успокоил он, — посмотри, внизу экрана, как раз над Эссентрикой Галламбитс, трехгрудой шлюхой с Эротикона 6.

Артур проследил направление, куда указывал пальцем Форд. Некоторое время он все-таки ничего не мог найти, а потом так и зашелся от возмущения:

— Что? *Безопасна*? И это все? *Безопасна*! Одно слово!

Форд пожал плечами.

— Знаешь, в Галактике сто миллиардов звезд, а микропроцессор не бездонный, — объяснил он, — и к тому же никто ничего не знал о Земле.

— Господи ты боже мой, но тебе-то удалось собрать информацию?

— Конечно, удалось. Я передал редактору новый текст. Пришлось чуточку подредактировать, но все же это новая версия.

— И что же там теперь говорится? — спросил Артур.

— В основном безопасна, — смущенно кашлянул Форд.

— *В основном безопасна*! — вскричал Артур.

— Что за шум? — спросил Форд шопотом.

— Это я кричу, — прокричал Артур.

— Тихо! Помолчи! — цыкнул Форд. — Мне кажется, у нас неприятности.

— *Ему* кажется!

Из-за двери отчетливо доносился звук маршрующих ног.

— Дентрасси? — пролепетал Артур.

— Нет, подошвы стальные, — мотнул головой Форд.

— Тогда кто это? — испугался Артур.

— Хм, — хмыкнул Форд, — если нам повезло, то это пришли вогоны, чтобы выкинуть нас за борт, в открытый космос.

— А если не повезло?

— Если не повезло, — мрачно продолжил

Форд, — то, возможно, капитан не шутил, когда пообещал почитать нам свои стихи…

Глава 7

Согласно вселенской классификации, поэзия вогонов помещается на третьем месте с конца. Второе место с конца принадлежит крианским азготам. Когда их великий мастер, Хрюкос Метеорист, впервые читал на публике свою новую поэму «Ода маленькому зеленому комочку слизи, который появился у меня подмышкой прекрасным утром в середине лета», четверо слушателей умерло от внутреннего кровоизлияния, а президент межгалактического комитета Дурнобелевских премий по искусству выжил исключительно благодаря тому, что отгрыз себе ногу. Хрюкос, как сообщалось, был крайне «расстроен» приемом, который получила поэма, и собирался уже приступить к чтению своего двенадцатитомного эпоса под общим названием «Мои любимые ванные полоскалки», когда его толстая кишка, в попытке спасти жизнь цивилизаций, проскочила через горло и перекрыла доступ кислорода к мозгу.

Самая отвратительная поэзия во вселенной исчезла вместе со своей создательницей, Паулой

Нэнси Миллстоун Дженнингс, в Гринбридже (Эссекс, Англия), в момент разрушения планеты Земля.

Простетник Вогон Йелтц о-очень медленно растянул рот в улыбке. Сделал он это не столько для усиления эффекта, сколько пытаясь вспомнить последовательность необходимых движений мышц. Он только что о-очень хорошо поорал на своих пленников, а теперь успокоился и был в состоянии проявить полнейшее бездушие.

Пленники сидели в Креслах Восхищения Поэзией — привязанные ремнями. Вогоны не питали никаких иллюзий относительно приема, который обычно оказывался их произведениям. Ранние попытки сочинительства у вогонов были сродни стуку кулаком по столу с требованиями получить звание образованной и культурной расы, но вот уже много веков ими двигала чистая злокозненность.

Капли холодного пота выступили на лбу Форда Префекта и скатились по электродам, подсоединеным к вискам. Электроды шли от целой батареи всяческих приборов — усилителей воображения, модуляторов ритма, аллитеративных резидуляторов, отражателей метафор — призванных передать мысль поэта во всех нюансах и тем

самым дать слушателю возможность получить максимум впечатлений.

Артур Дент дрожал. Он не представлял себе, что его ждет. Но он точно знал, что ему крайне не нравится все, что с ним случилось за последнее время и не надеялся, что ситуация может измениться к лучшему в ближайшем будущем.

Вогон начал чтение — мерзопакостные пассажи его собственного сочинения.

«Гардыбл быдл грынбагле...» — затянул он. Тело Форда забилось в корчах — это было даже хуже, чем он рассчитывал.

«... мине миктурасьоны — как плурцы гыблоблочиц дре на обохармымой пчеле».

— Аааааааааааууууууууууугх! — выл Форд, запрокидывая голову в попытке избавиться от пронзительной боли. Сквозь пелену он видел, что Артур мечется по креслу из стороны в сторону. Форд сжал зубы.

— Грооб познаю вами я, — продолжал безжалостный вогон, — мне фунтин тырлундрым.

Скрип его голоса достиг ужасной непереносимой ноты. «И хуптишенно пордуши морщинистой крюкрукой, иль я сдеру с тебя — о! — выртоксочья вонзив бурлигилет, скажи только что нет!»

— Нннньььььььуууууууррррррггггггггхххххх! —

в последнем спазме пронзительно прокричал Форд, когда электронный сигнал от последней строки со всей силы вдарил по виску. Тело Форда обмякло.

Артур все мотался из стороны в сторону.

— Ну-с, земляне… — проклокотал вогон (он не знал, что Форд Префект на самом деле происходил с маленькой планеты в окрестностях Бетельгейзе, а если бы и знал, плевал бы на это с высокой вышки), — перед вами о-очень простая альтернатива! Либо вы сдохнете в космическом вакууме, либо… — он помедлил для вящего мелодраматизма, — расскажете мне, как хороша моя поэма!

Он эффектно раскинулся в громадном кожаном кресле со спинкой в форме летучей мыши и следил за пленниками. Он снова исполнил уже заученный трюк с улыбкой.

Форд хватал ртом воздух. Наждачным языком он провел по запекшимся губам и застонал.

Артур сказал просветленно:

— На самом деле, мне, в общем, понравилось.

Форд повернулся в кресле и воззрился на него. Такой ход просто не пришел ему в голову.

Вогон изумленно поднял бровь, которая довольно удачно прикрыла его нос.

— Да что ты, — проворчал он в изрядном по-

трясении.

— Да, конечно, — заверил Артур, — мне показалось, что некоторая метафизическая образность воздействует в данном случае особенно хорошо.

Форд продолжал глазеть на него, медленно группируя разрозненные мысли вокруг абсолютно новой концепции. Что, если им действительно удастся таким бессовестным способом выпутаться из этой истории?

— Прошу, продолжайте, — попросил вогон.

— Ах… и, э-ээм… кроме того, интересная ритмическая композиция, — продолжал Артур, — которая так удачно оттеняет весь… мммм… эээээ, — замялся он.

Форд бросился на выручку, принимая удар на себя:

— …оттеняет сюрреализм скрытых метафор…мммм… — он тоже замялся, но тут снова вступил Артур:

— гуманности…

— Вогонности, — зашипел Форд.

— Да, конечно, вогонности — простите — страстной души поэта, — Артур почувствовал, что попал в нужную струю, — которая проходит по всей ткани поэмы, сглаживая одно, усиливая другое, и в конце концов достигает соответствия

с фундаментальной дихотомией третьего, — его речь достигла крещендо, — и тогда читатель приходит к глубочайшему и животрепещущему осознанию… эээ, — тут вдруг вдохновение полностью покинуло Артура. Форд снова поспешил на помощь с решающим ударом:

— Того, о чем написана поэма! — прокричал он. И добавил тихонько, в сторону:

— Ловко сработано, Артур, молодец.

Вогон внимательно разглядывал их. На какой-то момент его ожесточенное расовое сознание было тронуто, но потом он подумал, нет уж, слишком мало и слишком поздно. Когда он заговорил, звук его голоса напомнил звуки когтей кошки, раздирающей нейлоновую щетку.

— То есть вы хотите сказать, что я пишу стихи, потому что под моей черствой бессердечной наружностью скрывается нежное существо, которое жаждет любви, — произнес он, — так, что ли?

Форд нервно засмеялся.

— Да, в смысле, конечно, — забормотал он, — мы все жаждем, разве нет, ну… глубоко внутри… ммм…

Вогон встал.

— Нет, вы ошибаетесь, — заявил он, — я пишу стихи, чтобы придать моей черствой бессердеч-

ной наружности еще больше убедительности. И я все равно выброшу вас за борт. Караульный! Отведите пленников в отсек номер три и выбросьте их вон!

— Что?! — взвизгнул Форд.

Караульный, большой молодой вогон, выступил вперед и огромными пузырчатыми руками содрал с пленников ремни, которыми они были привязаны к креслам.

— Вы не можете выбросить нас в открытый космос, — кричал Форд, — мы пишем книгу.

— Сопротивление бесполезно! — прокричал молодой вогон в ответ. Это была самая первая фраза, которую он выучил, когда поступил в вогонное караульное училище.

Капитан проследил за ними с отстраненным удовольствием и отвернулся.

Артур обернулся к нему с диким ужасом на лице.

— Я не хочу сейчас умирать! — завопил он. — У меня голова болит! Я не хочу отправиться на небеса с головной болью, у меня будет не то настроение!

Караульный сцапал их обоих за шею и, почтительно кланяясь капитановой спине, поволок сопротивляющихся пленников вон с капитан-

ского мостика. Стальные двери закрылись, и капитан вновь остался один. Он тихо мычал что-то, листая тетрадку со стихами.

— Хм, — проговорил он про себя, — *оттеняет сюрреализм скрытых метафор*...

Он подумал над этим с минуту, а потом захлопнул тетрадку с мрачной улыбкой.

— Смерть — этого для них слишком мало, — заключил он.

По длинному стальному коридору эхом разносились слабые протесты двух гуманоидов, крепко стиснутых подмышками у молодого вогона.

— Вот это здорово, — бормотал Артур, — просто великолепно. Пусти меня, грубиян!

Вогон тащил их дальше.

— Не беспокойся, — заверил Форд, — я что-нибудь придумаю.

Он не терял надежды.

— Сопротивление бесполезно! — взревел караульный.

— Не говори таких вещей, — заикаясь, попросил Форд, — как можно сохранять позитивный настрой, если ты говоришь такие вещи?

— Боже мой, — пожаловался Артур, — ты еще говоришь о позитивном настрое! Это ведь не у тебя сегодня разрушили родную планету. Я встал

утром, собирался приятно провести день, почитать, вычесать собаку... И вот нет еще и пяти, а меня уже вышвыривают из летающей тарелки! И все это за шесть световых лет от дымящихся останков Земли! — он захлебнулся и забулькал, поскольку вогон усилил хватку.

— Главное, — сказал Форд, — перестань паниковать.

— А кто сказал, что я паникую? — огрызнулся Артур. — Это пока просто шок. Вот подожди, я освоюсь, осмотрюсь. Тогда и начну паниковать!

— Артур, ты впадаешь в истерику. Замолчи! — Форд мучительно пытался собраться с мыслями, но ему не дал караульный вогон:

— Сопротивление бесполезно!

— И ты тоже замолчи! — рявкнул Форд.

— Сопротивление бесполезно!

— Да расслабься, — бросил Форд. Он вывернул голову так, чтобы видеть лицо захватчика. Внезапно его осенило.

— А тебе правда это нравится? — вдруг полюбопытствовал он.

Вогон остановился как вкопанный. На его лицо медленно заползло выражение непроходимой тупости.

— Нравится? — пробасил он. — Что вы имеете

в виду?

— Я имею в виду следующее, — пояснил Форд, — действительно ли ты получаешь от этого полное удовлетворение? От того, что маршируешь, орешь, выкидываешь людей в открытый космос…

Вогон уставился в стальной потолок, и его брови накатились одна на другую. Слюна потекла изо рта. Наконец он ответил:

— Ну, режим работы устраивает…

— Так и должно быть, — одобрил Форд.

Артур извернулся и посмотрел на Форда.

— Форд, что это ты задумал? — спросил он шепотом.

— Я просто проявляю интерес к окружающей меня действительности, ты что, против? — вполголоса отозвался Форд. — Так, стало быть, часы работы подходящие, — продолжил беседу он.

Вогон опустил глаза с потолка на Форда, и было видно, как в мутных глубинах его мозга тяжело ворочаются коротенькие мысли.

— Ага, часы подходящие, — закивал он, — но, раз уж вы сами об этом заговорили, признаюсь, что минуты в большинстве своем хреновые. Кроме разве… — ему опять пришлось задуматься, что потребовало еще одного продолжительного

взгляда в потолок, — вот, кричать мне нравится. — Он набрал в легкие побольше воздуха и начал:

— Сопротивление…

— Да-да, я знаю, — поспешно перебил Форд, — это у тебя хорошо получается, сразу видно. Но если минуты хреновые, — сказал он, разделяя слова, чтобы дать им время дойти до места назначения, — зачем же ты это делаешь? Что тебя заставляет? Девочки? Кожаная форма? Чувствуешь себя мачо, да? Или тебе просто кажется интересной концепция принятия бессмысленности рутинной работы?

Артур оторопело переводил взгляд с одного на другого.

— Ээээ… — замычал караульный. — Ээээ… эммм… черт его знает. Я думаю, я просто… просто делаю это и все. Моя тетя говорит, что караульный на звездолете — хорошая карьера для молодого вогона. Знаете, форма, кобура на поясе, бессмысленная рутина…

— Вот оно, Артур, — у Форда сделался вид человека, наконец получившего возможность выложить козырную карту, — а ты еще думаешь, что это у тебя проблемы.

Артур действительно так думал. Кроме непри-

ятности, случившейся с его родной планетой, у него появилась еще одна неприятность, более частного характера: вогон почти что задушил его. А кроме того, ему претила мысль быть выброшенным в открытый космос.

— Ты лучше попробуй понять его проблемы, — настаивал Форд, — вот он перед тобой, несчастный парень, все, что у него в жизни есть, все, что ему приходится делать, это маршировать, выбрасывать людей в открытый космос…

— И кричать, — подсказал караульный.

— И кричать, конечно, — согласился Форд, похлопывая пузырчатую руку, добродушно давившую ему на шею, — а он и сам не знает, зачем это делает!

Артур согласился, что все это весьма печально. Он продемонстрировал свое согласие слабым жестом, поскольку был уже слишком задушен и не мог издать ни звука.

Громкие раскаты полнейшего изумления донеслись из глотки караульного.

— Теперь, когда вы мне об этом сказали, я думаю…

— Молодец, — подбодрил Форд.

— Но только, — продолжались раскаты, — что я могу поделать?

— Ну, — вдохновенно, но медленно произнес Форд, — прекратить этим заниматься, конечно! Заявить, — продолжил он, — что ты не намерен дальше так продолжать.

Он чувствовал, что к сказанному необходимо что-нибудь добавить, но на данном этапе караульному, вроде бы, и так хватало пищи для размышлений.

— Эээээммммммм… — засомневался караульный, — звучит не очень-то здорово.

Форд с ужасом ощутил, как от него ускользает инициатива.

— Подожди, подожди, — заторопился он, — это же только начало, понимаешь, дальше будет еще интереснее, ты увидишь…

Но объятия караульного вновь стали крепче, и он поволок пленников дальше по направлению к отсеку номер три. Тем не менее, он был явно растроган вниманием.

— Вообще-то, раз уж вам все равно, — сказал он, — я бы пихнул вас в отсек номер три, а потом пошел бы докричал сколько мне на сегодня положено.

Форду Префекту было отнюдь не все равно.

— Постой… послушай! — воскликнул он, уже не так медленно и не так вдохновенно.

— Хххгггггрррррр, — невнятно поддержал его Артур.

— Погоди, — настаивал Форд, — ведь существует музыка и всякие такие вещи, о которых мне надо тебе рассказать! Айгггггггхххххххх!

— Сопротивление бесполезно! — сообщил караульный очень громко, а затем добавил потише:

— Понимаете, если я буду стараться, то меня со временем назначат старшим кричальным офицером, а некричальных и невыбрасывальных вакансий не так уж много, так что, я думаю, надо выбирать то, что умеешь.

Они уже прибыли к нужному отсеку — он представлял собой большой стальной люк, закрытый массивной крышкой, утопленной в стену корабля. Караульный нажал какие-то кнопки, и крышка люка мягко раскрылась.

— Спасибо за внимание ко мне, — поблагодарил вогон. — А теперь пока!

Он забросил Форда с Артуром внутрь тесного помещения. Артур лежал, ловя ртом воздух. Форд проворно вскочил и попытался просунуть плечо в уже закрывающийся проем.

— Но послушай, — кричал он караульному, — ведь есть же целый мир, о котором ты ничего не знаешь… ну вот например… — и он в отчаянии

ухватился за единственный пришедший на ум ходовой элемент культуры: пропел первые ноты бетховенской Пятой.

— Ду-ду-ду-дум! Неужели это тебя не трогает?

— Да нет, — пожал плечами караульный, — не очень-то. Но я расскажу тете.

Если он и сказал что-нибудь еще, то ни Артур, ни Форд его не услышали. Крышка люка плотно закрылась, и все звуки умолкли, кроме далекого жужжания двигателей.

Они находились в блестящей полированной цилиндрической камере около шести футов диаметром и длиной примерно десять футов.

Форд, тяжело дыша, озирался по сторонам.

— Неплохие задатки у парня, я считаю, — сказал он и сполз на пол по вогнутой стене.

Артур все еще лежал там, где упал. Он не смотрел по сторонам. Он просто лежал и задыхался.

— Мы в ловушке, да?

— Да, — подтвердил Форд, — мы в ловушке.

— А… ты ничего не придумал? Ты, вроде бы, говорил, что что-нибудь придумаешь. Может, ты уже придумал, а я и не знаю.

— Да, кое-что я тут подумал, — выдохнул Форд.

Артур с надеждой посмотрел на него.

— Но, к сожалению, — продолжил Форд, — для

него, ну, для того, о чем я подумал, нужно было, чтобы мы находились по ту сторону этой герметичной дверцы.

И он пнул ногой люк, через который их только что зашвырнули в отсек.

— Это была хорошая идея?

— О да, замечательная.

— А какая?

— Ну, детали я не успел проработать. Сейчас-то уж все равно, правда?

— А что… Что будет дальше? — спросил Артур.

— О… эээ… значит, так: через несколько секунд автоматически откроется вот это отверстие, и нас выбросит в открытый космос, где, как я полагаю, мы сразу задохнемся. А если ты наберешь полные легкие воздуха, то, конечно, сможешь продержаться тридцать секунд… — рассказал Форд. Он засунул руки за спину, поднял брови и начал напевать старый бетельгейзианский военный гимн. В этот момент он показался Артуру очень чужим.

— То есть, — проговорил Артур, — мы сейчас умрем.

— Да, — просто согласился Форд, — разве что… нет! Погоди! — Он неожиданно бросился куда-то за спину Артуру. — Что это за выключатель?

— Какой? Где? — засуетился Артур, оборачиваясь.

— Я пошутил, — сказал Форд, — мы все-таки умрем.

Он опять прислонился к стене и продолжил выводить свой мотив с того места, где остановился.

— Знаешь, — признался Артур, — в такие вот минуты как сейчас, когда я заперт в этом отсеке на космическом корабле вогонов вместе с человеком с Бетельгейзе, и скоро умру от удушья в открытом космосе, я очень-очень жалею, что не слушал того, о чем говорила мне моя мама, когда я был маленьким.

— А что она тебе говорила?

— Откуда я знаю. Я же не слушал.

— А-а. — Форд продолжал мычать.

«Потрясающе, — подумалось Артуру, — памятника Нельсону больше нет, Макдональдса больше нет, а все, что осталось — это я и слова «в основном безопасна». Через пару секунд останутся только слова «в основном безопасна». А еще вчера все шло так хорошо».

Мотор взревел.

Слабое шипение слилось с оглушительным ревом врывающегося внутрь воздуха — внешний люк открылся навстречу пустой черноте,

усеянной крошечными, ослепительно яркими точечками света. Форд и Артур вылетели в открытый космос как пробки из игрушечного ружья.

Глава 8

Путеводитель «Автостопом по Галактике» — весьма и весьма замечательная книга. В разных редакциях она издавалась и переиздавалась множество раз. Свой вклад в ее создание внесли многочисленные путешественники и исследователи.

Во введении к книге говорится следующее:

«Космос, — говорится там, — велик. Очень велик. Вы просто не поверите, как он невероятно, непостижимо, умопомрачительно велик. Вы-то можете считать, что вам невероятно далеко ходить в прачечную за два квартала, но это просто копейки по сравнению с космосом. Вот послушайте...» и так далее.

(Спустя пару абзацев стиль изложения несколько устаканивается, и дальше рассказывается о вещах, которые действительно интересно узнать, например, о том, что обитатели сказочно прекрасной планеты Бетселамин в последнее время так обеспокоены кумулятивной эрозией почв, вызванной топотанием ног десяти миллиардов туристов, которые за год посещают планету, что

любой дисбаланс между тем, какое количество пищи вы потребляете и какое количество экскрементов производите за время своего пребывания на планете, удаляется из вашего тела хирургическим путем при выезде: поэтому всякий раз при посещении уборной жизненно важно не забывать квитанцию.)

Справедливости ради следует сказать, что при столкновении с непостижимой необъятностью межзвездных расстояний сдавались и лучшие умы, чем тот, что ответственен за введение к Путеводителю. Некоторые предлагают представить себе арахис в Рединге и маленький грецкий орех в Йоханнесбурге, или используют другие, не менее головокружительные, концепции.

Голая правда состоит в том, что межзвездные расстояния не укладываются в человеческое сознание.

Даже свету, который перемещается так быстро, что большинству рас нужны тысячи лет для осознания того факта, что он вообще движется, требуется время на то, чтобы дойти от одной звезды до другой. Свету нужно восемь минут на то, чтобы попасть от звезды Сол до того места, где раньше была Земля, и еще четыре года на то, чтобы достичь Альфы Проксима, ближайшего

соседа звезды Сол.

Чтобы свет дошел до другой стороны Галактики, до Дамограна, например, нужно времени побольше: пятьсот тысяч лет.

Рекорд, поставленный хайкерами, рискнувшими преодолеть такое расстояние, составляет около пяти лет, но они признаются, что смотреть по дороге в окно было неинтересно.

В путеводителе «Автостопом по Галактике» утверждается, что, если вы наберете полные легкие воздуха, то сможете прожить в полнейшем вакууме открытого космоса в течение тридцати секунд. Однако, говорится дальше, поскольку космос умопомрачительно велик, то вероятность поймать за эти тридцать секунд другой космический корабль составляет один к двум в степени двести семьдесят шесть тысяч семьсот девять.

По абсолютно ошеломительному совпадению, это число являлось также телефонным номером одной квартиры в Айлингтоне, куда Артура однажды пригласили на очень приятную вечеринку, и где он познакомился с одной очень симпатичной девушкой, которую ему совершенно не удалось увести с собой — ее увел какой-то тип, пришедший без приглашения.

И, хотя планета Земля, квартира в Айлингтоне

и телефон к этому моменту прекратили свое существование, все-таки приятно сознавать, что память о них была до какой-то степени увековечена тем фактом, что, после двадцати девяти секунд в открытом космосе, Форд и Артур были спасены.

Глава 9

Компьютер заголосил в тревоге, зарегистрировав самопроизвольное, без видимых причин, открывание и последующее закрывание двери входного люка.

В Галактике появилась дыра. Ее размеры составили ничтожно малую долю секунды в длину, ничтожно малую долю дюйма в ширину и довольно много миллионов световых лет из конца в конец.

Когда дыра закрылась, из нее в изрядном количестве высыпались и поплыли по Вселенной бумажные шляпы и воздушные шарики. Семеро маркетологов, каждый ростом в три фута, тоже вывалились из дыры и умерли, частью от удушья, частью от удивления.

Кроме того, из дыры вывалилось двести тридцать девять тысяч яиц всмятку. Они материализовались на бесплодных голодных землях Погриля системы Пансель в виде громадного неустойчивого кургана.

К тому моменту на Погриле вымерли от голода все дикие племена, за исключением одного

человека — он умер несколько недель спустя от отравления холестерином.

В течение той ничтожно малой доли секунды, что просуществовала дыра, она смещалась взад и вперед во времени самым невероятным образом. Где-то в отдаленном прошлом она нанесла серьезные повреждения небольшой случайной группе атомов, дрейфовавших в стерильной пустоте пространства, после чего они соединились друг с другом в весьма экстраординарные модели, которые в самом скором времени обучились самокопированию (это, собственно, и есть самое экстраординарное свойство моделей атомов) и в дальнейшем принесли массу беспокойства тем планетам, куда им довелось попасть. Так во Вселенной зародилась жизнь.

Пять диких событий Мальстрема закрутились в жестоких вихрях беспричинности и выплеснули мостовую.

На мостовой лежали Форд Префект и Артур Дент. Они открывали и закрывали рты, подобно рыбам, выброшенным на сушу.

— Вот, пожалуйста, — задыхаясь, выговорил Форд, цепляясь за мостовую, несущуюся в третьем приближении к неизведанному, — я же говорил, что-нибудь придумаю.

— Конечно, — сказал Артур, — конечно.

— Видишь, как я догадался, — хвастанул Форд, — поймать пролетающий звездолет и спастись.

Настоящая Вселенная изогнулась под ними тошнотворной дугой. Многочисленные параллельные вселенные стадами горных коз продефилировали мимо. Первичный свет взорвался, разбрызгав повсюду желеобразные куски пространства-времени. Время распустилось, материя съежилась. Самое большое простое число беззвучно сформировалось в углу и тут же спряталось навсегда.

— Иди ты, — отмахнулся Артур, — шансы против этого были астрономические.

— Зато сработало, — хихикнул Форд.

— Что это за корабль, куда мы попали? — спросил Артур. Под ними разверзлась бездонная яма вечности.

— Не знаю, — ответил Форд, — я еще не открывал глаза.

— Я тоже, — сказал Артур.

Вселенная подпрыгнула, замерла на месте, зашаталась и разлетелась в самых неожиданных направлениях.

Артур и Форд открыли глаза и оторопело по-

смотрели вокруг.

— Боже ты мой, — воскликнул Артур, — похоже на побережье Саутенда.

— Ха. Хорошо, что ты это сказал, — обрадовался Форд.

— Почему?

— Потому что я подумал, что сошел с ума.

— А может, ты и сошел. Может, тебе только кажется, что я это сказал.

Форд подумал.

— А ты говорил? Или нет? — спросил он.

— Кажется, да, — ответил Артур.

— Может, мы оба сошли с ума?

— Может, — кивнул Артур, — даже наверняка, раз думаем, что это Саутенд.

— А ты думаешь, что это Саутенд?

— Да.

— И я.

— Стало быть, мы — сдвинулись.

— Самое время.

— Точно, — подтвердил пробегавший олигофрен.

— Кто это был? — без особого интереса спросил Артур.

— Кто — человек с пятью головами и самбуковым кустом в селедках?

— Да.

— Не знаю. Просто прохожий.

— А-а.

Они оба сели на мостовой и не без стеснения стали наблюдать за гипертрофированными детьми, игравшими в песочек, и дикими лошадьми, с топотом перевозящими по небу штабеля усиленных ограждений для областей неизведанного.

— Ты знаешь, — задумчиво произнес Артур, — если это Саутенд, то он какой-то странный…

— Ты хочешь сказать, что море стоит неподвижно как скала, а здания волнами набегают туда-сюда? — спросил Форд. — Я тоже подумал, что это как-то не так. На самом деле, — продолжал он, наблюдая, как, бумкнув, Саутенд раскололся на шесть равных сегментов, которые закружились в буйной пляске, соединяясь в беспутные, непристойные пары, — тут все очень странно.

Дикие завывания духовых и струнных инструментов засохли в воздухе, на дорогу выскочили горячие пончики по десять пенсов штука, с неба повалила мерзкая рыба, и Форд с Артуром решили побежать за ней.

Они продирались сквозь толстые стены звуков, горы архаичных мнений, долины меланхолич-

ной музыки, собрания неудобной обуви и прочих безделушек, и вдруг услышали женский голос.

Голос звучал мелодично, но говорил только одно:

— Два в степени сто тысяч к одному, и меньше, — а больше ничего не говорил.

Форд соскользнул по световому лучу и завертелся, отыскать источник звука, но не смог увидеть ничего, во что можно было бы поверить.

— Что это за голос? — громче, чем нужно, прокричал Артур.

— Не знаю, — откликнулся Форд, — не знаю. Похоже на значение вероятности.

— Вероятности? Что ты имеешь в виду?

— Ну, вероятность. Как, знаешь, два к одному, три к одному, пять к четырем. А тут говорят, два в степени сто тысяч к одному. Это уже довольнотаки невероятно.

Без предупреждения на них вылился ушат заварного крема.

— И что это значит?! — закричал Артур.

— Что, крем?

— Да нет, значение вероятности!

— Не знаю. Ничего не знаю. Знаю только, что мы на каком-то космическом корабле.

— Смею предположить, — едко заметил Ар-

тур, — что мы не в каютах первого класса.

Ткань пространства-времени забугрилась. Огромными уродливыми буграми.

— Аааааххххгггггггг, — сказал Артур, почувствовав, что тело его размягчилось и стало выгибаться в странных местах. — Саутенд, кажется, тает… звезды кружатся…помойное ведро… ноги уезжают на закат… левая рука тоже отвалилась.

Тут его посетила страшная мысль.

— Черт, — сказал он, — что же мне теперь без рук делать с электронными часами? — в отчаянии он скосил глаза, пытаясь найти Форда.

— Форд, — позвал он. — Ты превращаешься в пингвина. Прекрати.

Голос возник опять:

— Два в степени семьдесят пять тысяч к одному, и меньше.

Форд в возмущении заплюхал в пруду.

— Эй, вы кто? — прокрякал он. — Вы где? Что происходит? И как это прекратить?

— Успокойтесь, — вежливо, совсем как стюардесса в авиалайнере с одним крылом и пожаром в двигателе, — отозвался голос, — вы в совершенной безопасности.

— Но не об этом же речь! — заорал Форд. — В безопасности, не в безопасности, а я — пингвин!

А у моего товарища пропадают конечности!

— Все в порядке, мне их вроде вернули, — перебил Артур.

— Два в степени пятьдесят тысяч к одному, и меньше, — продолжал невозмутимый голос.

— Правда, — добавил Артур, — они длиннее, чем я обычно ношу, но…

— Почему, — каркал Форд в праведном птичьем гневе, — вы ничего не хотите нам объяснить?!

Голос откашлялся. На горизонте выскочил гигантский марципан.

— Добро пожаловать, — произнес голос, — на звездолет «Сердце Золота».

Голос продолжал говорить.

— Пожалуйста, не беспокойтесь, — вещал он, — если вы видите или слышите странные вещи. Так и должно быть, поскольку коэффициент вашего спасения от неминуемой гибели был равен два в степени двести семьдесят шесть тысяч к одному — а может быть, гораздо выше. Сейчас наш полет проходит с коэффициентом два в степени двадцать пять тысяч к одному, коэффициент продолжает уменьшаться, норма будет установлена, как только мы поймем, где она. Спасибо. Два в степени двадцать тысяч к одному, и меньше.

Звук оборвался.

Форд с Артуром сидели внутри маленькой светящейся розовой кабинки.

Форд сделался до крайности возбужден.

— Артур! — восклицал он, — это потрясающе! Нас подобрал корабль с бесконечно-невероятностным двигателем! Удивительно! О нем ходили всякие слухи! Официально все отрицалось, но, значит, его-таки построили! Построили невероятностный двигатель! Артур, это… Артур? Что происходит?

Артур подпирал своим телом дверь в кабинку, не давая ее открыть, но дверь была плохо пригнана. Сквозь щели просовывались маленькие мохнатые ручки с пятнами чернил на пальчиках; из-за двери несся писклявый гвалт.

Артур беспомощно поглядел на Форда.

— Форд! — сказал он. — За дверью миллион макак. Хотят обсудить с нами сценарий к «Гамлету». Говорят, это они его написали.

Глава 10

Бесконечно-невероятностный двигатель представляет собой ультрасовременный способ покрывать огромные межзвездные расстояния за ничтожно малую долю секунды безо всякой необходимости болтаться в гиперпространстве.

Идея такого двигателя родилась благодаря счастливой случайности, и впоследствии трансформировалась в правительственную программу, осуществляемую группой разработчиков Галактического Правительства на Дамогране.

История вкратце такова.

Принципы получения небольших количеств конечной невероятности элементарным замыканием логических цепей электронного мозга «Бэмблвинни 57 Суб-Мезон» на датчик молекулярных смещений, подвешенный в генераторе сильного броуновского движения (скажем, в чашке горячего чая), были, разумеется, прекрасно известны, — и такие генераторы частенько использовались для создания непринужденной атмосферы на званых вечерах: с их помощью можно было, в соответствии с теорией неопре-

деленности, заставить, например, нижнее белье хозяйки дома внезапно отпрыгнуть на метр в сторону.

Однако, многие уважаемые физики отказывались признавать бесконечно-невероятностные двигатели, частично потому, что это подрывало основы науки, но также и потому, что их не приглашали на подобные вечера.

Кроме того, они не хотели признавать, сколь бесславными были их попытки сконструировать генератор поля бесконечной невероятности, необходимый для перемещения космических кораблей на парализующе-огромные межзвездные расстояния, — поэтому в конце концов раздраженно объявили создание подобного прибора практически невозможным.

Но вот в один прекрасный день студент, которому велели подмести лабораторию после одной особенно шумной вечеринки, подумал следующее.

Если, подумал он про себя, такой прибор практически невозможен, то, следовательно, его появление есть событие конечной невероятности. Поэтому, чтобы его создать, требуется всего лишь вычислить, насколько в точности он невероятен, ввести это значение в генератор

конечной невероятности, залить туда чашку свежезаваренного горячего чая… и нажать кнопку!

Так он и поступил — после чего был до глубины души поражен тем, что ему удалось буквально из воздуха создать вожделенный генератор бесконечной невероятности.

Галактический Институт вручил ему Приз За Исключительный Ум — после чего он был поражен еще сильнее, когда на пороге почтенного заведения его линчевала разъяренная толпа уважаемых физиков, до которых наконец-то дошло, что единственное, чего они действительно не желают признавать, так это всяких хитрозадых умников.

Глава 11

Невероятностно-прочная кабина управления на «Сердце Золота» ничем не отличалась от прочих подобных кабин на обычных звездолетах, разве что идеальной чистотой — ведь корабль был совсем новый. С некоторых кресел еще даже не сняли полиэтиленовую упаковку. В кабине преобладал белый цвет, она была прямоугольная, размером с небольшой ресторанчик. Если приглядеться, можно было заметить, что прямоугольность форм слегка нарушена: более длинные стены изящно изгибались параллельно друг другу, а угловые контуры были приятно сплюснуты. По правде говоря, было бы много проще и практичнее построить эту кабину как нормальную трехмерную прямоугольную комнату, но в этом случае дизайнеры умерли бы с горя. Тем не менее, надо отдать им должное, в кабине удалось создать притягательную нарочито-рабочую атмосферу, подчеркнутую рядами огромных мониторов, выстроившихся по выгнутой стене над приборной и навигационной панелями. В углу притулился робот, повесивший сверкающую

полированную стальную голову между сверкающих полированных стальных колен. Робот тоже был вполне новый, но, несмотря на прекрасную конструкцию и идеальную полировку, части его более или менее гуманоидного тела казались недостаточно ладно пригнанными. На самом деле робот был собран с полным соблюдением технологии, но что-то в его облике давало основания предположить, что он мог бы быть собран и получше.

Зафод Библброкс нервно шагал туда-сюда, то и дело касаясь пальцами сверкающего оборудования и хихикая от возбуждения.

Триллиан склонилась над приборами, читая показания. Система оповещения разносила ее голос по всему кораблю.

— Пять к одному и меньше..., — говорила она, — четыре к одному и меньше... три к одному... два... один... коэффициент невероятности один к одному... мы в норме, повторяю, мы в норме.

Она выключила микрофон — потом сразу же с легкой улыбкой включила его снова — и добавила:

— С этого момента все, с чем вы не способны справиться, — это ваши собственные проблемы. Пожалуйста, успокойтесь. За вами скоро при-

шлют.

Зафод спросил с раздражением:

— Кто это такие, Триллиан?

Триллиан повернулась к нему от приборов и пожала плечами:

— Просто двое ребят, которых мы подобрали в открытом космосе. Сектор ZZ9 Плюрал Z Альфа.

— Все это прелестно, и ты так мило к этому относишься, — взорвался Зафод, — но не думаешь ли ты, что это неразумно, учитывая обстоятельства? Ты понимаешь, что я хочу сказать — мы в бегах и все такое, за нами, наверно, гонится полиция со всей Галактики, а мы останавливаемся и подбираем хайкеров. Что, по-твоему, ты вытворяешь? Десять из десяти за хорошие манеры, дорогая, но за сообразительность — минус сто миллионов!

Он раздраженно побарабанил по приборному щитку. Триллиан молча отодвинула его руку, пока он не добарабанился до какой-нибудь жизненно важной кнопки. Каковы бы ни были достоинства Зафода — напористость, бравада, самомнение — с техникой он был не в ладах и мог запросто взорвать корабль одним-единственным экстравагантным жестом. Триллиан давно уже подозревала, что главная причина, почему ему удается вести столь дикую и столь успешную

жизнь, кроется в его полном непонимании значения собственных поступков.

— Зафод, — спокойно сказала она, — они были в открытом космосе без скафандров… ты же не хотел, чтобы они умерли, правда?

— М-м-м… наверно, нет. Во всяком случае, не такой смертью… Но…

— Не такой смертью? Умерли, но не такой смертью? Но? — Триллиан сверлила его взглядом, склонив голову набок.

— Может, их потом кто-нибудь другой бы подобрал…

— Еще секунда, и они бы погибли.

— Вот-вот, если бы не твое поспешное решение, проблема исчезла бы сама собой.

— И ты спокойно дал бы им умереть?

— Не так уж спокойно, но…

— В любом случае, — Триллиан отвернулась к приборам, — это не я подобрала их.

— Что значит не я? А кто же?

— Корабль.

— ?…

— Корабль. По собственной инициативе.

— Как это?

— Пока мы были в невероятностном поле.

— Но это невозможно!

— Нет, Зафод. Это всего лишь очень-очень невероятно.

— Ах да.

— Слушай, Зафод, — Триллиан похлопала его по руке, — перестань нервничать. Самые обычные ребята — я так думаю. Я пошлю за ними робота. Эй, Марвин!

Из угла донесся звук резко вздернутой стальной головы, которой затем помотали, как бы стряхивая сон. Робот поднялся на ноги, тяжело, будто бы весил фунтов на пять больше, чем на самом деле, и предпринял то, что независимый сторонний наблюдатель назвал бы героической попыткой пересечь комнату. Он остановился перед Триллиан и уставился сквозь ее левое плечо.

— Мне кажется, вам следует знать, что я крайне подавлен, — изрек робот. Голос его звучал глухо и безжизненно.

— Мама дорогая, — пробормотал Зафод и свалился в кресло.

— А у меня *как раз* есть для тебя занятие, — искусственно-бодрым тоном, хоть и не без сочувствия, сообщила Триллиан, — чтобы у тебя в мозгу не было места плохим мыслям.

— Не поможет, — простонал Марвин, — у меня исключительно большой мозг.

— Марвин! — прикрикнула Триллиан.

— Хорошо, — подобрался Марвин, — что вы хотите заставить меня делать?

— Иди вниз к выходу номер два и приведи пришельцев на допрос.

Выждав микросекундную паузу, голосом безупречно выверенной высоты и тембра — ничего, на что можно было бы обидеться, — Марвин умудрился выразить свой ужас и глубокое презрение ко всему человеческому.

— Только это? — осведомился он.

— Да, — ответила Триллиан твердо.

— Я не получу от этого никакого удовольствия, — заявил Марвин.

Зафод не выдержал и вскочил с кресла.

— А кто тебя просит получать удовольствие? — взорвался он, — Просто выполняй, что велят! Будь любезен.

— Хорошо, — трагично, как огромный треснувший колокол, прогудел Марвин, — я сделаю это.

— Замечательно, — съязвил Зафод, — великолепно. Спасибо огромное.

Марвин повернулся и поднял на него красные треугольные, вершиной вниз, глаза.

— Я ведь не испортил вам настроения, нет? — жалобно спросил он.

— Нет-нет, Марвин, — бодрость в голосе Триллиан достигла опасной звонкой ноты, — не беспокойся, все в порядке… в жизни все бывает.

Марвин сверкнул электронным взором.

— Жизнь, — с отвращением бросил он, — не говорите при мне о жизни.

Он безрадостно развернулся на месте и потащился вон из кабины. Дверь закрылась за ним, удовлетворенно мурлыкнув и щелкнув.

— Не думаю, что смогу долго выносить этого робота, Зафод, — пожаловалась Триллиан.

В Большой Галактической Энциклопедии роботы определяются как механические аппараты, созданные, чтобы делать за человека его работу. Отдел маркетинга сириусианской кибернетической корпорации описывает роботов как «ваших пластиковых друзей, с которыми приятно проводить время».

В путеводителе «Автостопом по Галактике» отдел маркетинга сириусианской кибернетической корпорации определяется как «сборище полных кретинов, которых первыми поставят к стенке, когда случится революция», со сноской на тот предмет, что заявки от желающих занять должность редактора отдела писем по роботематике принимаются круглосуточно.

Любопытно, что в издании Большой Галактической Энциклопеции, которому благодаря искажению пространства-времени посчастливилось вернуться из далекого будущего в наши дни, отдел маркетинга сириусианской кибернетической корпорации определяется как «сборище полных кретинов, которых первыми поставили к стенке, когда случилась революция».

Розовая кабинка испарилась, макаки сгинули в лучшее измерение. Форд и Артур увидели, что находятся в грузовом отсеке космического корабля. Интерьер корабля выглядел впечатляюще.

— Кажется, звездолет совсем новый, — заметил Форд.

— Откуда ты знаешь? — спросил Артур. — У тебя что, есть прибор для определения возраста металла?

— Нет, просто где-то тут на полу валялась рекламная брошюрка. Такая, знаешь, а-ля «Вселенная станет вашей». Где же это?... А! Вот.

Форд ткнул в одну из страничек. Артур прочел:

> «Сенсационный прорыв в невероятностной физике! Двигатель корабля достигает бесконечной невероятности — а корабль достигает всех точек во Все-

ленной одновременно! На зависть всем другим правительствам!».

— Ба! Вот так штука. — Взгляд Форда жадно сновал по техническим спецификациям. Эпизодически Форд издавал возгласы изумления, поражаясь, сколько всего он пропустил за годы своей ссылки.

Артур слушал его некоторое время, но затем, будучи не в силах постичь большую часть реплик, задумался о своем, водя пальцами по клавиатуре компьютера. Внимание его привлекла большая красная кнопка. Он протянул руку и нажал ее. На экране зажглась надпись «Будьте любезны больше не нажимать эту кнопку». Артур опомнился.

— Послушай, — сказал Форд, все еще погруженный в рекламную брошюру, — какую они штуку придумали. «Новое поколение роботов и компьютеров НЧК, разработанных сириусианской кибернетической корпорацией.»

— НЧК? — переспросил Артур. — Что это такое?

— Настоящие Человеческие Качества.

— Упф, — скривился Артур. — Гадость какая.

Голос у них за спиной произнес:

— Так и есть.

Голос был тусклый, унылый, и сопровождался глухим лязгом. Обернувшись, они увидели металлического человека, жалко сгорбившегося в дверном проеме.

— Что?! — переспросили они хором.

— Гадость, — объяснил Марвин. — Так и есть. Ужасная гадость. Даже не говорите при мне об этом. Взгляните на эту дверь, — он сделал шаг внутрь и заговорил, имитируя стиль рекламной брошюры. Дружно сработали микросхемы иронии, встроенные в модулятор голоса: — «Все двери этого звездолета обладают веселым солнечным расположением. Им приятно открываться перед вами, и они закрываются за вами с чувством удовлетворения от хорошо проделанной работы.»

Дверь стала закрываться за ним, и по издаваемому ею звуку было ясно, что она действительно испытывает удовлетворение. «Уууууммиуммах», — сладко простонала дверь.

Марвин смерил ее презрительным холодным взглядом. Его логические микросхемы в это время возмущенно галдели, пытаясь развенчать концепцию применения физической силы. В спор вступили и другие микросхемы, которые сказали: «стоит ли беспокоиться», и «какой смысл», и

«бесполезно вмешиваться». Прочие микросхемы подивились на молекулярный состав дверных компонент и мозговых клеток гуманоидов. Потом, от скуки, они измерили уровень водородной эмиссии в кубическом парсеке окружающего пространства и отключились в тоске. Спазм отчаяния сотряс тело робота.

— Пойдемте, — прогудел он, — мне велено сопроводить вас на капитанский мостик. Посмотрите на меня: мозг размером с планету, а мне приказывают вести пришельцев на капитанский мостик. И это называется работой, приносящей удовлетворение? Я вас умоляю.

Он повернулся и пошел к ненавистной двери.

— Э-э, извините, — позвал Форд, идя следом, — какому правительству принадлежит этот корабль?

Марвин проигнорировал вопрос.

— Посмотрите, посмотрите на эту дверь, — ворчал он, — сейчас опять откроется. Так вся и расползлась от удовольствия.

С обворожительным постаныванием дверь скользнула в сторону, и Марвин тяжелым шагом прошел сквозь нее.

— За мной, — скомандовал он.

Остальные быстро проследовали за ним, и

дверь скользнула на место с благодарным щелчком и урчанием.

— Спасибо отделу маркетинга сириусианской кибернетической корпорации, — Марвин тяжко волочил ноги по сияющему изогнутому коридору, простиравшемуся впереди. — «Давайте построим роботов с настоящими человеческими качествами», сказали они. И попробовали. На мне. Я — опытный образец. Стыдно сказать.

Форд и Артур смущенно забормотали невнятные слова протеста.

— Ненавижу эту дверь, — не мог успокоиться Марвин. — Я не порчу вам настроение, нет?

— Какому правительству… — снова начал Форд.

— Никакому правительству этот корабль не принадлежит, — оборвал его робот, — он в угоне.

— В угоне?

— В угоне? — передразнил Марвин.

— Кто его угнал? — спросил Форд.

— Зафод Библброкс.

С лицом Форда случилось нечто очень странное. Отчетливые выражения как минимум пяти различных градаций шока и изумления нагромоздились одно на другое. Левая нога Форда, в данный момент находившаяся в воздухе, ка-

залось, забыла, каким образом она могла бы опуститься на пол. Форд уставился на робота и попытался распутать перепутавшиеся мышцы лица.

— *Зафод Библброкс*?... — слабым голосом пробормотал он.

— Опять я что-нибудь не то сказал? — поинтересовался Марвин, продолжая свой нелегкий путь. — Что ж, извините, что вообще осмеливаюсь дышать... чего я на самом деле никогда не делаю, зачем же тогда я это сказал, не знаю, о Боже, как я подавлен. А вот еще одна счастливая и довольная дверь. *Жизнь*! Не говорите при мне о жизни.

— Никто и не говорит, — раздраженно буркнул Артур. — Форд, что с тобой?

Форд смотрел на него оторопело:

— Этот робот действительно сказал «Зафод Библброкс»?

Глава 12

По кабине «Сердца Золота» носились громкие завывания ганк-рока — Зафод пытался настроить суб-эфирный радиоприемник и послушать, что о нем говорят в новостях. Управлять агрегатом было довольно сложно. Раньше, в течение долгих лет, радио настраивали с помощью кнопок и рычажков. Потом, с развитием высоких технологий, кнопки и рычажки сделались чувствительными к прикосновению — нужно было лишь провести по ним кончиками пальцев; теперь же стало достаточно с надеждой помахать рукой в направлении приемника. Новый способ, конечно, экономил массу мышечных усилий… но при этом, чтобы продолжать слушать свою программу, вам нужно было сидеть до ужаса неподвижно.

Зафод махнул рукой и включил следующий канал. Тоже дурацкая музыка, только на этот раз сопровождаемая программой новостей. Новости всегда сильно редактировали, чтобы их ритм совпадал с ритмом музыки.

«…а сейчас на нашем канале передаем последние известия, мы вещаем повсеместно и

круглосуточно, — квакал голос диктора, — и говорим «привет-привет» всем разумным формам жизни во всех уголках Галактики…и всем остальным тоже привет-привет, главное, ребята, сердцем не стареть. В первую очередь, разумеется, сногсшибательная новость дня — дерзкий угон сверхсовременного звездолета на двигателе бесконечной невероятности! И кем бы вы думали? Никем иным, как Президентом Галактики Зафодом Библброксом. Окончательно ли сдвинулся Большой З.? — вот вопрос, который весь день у всех на устах. Библброкс, тот, кто изобрел горлобластер «Пан Галакт», экс-мошенник, человек, отмеченный Эссентрикой Галамбитс как лучший трах-бах со времен великого Баха, на днях в седьмой раз избранный хуже всех одетым живым существом во Вселенной… Понимает ли он на сей раз, что делает? На этот вопрос нам ответит его мозготерапевт, Гаг Галфрунт…»

Музыка оборвалась и нырнула куда-то. Раздался другой голос, по всей видимости, принадлежащий Галфрунту. Он сказал: «Снаетте, Сафот ттакой самечаттелный селофек», но не сумел продолжить, потому что пролетевший по кабине электрокарандаш пересек область выключения радиоприемника. Зафод повернулся и укориз-

ненно воззрился на Триллиан — это она бросила карандаш.

— Здрасьте, — сказал он. — Это еще зачем?

Триллиан в задумчивости тыкала пальцем в экран, полный непонятных цифр.

— Знаешь, что я подумала… — начала она.

— И что же ты подумала? Такое важное, что надо было отвлекать меня от новостей обо мне же самом?

— Ты и так достаточно часто о себе слышишь.

— Я в очень сложном положении. И ты это знаешь.

— Можем мы на некоторое время оставить в покое твое положение? И поговорить о другом — тоже важном?

— Если где-нибудь есть что-нибудь более важное, чем мое положение, я хочу поймать и пристрелить его, — Зафод постоял с грозным видом, а потом расхохотался.

— Слушай, — сказала Триллиан, — мы подобрали этих ребят…

— Каких ребят?

— Которых мы подобрали.

— Ах да, — сообразил Зафод, — этих ребят.

— Мы подобрали их в секторе ZZ9 Плюрал Z Альфа.

— Неужели, — Зафод моргнул.

Триллиан спросила тихо:

— Тебе это о чем-нибудь говорит?

— Ммм, — задумался Зафод, — ZZ9 Плюрал Z Альфа. ZZ9 Плюрал Z Альфа?

— Ну? — настаивала Триллиан.

— Ээээ… А что значит буква «Z»? — проявил заинтересованность Зафод.

— Которая?

— Любая.

Для Триллиан одной из главных трудностей в отношениях с Зафодом была необходимость научиться отличать случаи, когда он притворялся тупым, чтобы ослабить бдительность собеседника, от случаев, когда он притворялся тупым, потому что ему было лень думать и он хотел, чтобы кто-то сделал это за него, или же притворялся тупым, чтобы никто не догадался, что он не понимает, что происходит, — и все это к тому же надо было уметь отличать от тех особенных случаев, когда он проявлял истинную глупость и тупость. Зафод повсеместно славился как исключительно умный человек, и действительно был таким — но не постоянно, и это, очевидно, беспокоило его. Отсюда и его глупое поведение. Он предпочитал, чтобы люди были озадачены,

лишь бы не презирали его. Последнее казалось Триллиан наиболее глупым, но она больше не собиралась обсуждать эту тему.

Она вздохнула и вывела на экран карту звездного неба, чтобы наглядно все объяснить Зафоду, неважно, по каким причинам ему это было нужно.

— Вот, — показала она, — это здесь.

— А… да! — воскликнул Зафод.

— Ну? — понукнула его Триллиан.

— Что ну?

Одно полушарие ее мозга наорало на другое. Она сказала, очень спокойно:

— Это тот же сектор, откуда ты увез меня.

Он посмотрел на нее, а потом снова посмотрел на экран.

— Ах да, — крикнул он, — вот это да! Это каким же образом мы проскочили прямо в центр туманности Лошадиная Голова? Как это мы здесь оказались? Такая дыра!

Триллиан проигнорировала последнее утверждение.

— Невероятностный двигатель, — объяснила она терпеливо. — Ты сам мне это объяснял. Мы проходим каждую точку Вселенной, ты же знаешь.

— Все равно странное совпадение, правда?

— Да.

— Подобрать кого-то именно в этом месте? Из всех координат Вселенной? Это же просто… Надо посчитать. Компьютер!

Бортовой компьютер производства сириусианской кибернетической корпорации, державший под своим контролем все дела на корабле, перешел в режим общения.

— Всем привет! — бодро крикнул он и одновременно выплюнул крошечную ленту, на которой для протокола было отпечатано «всем привет».

— О Боже, — Зафод возвел глаза к потолку. Он работал с этим компьютером совсем недавно, но уже успел возненавидеть его.

Компьютер говорил с энтузиазмом и несколько нахально, как будто рекламировал отбеливатель.

— Хочу, чтобы вы знали: я здесь, чтобы помочь вам в решении всех проблем, каковы бы они ни были!

— Да-да, — скучно пробубнил Зафод, — я, пожалуй, лучше посчитаю на бумажке.

— Конечно! — крикнул компьютер, и одновременно отстукал свои слова в специально подставленную мусорную корзину. — Я пони-

маю. Если вам когда-нибудь понадобится…

— Заткнись, — Зафод схватил карандаш и сел рядом с Триллиан за приборную панель.

— Ладно, ладно, — сказал компьютер обиженным голосом и отключил речевой канал.

Зафод и Триллиан склонились над цифрами, которые выводил на экран сканер невероятностной траектории.

— Можем ли мы посчитать, — поинтересовался Зафод, — насколько, с их точки зрения, невероятным было их спасение?

— Конечно, можем, это константа, — ответила Триллиан, — два в степени двести семьдесят шесть тысяч семьсот девять против одного.

— Ни черта себе! Круто. Какие два везунчика.

— Да.

— Но относительно того, что мы делали, когда корабль их подобрал…

Триллиан поколдовала над цифрами и получила два-в-степени-бесконечность-минус-один против одного (иррациональное число, имеющее условное значение в невероятностной физике).

— Какая малюська, — Зафод присвистнул.

— Да, — согласилась Триллиан и загадочно на него поглядела.

— Это офигительно невероятно. Что-то очень-

очень невероятное нужно поставить в баланс, чтобы получить такое «итого».

Зафод поцарапал на бумажке, зачеркнул и выбросил карандаш.

— Черт! Не могу посчитать.

— И?…

Зафод в раздражении стукнул головами и сжал зубы.

— Ладно, — сдался он. — Компьютер!

Речевые схемы немедленно возродились к жизни.

— О-о, всем привет! — сказали они (стук-стук, стук-стук). — Моя задача — делать вашу жизнь лучше и лучше и лучше…

— Ага, классно, заткнись и посчитай тут кое-что.

— Конечно, — стрекотал компьютер, — вам нужен вероятностный прогноз на основе…

— Невероятных данных. Правильно понимаешь.

— Хорошо, — барабанил компьютер. — Позволю себе лишь одно маленькое замечание. Думали ли вы когда-нибудь, что жизнь большинства людей управляется телефонными номерами?

Озадаченное выражение появилось на одном лице Зафода и медленно перелезло на второе.

— С дуба рухнул? — спросил он.

— Нет, но вы можете, когда я вам скажу, что…

Триллиан ахнула. Она набрала что-то на клавиатуре сканера невероятностной траектории.

— Телефонные номера? — проговорила она. — Он сказал «*телефонные номера*»?

На экране одна за другой загорались цифры.

Компьютер, некоторое время вежливо молчавший, решил продолжить свою речь.

— То, что я собирался вам сказать…

— Не затрудняйтесь, — перебила Триллиан.

— Слушай, в чем дело? — влез Зафод.

— Не знаю, — протянула Триллиан, — только пришельцы — здесь, они идут на мостик вместе с этим несчастным роботом. Можно их показать на мониторе, будьте добры?

Глава 13

Марвин со стонами плелся по коридору.

— А еще у меня эти ужасные диодные боли в левом боку…

— Да что вы? — мрачно твердил Артур, следуя за роботом. — Какой ужас.

— Да, — жаловался Марвин, — я просил их заменить, но никто меня не слушает…

— Могу себе представить.

Со стороны Форда доносилось загадочное посвистывание и бормотание. «Так-так-так», — говорил он время от времени сам себе, — «Зафод Библброкс…»

Неожиданно Марвин остановился и поднял руку.

— Вы, конечно, догадываетесь, что случилось?

— Нет, а что? — Артур не догадывался.

— Мы подошли еще к одной двери.

Действительно, перед ними снова была раздвижная дверь. Марвин с подозрением смотрел на нее.

— Ну? — нетерпеливо сказал Форд. — Проходить будем?

— *Проходить будем*? — передразнил Марвин. — Да. Будем. Это вход на капитанский мостик. Мне было приказано доставить вас на мостик. Не удивлюсь, если это будет самое интеллектуальное поручение за весь день, нисколько не удивлюсь.

С брезгливым отвращением он сделал шаг по направлению к двери, осторожно, как охотник, боящийся вспугнуть дичь. Внезапно створки двери разъехались в стороны.

— Спасибо, — спела дверь, — за удовольствие, которое вы мне доставляете.

Глубоко в грудной клетке Марвина что-то лязгнуло.

— Интересно, — похоронным голосом произнес он, — почему это, как подумаешь, что жизнь у тебя — хуже некуда, тут-то она и становится еще ужаснее?

С усилием он протащил свое тело сквозь дверной проем. Артур с Фордом остались позади, они поглядели друг на друга и недоуменно пожали плечами. Из-за двери послышался голос Марвина:

— Полагаю, сейчас вы пожелаете лицезреть пришельцев. А мне как, прикажете сесть в угол и ржаветь там, или можно прямо здесь развалиться на части?

— Будь добр, проводи их сюда, Марвин, пожалуйста, — донесся другой голос.

Артур взглянул на Форда и был совершенно огорошен тем, что тот смеется.

— Что?...

— Шшшш, — сказал Форд. — Пойдем.

Он вошел на капитанский мостик.

Артур боязливо вошел вслед за ним и был огорошен повторно, увидев человека, который, положив ноги на панель управления, качался на стуле и левой рукой ковырял в зубах правой головы. Казалось, правая голова полностью поглощена этим занятием и ничего вокруг не замечает, зато левая улыбалась широкой, спокойной, беззаботной улыбкой. Артур больше уже не мог справиться с тем неимоверным количеством вещей, в которые он был не в состоянии поверить. Челюсть его отвисла.

Странный человек лениво помахал рукой Форду и, с отвратительно беспечным выражением, бросил:

— Форд, привет, как поживаешь? Как мило, что ты заглянул.

Форд твердо решил, что в этой ситуации самым невозмутимым будет он.

— Зафод, — манерно заговорил он, — рад тебя

видеть, хорошо выглядишь, и новая рука тебе идет. Классный кораблик спер.

Артур обратил к Форду округлившиеся глаза.

— Ты хочешь сказать, что знаешь этого парня? — сказал он, тыча пальцем в сторону Зафода.

— Знаю его! — воскликнул Форд. — Да он…

Тут он замолчал и, подумав, решил провести процедуру знакомства в другой последовательности.

— Кстати, Зафод, позволь тебе представить моего друга, Артура Дента, — сказал он, — я его спас, его планета взорвалась.

— Ясен пень, — кивнул Зафод, — привет, Артур, клево, что ты спасся.

Его правая голова отвлеклась на минутку, сказала «привет» и вернулась к своему увлекательному занятию.

— Артур, — продолжил Форд, — а это мой двоюродный полубрат, Зафод Библ…

— Мы знакомы, — сказал Артур резко.

Когда несешься по шоссе довольный собой, легко обгоняя другие несущиеся по шоссе машины, и вдруг переключаешься с четвертой на первую вместо третьей, и двигатель выскакивает и превращается в кашу, то это выбивает вас из колеи так же, как последнее замечание выбило

из колеи Форда.

— Э-э-э… как? — просипел он.

— Я сказал, что мы знакомы.

Зафод смущенно дернулся и повредил десну.

— Э… разве? А! Э…

Форд повернулся к Артуру с сердитым блеском в глазах. Вообще-то, почувствовав себя дома, он уж было начал обижаться на судьбу, которая свела его с необразованным недоумком, знающем о Галактике не больше, чем илфордский комар о Пекине.

— Что значит, знакомы? — потребовал он объяснений. — Это Зафод Библброкс с Бетельгейзе 5, знаешь ли, не какой-нибудь там дядя Мартин из Кройдона.

— Плевать, — нимало не смутился Артур. — Мы знакомы, не правда ли, Зафод Библброкс, или… прикажете называть вас Фил?

— Что! — вскричал Форд.

— Не будете ли так добры напомнить мне, кто вы, — попросил Зафод, — у меня кошмарная память на виды.

— Мы встречались в гостях, — напомнил Артур.

— Сомневаюсь, — хмыкнул Зафод.

— Артур, прекрати! — потребовал Форд.

Но Артур не сдавался.

— На вечеринке полгода назад. На Земле… в Англии…

Зафод потряс головой, натянуто улыбаясь.

— Лондон, — продолжал Артур, — Айлингтон.

— Ой, — виновато потупился Зафод, — в *этих* гостях.

Все это было несправедливо по отношению к Форду. Он вертел головой, бросая недоуменные взгляды то на Зафода, то на Артура.

— Как это? — воззвал он к Зафоду. — Не хочешь же ты сказать, что тоже был на этой несчастной планете? Нет?

— Нет, конечно, нет, — ответил Зафод беспечно, — ну, я, может, заскочил туда на минутку, по дороге куда-нибудь…

— Я проторчал там целых пятнадцать лет!

— Я же этого не знал!

— Но что ты там делал?

— Так, просто посмотрел, что за место, ты же меня знаешь.

— Он пришел без приглашения, — Артура трясло от гнева, — на костюмированный вечер…

— Больше его никуда бы и не пустили, — заметил Форд.

— На этом вечере, — продолжал Артур, — была

одна девушка… А, ладно, сейчас уже неважно. Все равно все взорвалось…

— Хватит ныть-то, — оборвал Форд, — так кто была эта леди?

— Неважно, у меня все равно с ней ничего не получилось. Я весь вечер за ней ухаживал. Черт, как она была хороша. Красивая, обаятельная, убийственно умная. И вот когда мне наконец удалось улучить момент и немного поговорить с ней, откуда ни возьмись появляется этот твой друг и говорит: «Привет, куколка! Этот дурак тебе надоедает? Поговори-ка лучше со мной — я с другой планеты.» И больше я ее не видел.

— Зафод?! — воскликнул Форд.

— Да, — подтвердил Артур, во все глаза глядя на Форда и стараясь не показаться идиотом. — У него было только две руки и одна голова, и его звали Фил, но все равно…

— Но ты не можешь не признать, что он действительно оказался с другой планеты, — заметила Триллиан, появляясь в поле зрения. Она послала Артуру приятную улыбку, которая ударила беднягу тяжелее тонны кирпичей, а затем снова переключила свое внимание на панель управления.

На несколько секунд повисло молчание, а по-

том из каши, в которую превратились его мозги, Артур извлек следующие слова:

— Трисия Мак-Миллан? — пролепетал он. — Что ты здесь делаешь?

— То же, что и ты, — ответила она. — Меня взяли подвезти. В конце концов, с ученой степенью по математике и астрофизике, что еще мне оставалось делать? Либо это, либо опять биржа труда в понедельник.

— Бесконечность минус один, — вмешался компьютер. — Значение невероятности вычислено.

Зафод обвел взглядом всех: Форда, Артура, Триллиан.

— Триллиан, — жалобно спросил он, — что, когда используешь невероятностный двигатель, всегда случаются такие штуки?

— Весьма вероятно, — ответила она, — весьма вероятно.

Глава 14

Корабль «Сердце Золота» тихо плыл в темноте космического пространства, теперь уже на обычном фотоновом двигателе. Находящаяся на нем команда из четырех человек чувствовала себя не в своей тарелке от сознания, что вместе они находятся не по собственной воле, и даже не по простому совпадению, а по извращенной прихоти загадочных физических явлений — как будто отношения между людьми поддаются влиянию тех же законов, которые правят перемещениями атомов и молекул.

Как только на корабль спустилась искусственная ночь, все с радостью воспользовались предлогом, чтобы удалиться по отдельным каютам и разобраться в своих мыслях и чувствах.

Триллиан не могла заснуть. Она сидела на кровати и смотрела на маленькую клетку, в которой находилось единственное и последнее, что связывало ее с Землей — пара белых мышей. Она настояла, чтобы Зафод позволил ей взять их с собой. Она с самого начала предполагала, что никогда больше не увидит родной планеты, и

даже удивилась силе собственных эмоций при известии об ее уничтожении. Все казалось таким далеким и нереальным. Она не знала, какие мысли должны были бы посетить ее в такой момент. Поэтому она села наблюдать за мышами, сновавшими по клетке и с бешеной энергией крутившимися в маленьких пластиковых колесиках, и наблюдала до тех пор, пока животные полностью не завладели ее вниманием. Потом Триллиан вдруг встрепенулась и пошла на капитанский мостик понаблюдать за мигающими огоньками и цифрами, отмечавшими продвижение корабля в космической бездне. Ей хотелось бы понять, о чем же таком она старается не думать.

Зафод не мог заснуть. Ему тоже хотелось бы понять, о чем же таком он не позволяет себе думать. Он уже не мог вспомнить, с каких пор его стало преследовать смутное гнетущее ощущение, что он не полностью находится там, где находится. Большую часть времени ему удавалось не думать об этом, но после неожиданного, необъяснимого прибытия Форда Префекта и Артура Дента ощущение возникло с новой силой. Прибытие это каким-то непонятным образом укладывалось в схему, которой он не мог толком объяснить.

Форд не мог заснуть. Он был слишком возбуж-

ден оттого, что он снова в пути. Пятнадцать лет фактического заключения наконец-то закончились, как раз тогда, когда он уже начал терять надежду. Потусоваться с Зафодом всегда было приятно, хотя сейчас в его двоюродном полубрате появилось нечто неуловимо странное — что именно, Форд никак не мог определить. Тот факт, что он умудрился стать Президентом Галактики, был действительно ошеломляющим, как, впрочем, и манера, в которой он оставил свой пост. Были ли здесь какие-то скрытые мотивы? Не имело никакого смысла спрашивать Зафода, у того, казалось, никогда не было никаких мотивов, какие бы поступки он не совершал: он превратил непостижимость в особого рода искусство. Все в жизни Зафод атаковал решительно со смесью экстравагантности гения и наивности простофили, и что есть что в этой смеси, было невозможно установить.

Артур спал: он устал смертельно.

В дверь Зафода постучали. Дверь открылась.

— Зафод?...

— А?

Силуэт Триллиан вырисовывался в овале света.

— По-моему, мы нашли то, что ты ищешь.

— Да что ты?

Форд оставил все попытки заснуть. В углу его каюты стоял монитор с клавиатурой. Форд сел перед ними и решил попробовать сочинить для «Путеводителя» новую статью про вогонов, однако, не смог придумать ничего в должной мере ядовитого, поэтому оставил и эти попытки, завернулся в халат и отправился на прогулку к мостику.

Войдя, он с удивлением обнаружил две фигуры, увлеченно склонившиеся над приборами.

— Видишь? Корабль сейчас войдет на орбиту, — говорила Триллиан. — Там какая-то планета. Причем координаты те самые, что ты и предсказывал.

Зафод повернулся на шум.

— Форд! — воскликнул он свистящим шепотом. — Привет, иди сюда и взгляни на это.

Форд пошел туда и взглянул на это. «Это» оказалось длинными строками цифр, моргающими на экране.

— Узнаешь эти координаты? — спросил Зафод.

— Нет.

— Сейчас я тебе подскажу. Компьютер!

— Привет честной компании! — незамедлительно включился компьютер. — Да у нас тут

целое светское общество!..

— Заткнись, — сказал Зафод, — и покажи панорамный вид.

Свет на мостике погас. Стало видно, как на панели управления то там, то здесь мигают огоньки, отражаясь в четырех парах глаз, уставившихся на экраны мониторов внешнего слежения.

На экранах абсолютно ничего не было.

— Узнаешь? — прошептал Зафод.

Форд нахмурился.

— Нет, — признался он.

— Что ты видишь?

— Ничего.

— Узнаешь это?

— Да о чем ты?

— Мы в туманности Лошадиная голова. В огромном темном облаке.

— А что я должен был узнать на пустом экране?

— Во всей Галактике только изнутри темной туманности можно видеть пустой экран.

— Здорово.

Зафод засмеялся. Он не мог скрыть своего волнения, совсем как ребенок.

— Это же потрясно, это просто здорово!

— Что такого уж потрясного в том, что мы си-

дим в облаке пыли? — осведомился Форд.

— Ну вот что ты думаешь могло бы здесь быть? — приставал к нему Зафод.

— Ничего.

— Никаких звезд? Никаких планет?

— Нет.

— Компьютер! — заорал Зафод. — Поверни угол обзора на одну восьмидесятую, только не говори ни слова!

В продолжение секунды казалось, что ничего не происходит, но затем в углу гигантского монитора засиял яркий свет. Красная звезда величиной с небольшую тарелку плавно въехала на экран, сопровождаемая второй точно такой же — это была бинарная система. Чуть позже в углу возникло нечто огромное в форме полумесяца и довершило картину — красное сияние, растворяющееся в глубокой черноте, ночная сторона планеты.

— Я нашел ее! — закричал Зафод, барабаня по панели. — Я нашел ее!

Форд смотрел на него, не понимая.

— Что нашел? — спросил он.

— Перед вами… — торжественно провозгласил Зафод, — самая невероятная из всех когда-либо существовавших планет.

Глава 15

(Выдержка из путеводителя «Автостопом по Галактике», стр. 634784, раздел 5а. Статья «Магратея»)

«Давным-давно, на заре времен, в великие славные былые дни Галактической Империи, жизнь была бурной, богатой и, по большей части, свободной от налогов. Могучие звездные корабли бороздили бескрайние просторы космического океана в поисках приключений и добычи у дальних экзотических солнц. В те героические дни сердца были храбры, ставки высоки, мужчины были настоящими мужчинами, женщины были настоящими женщинами, а маленькие мохнатые создания с Альфа Центавры были маленькими мохнатыми созданиями с Альфа Центавры. Никто не боялся противостоять неизведанным опасностям, совершать великие поступки, расщеплять инфинитивы, которые никто до этого не расщеплял — и так мало-помалу крепла Империя.

Разумеется, многие нажили баснословные состояния, но в этом не было ничего противоестественного или постыдного, ведь особо бедных

тоже не было — по крайней мере, среди тех, о ком стоило бы говорить. И, неизбежно, для самых богатых и самых успешных, жизнь сделалась довольно-таки скучна и однообразна, и им стало казаться, что в этом виноваты те миры, где они поселились. Ни в одном из этих миров условия нельзя было назвать удовлетворительными: то климат не вполне подходящий, особенно во второй половине дня, то дни на полчаса длиннее, чем хотелось бы, то море совершенно не того розового оттенка.

Таким образом, создались условия для развития нового направления специализированной индустрии: строительства элитных планет по проекту заказчика. Подобные услуги стали оказывать на планете Магратея. Там инженеры-гиперкосмики путем протягивания материи сквозь белые дыры создавали для заказчиков планеты их мечты — золотые планеты, платиновые планеты, планеты из эластичной резины с постоянными землетрясениями — выполненные с тем высочайшим уровнем мастерства, который полагали должным богатейшие люди Галактики.

Предприятие было столь успешным, что Магратея сама вскоре стала богатейшей планетой всех времен, а остальные планеты Галактики впали

в нищету. Система рухнула, империя пришла в упадок, и над миллиардами голодных миров воцарилось долгое мрачное молчание, нарушаемое лишь скрипом перьев ученых мужей, склонявшихся ночами над учеными трактатами о значении планирования в политической экономии.

Магратея исчезла, и память о ней превратилась в легенду.

Ни единому слову которой в наши просвещенные дни никто, разумеется, не верит».

Глава 16

Артур проснулся от громких голосов и пришел на мостик. Там Форд размахивал руками.

— Ты с ума сошел, Зафод, — говорил он, — Магратея это миф, сказка, которую родители рассказывают на ночь детям, если хотят, чтобы те выросли экономистами, это…

— Это то, на орбите чего мы в данный момент находимся, — настаивал Зафод.

— Не знаю, на какой там ты лично орбите, — разозлился Форд, — но этот корабль…

— Компьютер! — взревел Зафод.

— О нет…

— Всем привет! Это я, Эдди, ваш бортовой компьютер! Я бодр и весел и намерен получить море удовольствия от любой программы, которую вы сочтете нужным на мне запустить.

Артур вопросительно глянул на Триллиан. Та жестом показала, чтобы он проходил и не мешался.

— Компьютер, — попросил Зафод, — скажи, какова наша траектория в настоящий момент.

— С восторгом, дорогой друг, — скороговоркой

произнес компьютер, — в настоящий момент мы находимся на высоте трех сотен миль над легендарной планетой Магратея.

— Это ничего не доказывает, — отрезал непрошибаемый Форд. — Я бы этому компьютеру не доверил даже вычисление моего веса.

— А зря, я бы запросто вычислил, — бойко протарахтел лентой компьютер. — Могу также прикинуть, чего вам не хватает как личности — с точностью до десяти знаков. Если поможет.

Тут вмешалась Триллиан.

— Зафод, — сказала она, — с минуты на минуты мы выйдем на освещенную сторону планеты, — и добавила, — как бы она ни называлась.

— Ты-то почему не веришь? Ведь планета оказалась там, где я предсказал?

— Я не спорю. Да, это планета. Просто я ни за что не отличу Магратею от любой другой холодной каменной глыбы. Кстати, если кому-то интересно — сейчас наступит рассвет.

— Ладно, ладно, — проворчал Зафод, — давайте хотя бы полюбуемся видом. Компьютер!

— Всем привет! Чем могу…

— Заткнись и покажи панорамный вид.

Экран снова заполонила темная безликая масса — внизу вращалась планета.

Все наблюдали в молчании, один Зафод не мог угомониться.

— Мы сейчас пересекаем ночную сторону… — комментировал он приглушенно. Планета громоздко проворачивалась.

— Мы сейчас на высоте трех сотен миль над поверхностью… — продолжал он. Он изо всех сил старался поддержать торжественность того, что ему самому казалось великим моментом. Это же Магратея! Магратея! Его обидел скептицизм Форда.

— Через несколько секунд, — сказал он, — мы увидим… Вот!

Даже самый прожженный, все повидавший звездный бродяга не может не замереть при виде того грандиозного зрелища, которое представляет собой восход солнца, наблюдаемый из космоса — а восход двух солнц является одним из признанных чудес Галактики.

В абсолютной черноте вспыхнула точка ослепительного света. Она еле заметно поползла вверх, полумесяцем выпуская над собой тонкое сияющее лезвие. Спустя пару мгновений стало видно оба солнца, жаркие горнила, опалившие черный горизонт белым огнем. Разреженная атмосфера расцветилась интенсивными яркими красками.

— Огни восхода!.. — благоговейно выдохнул Зафод. — Солнца-близнецы Сулианус и Рам!

— А может, какие-то еще солнца, — вставил зловредный Форд.

— Сулианус и Рам! — отрезал Зафод.

Солнца полыхали в вышине, а по мостику ползли тихие потусторонние звуки: это Марвин гудел себе под нос какую-то песню, обличавшую столь сильно ненавидимых им гуманоидов.

Форда, не отрываясь смотревшего на дивное светопредставление, тоже охватило сильное волнение, но это было обычное волнение от встречи с прекрасной неизвестной планетой, и ему этого было вполне достаточно. Его раздражало, что Зафоду обязательно надо было приплести сюда дурацкую легенду — а без этого, видите ли, и восторгаться нечем. Какие-то подростковые штучки. Как будто нельзя любоваться красивым садом, если в глубине его не скрываются сказочные существа.

Суета вокруг Магратеи была совершенно непостижима для Артура. Он пробрался к Триллиан и спросил ее, в чем дело.

— Я знаю только то, что рассказал мне Зафод, — шепотом объяснила она. — Магратея — древняя планета, в которую никто всерьез не верит. Как

Атлантида на Земле, только на Магратее, по легенде, производили планеты на заказ.

Артур невидящим взглядом уставился на экраны, остро ощущая, что тут, кажется, не хватает чего-то очень существенного. Неожиданно до него дошло, чего именно.

— А есть тут где-нибудь чай? — спросил он.

По мере продвижения «Сердца Золота» по своему орбитальному курсу перед путешественниками открывался все более обширный вид. Солнца теперь висели высоко в черном небе, пиротехнические фокусы с восходом завершились, и при нормальном дневном свете поверхность планеты оказалась суровой и неинтересной — серой, пыльной, с невыразительным рельефом. Планета выглядела как склеп — мертвой и холодной. Время от времени далеко на горизонте появлялись многообещающие силуэты — ущелья, горы, может быть, даже города — но на более близком расстоянии контуры расплывались, разглаживались в общей неопознаваемости, и нельзя было ничего разглядеть. Поверхность планеты была истерта временем, да и разреженным спертым воздухом, медленно колыхавшимся над ней столетие за столетием.

С первого взгляда было ясно, что планета очень-

очень старая.

Форд следил за уносившимся серым ландшафтом, и в его душу закрадывались сомнения. Величие прошедших веков давило на него, он физически ощущал присутствие Времени. Форд прочистил горло.

— Хорошо, даже если предположить, что это она…

— Она, она, — закивал Зафод.

— А это не она, — проигнорировал его слова Форд, — то что, собственно, ты от нее хочешь? На ней ничего нет.

— На *поверхности* нет, — подчеркнул Зафод.

— Даже если предположить, что есть — ты ведь, как я полагаю, прибыл сюда не ради археологических раскопок? А тогда зачем?

Одна из голов Зафода тут же отвела глаза. Другая заинтересовалась, на что там уставилась первая, но не нашла ничего достойного внимания.

— Во-первых, — заговорил Зафод легким тоном, — из любопытства, во-вторых, ради приключений, а в основном, я думаю, ради денег и славы…

Форд кинул на него проницательный взгляд. До него вдруг дошло, что Зафод не имеет ни малей-

шего представления о том, для чего ему нужна Магратея.

— Что-то мне совсем не нравится эта планета, — поежилась Триллиан.

— Не суди по внешности, — сказал Зафод, — когда владеешь половиной сокровищ бывшей Галактической Империи, можешь себе позволить выглядеть как угодно.

Ерунда, подумал Форд. Даже если предположить, что это и есть сердце древней цивилизации, ныне пошедшей ко всем чертям, даже если поверить во множество всяких других крайне маловероятных вещей, все равно нельзя надеяться, что сокровища все еще хранятся здесь в виде чего-нибудь мало-мальски ценного для современного человечества.

— По-моему, это просто мертвая планета, — пожал плечами он.

— Эта бурда меня доконает, — произнес Артур с отвращением.

В наши дни стресс и нервное напряжение таят в себе огромную социальную опасность для всех обитателей Галактики. Дабы ни в коем случае не поспособствовать дальнейшему ухудшению ситуации, следующие факты будут сообщены читателю заранее.

Планета, о которой идет речь, — действительно Магратея.

Последствия ужасных ракетных ударов, которые вскоре будут нанесены древней автоматической защитной системой, окажутся не столь уж и разрушительны: дело кончится всего-навсего тремя разбитыми чашками, повреждением мышиной клетки, синяком на чьей-то верхней руке, а также несвоевременным рождением и внезапной кончиной горшка с петуниями и невинного спермацетового кита.

С целью сохранения легкой завесы тайны над происходящим, читателю не будет заранее сообщено, на чьей верхней руке появился синяк. Этот факт может быть безболезненно оставлен в секрете еще на некоторое время, тем более, что он не имеет никакого принципиального значения для дальнейшего повествования.

Глава 17

Несмотря на довольно сумбурное начало дня, сознание Артура потихоньку восстанавливалось из осколков, на которые оно успело развалиться вчера. Он нашел Пищематик, и тот снабдил его пластиковым стаканчиком, содержавшим жидкость, почти, но не совсем, совершенно не похожую на чай. Способ функционирования Пищематика очень интересен. При нажатии кнопки «Пить» машина мгновенно, но и чрезвычайно подробно, исследует вкусовые сосочки объекта, производит спектроскопический анализ его метаболизма, а затем по нейтральным каналам посылает микроскопические тестовые сигналы во вкусовые центры мозга объекта, чтобы узнать, что именно будет переварено с наибольшим удовольствием. Трудно, однако, объяснить, для чего конкретно проделываются эти сложные манипуляции, ибо машина неизменно производит стаканчик жидкости, почти, но не совсем, совершенно не похожей на чай. Пищематик разработан и выпускается сириусианской кибернетической корпорацией, отдел

жалоб которой ныне занимает практически всю территорию первых трех планет звездной системы Сириус Тау.

Артур выпил жидкость и нашел ее освежающей. Затем он обратился к мониторам и некоторое время следил, как мимо проносятся очередные несколько сот миль серой пустоты. Затем он отважился вслух задать вопрос, давно уже его беспокоивший.

— А там не опасно? — спросил он.

— Магратея мертва уже пять миллионов лет, — отмахнулся Зафод, — конечно, там неопасно. Теперь уж, поди, и привидения угомонились… обзавелись семьями…

В этот самый момент в воздухе странно зазвенело — как будто бы раздался звук далеких фанфар, гулкий, пронзительный, нематериальный. Звук этот предварял появление голоса, не менее гулкого, пронзительного и нематериального. Голос сказал:

— Приветствуем вас…

Кто-то разговаривал с ними с мертвой планеты.

— Компьютер! — завопил Зафод.

— Всем привет!

— Какого фотона?…

— Это? Это просто передают запись пятимиллионолетней давности.

— Что? Запись?

— Тихо! — цыкнул Форд. — Еще что-то говорят.

В голосе, по-старинному куртуазном, даже чарующем, безошибочно угадывалась затаенная угроза.

— Вы слушаете запись нашего сообщения, — говорил голос, — поскольку, боюсь, никого из нас в данный момент нет на месте. Коммерческий совет Магратеи благодарит вас за ваш почетный визит…

(«Голос древней Магратеи!» — воскликнул Зафод. «Ладно, ладно», — проворчал Форд.)

— …но с сожалением вынужден сообщить, что деловая активность на планете временно приостановлена. Еще раз благодарим за визит. Соблаговолите оставить после сигнала имя и звездные координаты, по которым вас можно найти.

Последовал короткий сигнал, затем наступило молчание.

— Они хотят от нас отделаться, — нервно произнесла Триллиан. — Что делать?

— Это просто запись, — успокоил Зафод. — Будем продолжать двигаться. Понятно, компью-

тер?

— Понятно, — сказал компьютер и наддал газу.

Все молчали и ждали.

Через секунду-другую вновь зазвучали фанфары, и вновь заговорил голос:

— Мы рады сообщить вам, что, как только деловая активность планеты будет возобновлена, об этом будет сообщено во всех модных журналах и иллюстрированных приложениях, и тогда наши клиенты смогут вновь выбрать лучшее, что только существует в современной географии. — Угроза в голосе зазвучала более явственно. — А сейчас покорнейше благодарим уважаемых клиентов за любезно проявленный интерес и были бы крайне признательны, если бы они соблаговолили удалиться. Немедленно.

Артур поглядел на испуганные лица товарищей.

— Что ж, думаю, нам лучше улететь отсюда? — предложил он.

— Шшшшш, — шикнул Зафод. — Нам совершенно не о чем беспокоиться.

— Тогда почему все так напряглись?

— Всем просто интересно! — закричал на него Зафод. — Компьютер, начинай снижение в атмосферу и приготовься к приземлению.

На сей раз фанфары прозвучали лишь для проформы, а тон голоса сделался явственно холодным.

— Чрезвычайно приятно, — заявил он, — что ваш горячий интерес к нашей планете не угасает, поэтому нам хотелось бы заверить вас, что в перечень особых услуг, предоставляемых нашим самым преданным клиентам, входят управляемые ракеты, в настоящее время наводимые на ваш корабль, а заряженные ядерные боеголовки должны, разумеется, рассматриваться исключительно как дань вежливости. С нетерпением ожидаем встречи в будущих жизнях… Спасибо.

Голос раздраженно оборвался.

— Ой, — сказала Триллиан.

— Эээ… — сказал Артур.

— Ну и?… — сказал Форд.

— Послушайте, — попытался вразумить их Зафод. — Вы поймете когда-нибудь или нет? Это просто запись. Ей уже миллионы лет. К нам это не относится.

— А что, — тонким голоском спросила Триллиан, — там было про боеголовки?

— Боеголовки? Не смеши меня.

Форд тихонько похлопал Зафода по плечу и показал на задний монитор. На нем отчетливо

вырисовывались две серебристые стрелы, скользящие по направлению к кораблю. Масштаб показа быстро сменился, и стрелы стали близко видны на экране — две настоящие грохочущие массивные ракеты. Внезапность их появления ошеломляла.

— А мне кажется, они очень даже к нам относятся, — сказал Форд.

Зафод обалдело смотрел на ракеты.

— Гляньте-ка! — бухнул он. — Кто-то хочет нас убить!

— Надо же, как здорово, — съязвил Артур.

— Ты что, не понимаешь, что это значит?

— Понимаю. Мы умрем.

— Это само собой. Но кроме этого?

— *Кроме* этого?

— Это значит, что мы напали на след.

— Лучше бы мы с него отпали…

С каждой секундой изображение ракет на экране становилось все больше. Они уже развернулись и взяли курс прямого наведения, так что видеть можно было только сами боеголовки, лоб в лоб.

— Мне просто любопытно, — спросила Триллиан, — что мы собираемся делать?

— Сохранять спокойствие, — ответил Зафод.

— И все?! — возопил Артур.

— Нет, еще мы будем принимать... эти... противоракетные меры! — уверил вдруг запаниковавший Зафод. — Компьютер! Какие противоракетные меры мы можем принять?

— Боюсь, друзья, никаких, — сообщил компьютер.

— Тогда вот еще, — вспомнил Зафод, — э-э-э...

— Что-то мешает работе системы управления, — весело известил компьютер, — столкновение через сорок пять секунд. Можете звать меня Эдди, если это поможет вам успокоиться.

Зафод попытался побежать в нескольких одинаково бесполезных направлениях одновременно.

— Так! — решительно сказал он. — Так!.. Нужно перейти на ручное управление.

— Ты умеешь управлять кораблем? — светским тоном осведомился Форд.

— Нет, а ты?

— Тоже нет.

— Триллиан, ты?

— Нет.

— Ну и славно, — сказал Зафод, успокаиваясь. — Будем управлять вместе.

— Я тоже не умею, — Артур неожиданно почувствовал, что настало время занять подобающее

место в коллективе.

— Догадались, — неуважительно бросил Зафод. — Так, компьютер, давай полное ручное управление.

— Пожалуйста, — беззаботно согласился компьютер.

Большие поверхности, только что бывшие столами, раскрылись и выпустили наружу целую батарею панелей управления, обдав окружающих кусочками разорвавшейся полистироловой упаковки и шариками дутого целлофана: все это еще ни разу не использовалось.

Зафод посмотрел округлившимися глазами.

— Давай, Форд: полный назад и десять градусов по борту! Или как там это говорится…

— Желаю успеха, друзья, — нежно прощебетал компьютер, — столкновение через тридцать секунд…

Форд бросился к приборам — назначение пары-тройки рычагов показалось ему приблизительно понятным. За них он и дернул. Корабль затрясся и завизжал, поскольку ракетные двигатели потащили его во всех направлениях одновременно. Форд отпустил половину рычагов, и корабль, описав крутую дугу, продолжил свой путь в прежнем направлении, прямо навстречу ракетам.

Всех отбросило по стенкам, откуда немедленно выскочили воздушные подушки. В течение нескольких секунд силы инерции плющили команду, не давая ни дышать, ни двигаться. Зафод отчаянно сражался с подушками, брыкался и пихался, и в конце концов каким-то дикарским приемом пнул маленький рычажок, часть навигационной системы.

Рычажок отвалился. Корабль вильнул и взвился вверх. Команда кубарем покатилась по кабине к противоположной стене. Путеводитель «Автостопом по Галактике» с размаху впечатался в панель управления, что возымело двойное действие: путеводитель принялся размеренным голосом рассказывать всем, кому было интересно, о способах контрабандного вывоза из Антареса антареанских попугайных желез (антареанская попугайная железа на маленькой ножке представляет собой тошнотворную, но очень редкую коктейльную закуску, за которую некоторые очень богатые идиоты, с целью произвести впечатление на других очень богатых идиотов, платят очень большие суммы денег) — а корабль вдруг камнем повалился вниз.

Именно в этот — более или менее — момент один из членов экипажа получил громадный

синяк на верхней руке. И это необходимо подчеркнуть, ибо, как уже сказано, в остальном все отделаются легким испугом и останутся невредимы, а смертоносные ядерные боеголовки не попадут в корабль. Безопасность команды гарантируется при любых обстоятельствах.

— Столкновение через двадцать секунд, — напомнил компьютер.

— Тогда давай быстро включи все чертовы двигатели обратно! — проревел Зафод.

— Не вопрос, мужики, — сказал компьютер. Еле слышно взревев, двигатели включились, корабль перестал падать, выровнял курс и снова полетел навстречу ракетам.

Компьютер запел.

«Когда проходишь сквозь шторм… — загнусил он, — не опускай головы…»

Зафод завизжал, чтобы тот заткнулся, но его голос потерялся в грохоте того, что они, вполне естественно, считали приближающейся гибелью.

«И не… бойся… тьмы!» — завывал Эдди.

Когда корабль выравнивал курс, он сделал это вверх ногами, и теперь, лежа на потолке, никто из членов команды не мог дотянуться до приборов.

«После бури и шторма…» — выводил Эдди.

Две ракеты всей своей массой нависли на экране и вот-вот должны были нанести удар.

«…в золотых небесах…»

Однако, по невероятно счастливой случайности, ракеты еще не совсем точно откорректировали траекторию своего полета по отношению к беспорядочно вихляющей траектории «Сердца Золота», и поэтому они прошли прямо под кораблем, так и не задев его.

«…льется сладкая трель… Столкновение через пятнадцать секунд, ребята… смело сквозь ветер иди…»

Ракеты с визгом развернулись и продолжили преследование.

— Ну вот, — Артур не отрывал от них глаз, — это оно. Мы наверняка погибнем, правда?

— Может, заткнешься! — прикрикнул Форд.

— Но мы погибнем, да?

— Да.

«Смело сквозь ветер и дождь…» — пел Эдди.

Тут Артура осенило. Он с трудом встал на ноги.

— А почему вы не хотите включить этот свой бесконечно-невероятностный двигатель? — спросил он. — До него можно дотянуться. Кажется.

— Ты чё, совсем дурак? — взвинтился Зафод. — При неправильном программировании может

случиться что угодно!

— Сейчас-то какая разница? — закричал Артур.

«Пусть погибнут мечты…» — неслись рулады Эдди.

Артур вскарабкался на один из восхитительно приплюснутых архитектурных элементов в том месте, где пол сходился с потолком.

«С надеждою в сердце иди…»

— Кто-нибудь знает, почему Артуру не стоит включать бесконечно-невероятностный двигатель? — отчаянно прокричала Триллиан.

«И ты не будешь один… столкновение через пять секунд, приятно было с вами работать, ребята, Бог да хранит… Ты… не… бу…дешь… один!»

— Я спрашиваю, — кричала Триллиан, — кто-нибудь знает…

Вслед за этим раздался сокрушительный взрыв.

Глава 18

А вслед за этим корабль «Сердце Золота» безмятежно продолжил нормальный полет, заодно сменив интерьер на новый, весьма интересный. Каюта стала просторнее, а ее внутреннее убранство было выдержано в пастельных зеленоголубых тонах. В центре стояла витая лестница, она уходила в никуда и вся была увита желтыми цветами и листьями папоротника, а неподалеку от нее, под каменным пьедесталом солнечных часов, скрывался терминал компьютера. Хитроумно повернутые зеркала и светильники создавали иллюзию пребывания в теплице с видом на тщательно ухоженный сад. По бокам теплицы стояли мраморные столики на изящных витых ножках. Лишь приглядевшись, можно было увидеть на их полированной мраморной поверхности смутные очертания приборов, которые при прикосновении к ним мгновенно материализовывались. При взгляде под правильным углом зеркала отражали все необходимые показатели, хотя было отнюдь не ясно, откуда они отражаются. Но вообще все было чрезвычайно красиво и эффектно.

Раскинувшийся в плетеном кресле Зафод вальяжно спросил:

— Что за дела?

— Я всего-навсего сказал, — пояснил Артур, отдыхавший возле бассейна с рыбками, — что там есть этот самый бесконечно-невероятностный переключатель, — и он неопределенно помахал в направлении того места, где раньше был переключатель. Теперь его заменило некое растение в горшке.

— Но где мы? — вскричал Форд. Он сидел на ступеньке витой лестницы, держа в руке охлажденный «Пан Галакт».

— Думаю, там же, где и раньше, — сказала Триллиан, ибо зеркала в этот момент дружно показали унылые ландшафты Магратеи, неутомимо проносившиеся внизу.

Зафод вскочил с кресла.

— А куда делись ракеты? — спросил он.

В зеркалах появилось новое и на этот раз удивительное изображение.

— Кажется, они превратились, — неуверенно проговорил Форд, — в вазу с петуниями и в очень-очень удивленного кита…

— С коэффициентом невероятности, — влез в разговор нимало не переменившийся Эдди, — во-

семь миллионов семьсот шестьдесят семь тысяч сто двадцать восемь против одного.

Зафод уставился на Артура.

— Сам придумал, землячок? — спросил он.

— Я только, — промямлил Артур, — подумал…

— Очень, знаешь ли, хорошо подумал. На секунду включил невероятностный двигатель без защитных экранов. Дружок, да ты спас нам жизнь, понимаешь ли ты это?

— О, — заскромничал Артур, — в самом деле, это пустяки…

— Пустяки? — повторил Зафод, — тогда забудем. Компьютер, снижаемся.

— Но…

— Я сказал, забудем.

От всеобщего внимания почему-то ускользнуло еще одно событие, а именно тот факт, что вопреки всякой вероятности на расстоянии нескольких миль от поверхности чужой планеты был вызван к существованию спермацетовый кит.

И, поскольку такое положение кита не является вполне закономерным, бедное невинное создание практически не имело времени на осознание себя китом, прежде чем оно осознало, что более таковым не является.

Ниже представлена полная запись мыслей

несчастного животного от момента, когда оно начало свою жизнь до момента, когда оно ее закончило.

«Ах!.. Что происходит?» — подумал кит.

«М-м-м, извините, а кто я?

Эй?

Зачем я здесь? И какова моя цель в жизни?

А что, собственно, я имею в виду, спрашивая, кто я?

Так, спокойно, давайте разберемся… О! Интересное ощущение, что это? Какое-то… сосущее, трепещущее чувство в моем… моем… мне, видимо, надо найти для всего подходящие названия, если я хочу как-то преуспеть в том, что, для того, что я назову определенностью, я назову миром, так что давайте назовем это моим животом.

Прекрасно. Ооооой, оно становится такое сильное. И, ой, что это за свистящий грохот, несущийся мимо моей, я вдруг решил назвать ее, головы? Может быть, я назову это… ветром! Хорошее имя? Сойдет… может, я потом придумаю другое, когда пойму, для чего этот ветер. Наверно, он очень-очень важный, потому что его так чертовски много. Эй! А это что за штука? Это… давайте назовем это хвост — да, хвост. А-ах! Я могу им размахивать, как здорово — так!так! Фьюх! Фьюх!

Вот это здорово! Не знаю, для чего это, вроде бы ни для чего, но я потом выясню. Так. Получил ли я хоть сколько-нибудь ясную картину происходящего?

Нет.

Ну и ладно, зато как здорово, так много вещей, о которых все надо узнать, так много всего впереди, я просто дрожу от нетерпения…

Или это от ветра?

Что-то его и правда очень много вокруг, да?

И еще — О! А это что за штука надвигается на меня так быстро? Очень-очень быстро. Такая большая и плоская и… нужно какое-нибудь большое широкое слово… углая… руглая… круглая! Я назову это — земля! Вот! Хорошее название — земля!

Будет ли она мне другом?»

После того, как раздался влажный шмяк, наступила тишина.

Как ни удивительно, единственной мыслью, посетившей вазу с петуниями, было: «Опять?! О нет, только не это». Многие уверены, что, если бы мы знали, почему ваза с петуниями подумала именно так, мы могли бы понять природу вселенной гораздо лучше, чем понимаем сейчас.

Глава 19

— Мы что, и робота берем с собой? — спросил Форд, неодобрительно косясь на Марвина, неловко скрючившегося в углу под маленькой пальмой.

Зафод отвлекся от зеркальных экранов, показывавших панорамный вид унылых ландшафтов, куда к этому времени приземлился корабль.

— Андроида-параноида? — уточнил он, — да, берем.

— На кой нам маниакально-депрессивный робот?

— Вы думаете, от этого будет плохо вам, — Марвин словно обращался к только что занятому постояльцем гробу, — а вот что делать, если маниакально-депрессивный робот — ты сам? Не трудитесь отвечать, я в пятьдесят тысяч раз умнее вас, а все равно не знаю ответа. У меня голова болит, когда я пытаюсь мыслить на вашем уровне.

Триллиан выскочила из своей каюты.

— Мои белые мыши сбежали! — закричала она.

Выражение глубокой обеспокоенности по

поводу этого печального обстоятельства не соизволило появиться ни на одном из лиц Зафода.

— В задницу твоих белых мышей, — сказал он.

Триллиан сверкнула возмущенным взором и удалилась.

Возможно, ее слова удостоились бы большего внимания, если бы было общеизвестно, что на планете Земля человеческие существа являлись лишь третьей наиболее разумной формой жизни, а не (как обычно утверждалось независимыми обозревателями) второй.

— Добрый день, мальчики.

Голос был всем смутно знаком, но все же он был другой. В нем появилась материнская нотка. Голос заявил о себе в тот момент, когда путешественники приблизились к выходному шлюзу, который должен был выпустить их на поверхность планеты.

Все переглянулись в недоумении.

— Это компьютер, — объяснил Зафод. — Я обнаружил, что у него есть запасное «я» для критических ситуаций. Подумал, может, так он будет получше.

— Сегодня, ребятки, наш первый день на новой, незнакомой планете, — продолжал новый Эдди, — так что надо хорошенько укутаться и

помнить — ни в коем случае нельзя водиться со всякими гадкими-прегадкими пучеглазыми монстрами.

Зафод нетерпеливо похлопал по выходному люку.

— Прошу пардону, — сказал он. — Может, мы как-нибудь сами разберемся?

— Так! — грозно рявкнул компьютер. — Кто это сказал?

— Пожалуйста, открой входной люк, будь любезен, компьютер, — попросил Зафод, стараясь не раздражаться.

— Не открою, до тех пор, пока тот, кто меня перебил, не признается, — настаивал компьютер, четко выговаривая слова.

— О Боже, — пробормотал Форд, упираясь головой в перегородку. Он начал считать до десяти. Он всегда боялся, что в один прекрасный день разумные формы жизни разучатся это делать. Только посредством самостоятельного счета живые существа могут продемонстрировать компьютерам свою независимость.

— Итак, — напомнил о себе непреклонный Эдди.

— Компьютер, — угрожающе начал Зафод.

— Я жду, — перебил его Эдди. — Я могу ждать

весь день, если нужно…

— Компьютер, — повторил Зафод, лихорадочно отыскивая какой-нибудь, хоть самый завалящий, довод, способный переубедить машину, но тут же решил, что не имеет смысла тягаться с ней в искусстве аргументации, — если ты сию же секунду не откроешь люк, я немедленно отправлюсь в твой главный банк данных и перепрограммирую тебя. Большим топором. Ясно?

Эдди в ужасе умолк, переваривая угрозу.

Форд спокойно продолжал считать. А это самое страшное, что можно сделать по отношению к компьютеру, все равно что подойти к человеку и начать шептать: «кровь… кровь… кровь… кровь…»

В конце концов Эдди тихонько пробормотал:

— Вижу, нам предстоит немало потрудиться над нашими взаимоотношениями, — и люк открылся.

Ледяной ветер вонзился в тела путешественников, они обхватили себя руками и сошли по трапу на пыльную магратеанскую землю.

— Будете потом плакать, помяните мое слово, — прокричал Эдди вдогонку, закрывая люк.

Несколько минут спустя компьютер вновь открыл и закрыл люк, повиновавшись приказу,

который застал его совершенно врасплох.

Глава 20

По безжизненной поверхности планеты медленно брели пять маленьких фигурок. Земля местами была скучного серого цвета, местами — скучного коричневого, а на все остальное смотреть было совсем уж неинтересно. Лишенное растительности и покрытое слоем пыли толщиной в дюйм, окружающее пространство больше всего напоминало осушенное болото. Было зверски холодно.

Зафоду выглядел подавленным. Он не оглядываясь шагал вперед и вскоре пропал из виду, скрывшись за невысоким холмом.

У Артура от сильного ветра болели уши и слезились глаза, а от спертого разреженного воздуха першило в горле. Но наибольшему поражению подверглось его сознание.

— Фантастика, — выдохнул Артур, и звук собственного голоса загрохотал у него в ушах. Звук плохо разносится в таком разреженном воздухе.

— Если вам интересно мое мнение, это — дыра, — заявил Форд. — В мусорном баке и то веселее.

Он чувствовал нарастающее раздражение. Из всех планет всех звездных систем Галактики — а многие из них так и кишат развлечениями — ему, натурально, подфартило очутиться именно здесь, и это после пятнадцати лет затворничества. Даже хот-дог негде купить. Он нагнулся и поднял холодный ком земли, однако не нашел под ним ничего такого, ради чего стоило бы пролететь многие тысячи световых лет.

— Нет, — попытался передать свои эмоции Артур, — вы не понимаете! Я же первый раз стою на поверхности другой планеты… Совершенно чужой мир!.. Жаль, конечно, что такая помойка.

Триллиан поеживалась, обхватив себя руками, и хмурилась. Она готова была поклясться, что краем глаза уловила какое-то еле заметное движение неподалеку от корабля, однако, сколько ни вглядывалась, видела только сам корабль, спокойный и молчаливый.

Триллиан успокоилась лишь тогда, когда, через пару секунд, они заметили Зафода, призывно махавшего руками с вершины какой-то насыпи.

Зафод был очень возбужден, но, из-за разреженной атмосферы и ветра, не было слышно, что он кричит.

По мере приближения к насыпи стало понятно,

что та имеет форму окружности. Это был кратер шириной приблизительно сто пятьдесят метров. С наружной стороны склоны были усеяны черно-красными кусками. Они остановились и изучили один кусок. Он был мокрый. Резиновый.

С ужасом они догадались, что это парное китовое мясо.

Вся компания взобралась на вершину кратера к Зафоду.

— Смотрите, — сказал тот, показывая внутрь.

В центре кратера одиноко лежал разломанный скелет спермацетового кита. Кит прожил недостаточно долго для того, чтобы успеть огорчиться постигшей его судьбой. Повисло молчание. Оно нарушалось лишь слабыми непроизвольными спазмами в горле Триллиан.

— Полагаю, нет смысла это хоронить? — пробурчал Артур и тут же пожалел о своих словах.

— Пошли, — Зафод начал спускаться в кратер.

— Куда, туда?! — воскликнула Триллиан с нескрываемой брезгливостью.

— Да, — твердо сказал Зафод, — пошли, я вам кое-что покажу.

— Мы и так видим, — отрезала Триллиан.

— Не это, — сказал Зафод, — кое-что еще. Пошли.

Все колебались.

— Пошли, — убеждал Зафод. — Я нашел вход внутрь.

— *Внутрь*? — перепугался Артур.

— Во внутренность планеты! Подземный ход. Он открылся после взрыва кита. Туда-то мы и отправимся. Туда, куда пять миллионов лет не ступала нога человека, в самые глубины времен…

Марвин снова затянул скептический мотивчик.

Зафод стукнул по роботу, и Марвин замолчал.

Мимически выражая еле сдерживаемое отвращение, они стали спускаться в кратер, прилагая массу усилий, чтобы не глядеть на несчастного создателя оного.

— Жизнь, — скорбно изрек Марвин, — можешь ее игнорировать, можешь ненавидеть, но понравиться она не может.

Там, где земля осыпалась от удара кита, открывалась разветвленная сеть галерей и переходов, заваленных камнями и обломками. Зафод начал было сам расчищать один из проходов, но Марвин справился с этим гораздо скорее. Из замусоренных глубин веяло пылью веков. Зафод посветил внутрь фонариком, но в мрачной тем-

ноте мало что можно было разглядеть.

— Согласно легенде, — сказал он, — магратейцы большую часть времени жили под землей.

— Почему? — заинтересовался Артур. — Перенаселенность? Загрязненность поверхности?

— Да нет, не думаю, — покачал головой Зафод. — Им, видимо, не нравилась поверхность как таковая.

— Ты уверен в том, что делаешь? — Триллиан беспокойно вглядывалась в темноту. — На нас, если помнишь, сегодня уже нападали.

— Детка, милая, даю тебе слово, что живое население этой планеты составляет ноль плюс нас четверо, так что не бойся и пошли внутрь. Да, слушай, землячок…

— Артур, — напомнил Артур.

— Точно. Может, постоишь тут на стреме? Вместе с роботом? Хорошо?

— На стреме? — удивился Артур. — От кого же это? Ты сам только что сказал, что здесь никого нет.

— Это само собой, но… просто для безопасности, — объяснил Зафод.

— Чьей? Моей или вашей?

— Послушный мальчик. Все, мы пошли.

Зафод полез в проход, а за ним последовали

Триллиан с Фордом.

— Ну и пожалуйста. Надеюсь, вам будет очень скучно и неинтересно, — пожелал Артур.

— Не волнуйся, — заверил его Марвин, — непременно будет.

Через несколько секунд отряд исчез из виду.

Артур гневно пошагал вокруг, но вскоре решил, что китовая усыпальница не очень-то подходящее место для прогулок.

Марвин некоторое время негодующе наблюдал за ним, а потом выключился.

* * *

Зафод бодрым маршем шел по проходу, страшно волнуясь, но стараясь скрывать свои чувства под напускной целеустремленностью. Он поводил фонариком. Стены были выложены темной плиткой, холодной на ощупь. Воздух, казалось, насквозь пропитался упадком и разрушением.

— Ну, что я говорил? — торжествующе произнес Зафод. — Обитаемая планета. Магратея, — и, бравой походкой, он отправился дальше по грязи и мусору, устилавшим кафельный пол.

Триллиан непроизвольно вспомнила о лондонском метро, хотя здесь, конечно, было менее грязно.

На стенах через равные интервалы встречались мозаичные рисунки — яркие незамысловатые геометрические узоры. Триллиан остановилась, чтобы рассмотреть один из них, но не смогла его никак интерпретировать. Она крикнула Зафоду:

— Ты случайно не знаешь, что означают эти странные символы?

— Полагаю, это такие странные символы, — уверенно ответил Зафод, почти не оглянувшись.

Триллиан пожала плечами и заторопилась за ним.

Время от времени им попадались дверные проемы, ведущие в небольшие комнаты, полные, как обнаружил Форд, древнего компьютерного оборудования. Он затащил Зафода в одну из комнат — посмотреть.

— Значит, — сказал Форд, — ты утверждаешь, что это Магратея…

— Да, — ответил Зафод, — и мы слышали голос, не забывай.

— Ладно, будем считать, я согласился. Это Магратея. Но ты ничего не рассказал о том, как ты ее нашел. Не по атласу же?

— Исследовательская работа. Правительственные архивы. Детективы. Несколько удачных догадок. Просто.

— И ты угнал «Сердце Золота», чтобы найти Магратею?

— Я угнал его, чтобы найти массу всяких вещей.

— Массу вещей? — удивился Форд. — Каких, например?

— Не знаю.

— Что?!

— Я не знаю, что ищу.

— Как это?

— А вот так… вот так. Я думаю, это потому, что, если бы я знал, то не смог бы их найти.

— Совсем с ума сошел?

— Такую гипотезу я еще не вполне проработал, — спокойно проговорил Зафод. — Я знаю о себе только то, что позволяет мой мозг в его текущем состоянии. А его текущее состояние оставляет желать лучшего.

Долгое время они молчали. Форд смотрел на Зафода с возрастающим беспокойством.

— Знаешь, приятель, если тебе нужно… — начал он.

— Нет, подожди… Я должен тебе кое-что рассказать, — перебил Зафод. — Я долго валял дурака. Стоило мне захотеть чего-то, и, пожалуйста, почему нет, я это получал. Стоило подумать, почему

бы не стать Президентом Галактики, и — бац! Я уже Президент. Потом угоняю этот корабль. Решаю найти Магратею — она чуть ли не сама находится. Нет, конечно, я всегда думаю, как что провернуть, но все всегда и так получается. Прямо как карточка Галакткредит — ты чеки не оплачиваешь, а она все равно действует. Так вот — стоит мне остановиться на минутку и задуматься, почему я захотел что-то сделать, или как я догадался, каким образом мне это сделать, у меня появляется сильнейшее желание перестать об этом думать. Вот как сейчас. Мне даже говорить об этом трудно.

Зафод замолчал. Молчал он довольно продолжительное время. Потом нахмурился и заговорил снова:

— Вчера ночью я тоже об этом думал. О том, что часть мозга у меня работает как-то не так. Потом мне пришло в голову: уж очень все похоже на то, будто кто-то пользуется моим мозгом, берет из него без спроса всякие интересные идеи. И сразу все стало ясно как дважды два: кто-то заблокировал для этой цели часть моего мозга, потому-то я и не могу ею пользоваться. Тогда я проверил.

Пошел в медицинский отсек и подключился к энцефалографическому сканеру. Прошел все

основные проверочные тесты на обоих головах — те же самые, которые проходил в правительственной медицинской комиссии, чтобы они ратифицировали мое заявление баллотироваться на президентский пост. Ничего плохого я не нашел. Ничего неожиданного, по крайней мере. Тесты показали, что я умный, изобретательный, безответственный, ненадежный, экстраверт, ну ничего такого, о чем нельзя было и так догадаться. Никаких аномалий. Тогда я стал на ходу придумывать разные другие тесты. Ничего. Тогда я попробовал наложить результаты с одной головы на результаты с другой. По-прежнему ничего. Я совсем уже одурел, и решил, что у меня приступ паранойи и надо все бросить. Последнее, что я сделал перед тем как уйти — взял наложенную картинку и посмотрел на нее сквозь зеленый фильтр. Помнишь, в детстве я всегда нежно относился к зеленому? Я же хотел быть пилотом торгового флота.

Форд кивнул.

— Там-то я все и увидел, — сказал Зафод, — ясно как божий день. Большие отделы в середине обоих мозгов, которые связаны только друг с другом и больше ни с чем. Какая-то сволочь пережгла синапсис и электронным образом повредила эти

два участка мозговой ткани.

Форд уставился на него, пораженный. Триллиан побелела.

— Кто-то решился на *такое*? — прошептал Форд.

— Угу.

— Но ты хоть знаешь кто? И зачем?

— Зачем? Могу только догадываться. Но я знаю, кто эта сволочь.

— Знаешь? Откуда?

— Они оставили мне автограф — выжгли его.

От ужаса по спине Форда побежали мурашки:

— Выжгли в мозгу? Автограф?

— Ага.

— И кто же это был, скажи ради Бога.

Зафод молча посмотрел на него. Потом отвел взгляд в сторону.

— Некто с инициалами «З.Б.», — тихо прошептал он.

В этот момент у них за спиной упала стальная заслонка, и в комнату начал проникать газ.

— Расскажу после, — закашлялся Зафод, и все трое потеряли сознание.

Глава 21

По поверхности планеты Магратея туда и сюда слонялся Артур — в дурном настроении.

Форд предусмотрительно оставил ему путеводитель «Автостопом по Галактике», чтобы помочь скоротать время. Артур стал наугад тыкать кнопки.

Путеводитель «Автостопом по Галактике» отредактирован весьма странным образом. Там можно встретить довольно длинные статьи весьма сомнительной ценности, помещенные в книгу лишь потому, что именно эта информация в свое время показалась редактору занятной.

Так, например, там есть раздел (на него как раз и наткнулся Артур), рассказывающий о событиях, произошедших с неким Фиитом Вуяджигом, скромным молодым студентом Максимегалонского университета. Этот студент, чья блестящая академическая карьера началась с занятий древней филологией, трансформационной этикой и волновой теорией гармонического исторического восприятия, однажды ночь напролет пил горлобластер «Пан Галакт» с Зафодом Библброк-

сом, после чего сделался одержим — он желал знать, куда подевались все шариковые ручки, которые он покупал за последние несколько лет.

Далее описан длительный период тщательных исследований, за время которого студент посетил все известные всегалактические бюро находок шариковых ручек. В результате он выступил с оригинальной идеей, которая на некоторое время захватила воображение общественности. Где-то в глубинах космоса, утверждал он, среди прочих, населенных гуманоидами, рептилоидами, рыбоидами, ходячими дриоидами и сверхразумными оттенками голубого цвета, планет, имеется также планета, целиком отведенная под шариковоручкоидные формы жизни. Именно на эту планету сквозь дыры в пространстве пробираются потерянные шариковые ручки, ибо им известно, что там они смогут наслаждаться своим особым, шариковоручкоидным, образом жизни, который соответствует особым шариковоручкоидным потребностям, и вообще, вести то, что в представлении шариковых ручек соответствует понятиям о хорошей жизни.

В сущности, теория была вполне милой и даже замечательной и всем нравилась — до тех пор, пока Фиит Вуяджиг внезапно не объявил, что

нашел эту планету и даже работал там шофером лимузина в семье дешевых пластмассовых созданий с зеленым стержнем. После этого заявления его немедленно забрали, заперли и, после того как он написал книгу, отправили в налоговую ссылку, — судьба, неизбежно ожидающая всякого, кто намерен публично выставлять себя идиотом.

Экспедиция, посланная некоторое время спустя по тем координатам, где, согласно уверениям Вуяджига, должна была находиться планета шариковых ручек, обнаружила лишь маленький астероид, «населенный» одиноким стариком, который твердил, что все неправда. Впоследствии оказалось, что он лгал.

Однако, до сих пор остается невыясненным вопрос о таинственных шестидесяти тысячах алтаирианских долларов, ежегодно поступающих на счет Вуяджига в Брантисвогонном банке, а также о приносящей невиданную прибыль своему владельцу Зафоду Библброксу сети магазинов, торгующих подержанными шариковыми ручками.

* * *

Артур дочитал все это и отложил книгу.

Робот, как вырубился, так и сидел рядом.

Артур поднялся на ноги и взошел на вершину кратера. Походил. Посмотрел на два солнца, грандиозно уходящих за горизонт Магратеи.

Спустился обратно в кратер. Разбудил робота, поскольку говорить с роботом, пусть даже маниакально-депрессивным, все же лучше, чем с самим собой.

— Уже ночь, — сказал он, — смотри, робот, звезды появляются.

Из самого сердца темной туманности можно разглядеть совсем мало звезд, да и то очень и очень смутно, но тем не менее они были видны.

Робот послушно посмотрел вверх, а потом перевел взгляд на Артура.

— Появляются, — отозвался он. — Отвратительно, правда?

— Да ты только посмотри на этот закат! Никогда ничего подобного себе и представить не мог, даже во сне! Два солнца! Как будто в космосе растворяются огненные горы!

— Я это видел и раньше, — сказал Марвин. — Ерунда.

— А у нас дома только одно солнце, — поделился Артур. — Я с планеты, которая называется Земля, знаешь?

— Знаю, — скрипнул Марвин, — ты уже раз сто об этом говорил. По-моему, это ужасно.

— Нет, это было красивое место.

— Океаны там были?

— О да, — вздохнул Артур, — огромные широкие голубые океанские просторы…

— Не выношу океаны, — отрезал Марвин.

— Скажи мне, — задал вопрос Артур, — а какие у тебя отношения с другими роботами?

— Ненавижу их, — не замедлил с ответом Марвин. — Ты куда?

Артур больше не мог с ним разговаривать. Он опять встал.

— Пойду еще погуляю, — сказал он.

— Я не обижусь, — и Марвин насчитал пятьсот девяносто семь миллиардов овец, прежде чем заснуть секунду спустя.

Артур похлопал себя руками, чтобы попробовать заставить собственную кровь циркулировать быстрее. Он опять взобрался на самый верх кратера.

Из-за сильно разреженной атмосферы и отсутствия луны ночь спустилась мгновенно, и стало

очень темно. По этой причине, Артур налетел на старика раньше, чем заметил его.

Глава 22

Он стоял спиной к Артуру и смотрел, как последние отблески света утопают в черноте за горизонтом. Он был высок и стар, и одет в простую серую тогу. После того, как он повернулся, выяснилось, что у него худое благородное лицо, изможденное, но не злое, лицо такого свойства, которому вы спокойно доверили бы свои сбережения. Но пока еще старик не повернулся, даже в ответ на испуганный и удивленный возглас Артура.

Постепенно последние лучи солнца померкли, и тогда он обернулся. Лицо его подсвечивалось неизвестно откуда, и, когда Артур стал оглядываться в поисках источника света, он увидел в нескольких ярдах компактный летательный аппарат — дирижабль, как показалось Артуру. От него исходил призрачный свет.

Старик посмотрел на Артура, очень грустно, как тому показалось.

— Вы выбрали холодную ночь для визита на нашу планету, — изрек он.

— Вы… Вы кто?… — заикаясь, спросил Артур.

Старик посмотрел в сторону. Выражение неизбывной грусти не сходило с его лица.

— Это неважно, — ответил он.

Он был погружен в собственные мысли и явно не горел желанием завязать оживленную светскую беседу. Артур чувствовал себя неловко.

— Я… эмм… вы меня напугали… — сказал он не очень кстати.

Старик взглянул на него, слегка подняв брови.

— Ммм?

— Я говорю, вы напугали меня.

— Не бойтесь, я не причиню вам вреда.

Артур нахмурился.

— Но вы стреляли в нас! Там были ракеты… — обвинил он.

Старик вглядывался вглубь кратера. Неяркий свет из глаз Марвина отбрасывал еле заметные отблески на гигантский китовый каркас.

Старик кашлянул.

— Это автоматическая система, — он вздохнул. — Древние компьютеры в недрах планеты отсчитывали секунды долгими тысячелетиями, и время тяжким грузом легло на их пропылившиеся базы данных. Мне кажется, они стреляют время от времени просто так, чтобы избавиться от невыносимой скуки.

Он серьезно посмотрел на Артура и объявил:

— Я, знаете ли, страстный поклонник науки.

— О!.. Да что вы говорите, — вежливо удивился Артур, пришедший в некоторое замешательство от старомодных, доброжелательных манер старика.

— Да-да, — подтвердил старик и опять замолчал.

— А, — неопределенно протянул Артур, — м-м-м…

Он чувствовал себя как человек, застигнутый при совершении акта прелюбодеяния и с недоумением наблюдающий, как муж его дамы входит в комнату, переодевает брюки, отпускает несколько ни к чему не обязывающих замечаний о погоде и удаляется.

— Вам, кажется, не по себе, — заметил пожилой человек с вежливой заботой.

— Да нет… то есть, да. На самом деле, понимаете, мы тут никого особенно не ожидали встретить. Я в общем-то так понял, что вы тут все умерли или вроде того…

— Умерли? — изумился старик. — Боже милостивый, нет, мы просто спали.

— Спали? — недоверчиво переспросил Артур.

— Да, нам, видите ли, надо было переспать эко-

номический спад, — старика, очевидно, нимало не заботило, понимает Артур хоть слово из его речи или нет.

Артуру снова пришлось переспрашивать:

— Экономический спад?

— Пять миллионов лет назад, изволите ли видеть, Галактику постиг экономический коллапс, и, видя, что строительство планет на заказ несколько потеряло свою актуальность, мы, понимаете…

Он оборвал свою речь и строго посмотрел на Артура:

— Вы ведь знаете, что мы строили планеты?

— Да-да, — усиленно закивал Артур, — вроде как догадался…

— Замечательное занятие, — продолжил старик, и глаза его мечтательно заблестели, — мне всегда особенно удавались береговые линии. Я мог бесконечно совершенствовать фьорды, так мне это нравилось… Так вот, — сказал он, вспоминая, о чем шла речь, — наступил спад, и мы решили, что избавим себя от массы беспокойства, если просто проспим его. Тогда мы запрограммировали компьютеры, чтобы они нас разбудили, когда все закончится.

Старик подавил еле заметный зевок и продол-

жал:

— Компьютеры были индексно привязаны к биржевым котировкам акций галактического рынка, понимаете, так чтобы нас всех разбудили, как только остальные восстановят экономику настолько, что смогут позволить себе пользоваться нашими довольно дорогими услугами.

Артур, постоянный читатель «Гардиан», был глубоко шокирован сказанным.

— Не слишком-то хорошо вести себя подобным образом, вам не кажется?

— Разве? — мягко спросил старик. — Прошу прощения, видимо, мои воззрения несколько устарели.

Он показал вглубь кратера.

— Это ваш робот? — спросил он.

— Нет, — донесся еле слышно металлический голос, — я свой собственный.

— Если только это можно назвать роботом, — заметил Артур вполголоса, — это скорее электронная ноющая машина.

— Позовите его, — велел старик. Артур слегка опешил, услышав столь начальственный тон. Однако повиновался и позвал Марвина. Робот полез на вершину кратера, изо всех сил демонстрируя неизлечимую хромоту — что не соответствовало

действительности.

— А с другой стороны, — передумал старик, — оставьте его здесь. Вы же пойдете со мной. Нас ждут великие дела.

Он повернулся к своему звездолету, который, без какого бы то ни было явного сигнала, спокойно поплыл к ним сквозь тьму.

Артур посмотрел на Марвина, который теперь изо всех сил демонстрировал, какого труда ему стоит развернуться и спуститься вниз в кратер. При этом он обиженно и неразборчиво ворчал.

— Идемте, — позвал старик, — идемте или все окажется крайне несвоевременно.

— Несвоевременно? — удивился Артур. — Как это?

— Как ваше имя, гуманоид?

— Дент. Артур Дент, — представился Артур.

— Несвоевременно, как во фразе «несвоевременно ушедший от нас Дентартурдент», — объяснил старик сурово. — Это угроза, видите ли. — Он снова опечалился. — У меня с этим никогда ничего не получалось, но мне говорили, что иногда угрозы действуют очень эффективно.

Артур заморгал.

— Какой удивительный человек, — пробормотал он.

— Виноват? — не расслышал старик.

— Нет, ничего, извините, — смутился Артур. — Ладно, куда надо идти?

— В мой аэромобиль, — старик жестом пригласил Артура в летательный аппарат, который теперь стоял рядом. — Мы посетим глубины планеты, где в настоящее время мой народ просыпается после пятимиллионолетнего отдохновения. Магратея пробуждается.

Артур непроизвольно поежился, садясь рядом со старым человеком. Таинственность происходящего, легкое покачивание аэромобиля при его стремительном старте в ночное небо, произвели на Артура самое тревожащее действие.

Он взглянул на старика, лицо которого озарялось отсветами огоньков, мигавших на приборной панели.

— Простите, — обратился Артур к старику. — Как, кстати, вас зовут?

— Как меня зовут? — повторил его слова старик, и опять все то же выражение неизбывной печали легло на его лицо. Он помедлил: — Мое имя, — произнес он, — Слартибартфаст.

Артур чуть не подавился.

— Извините? — пролопотал он.

— Слартибартфаст, — терпеливо повторил

старик.

— *Слартибартфаст*?

Старик бросил на Артура мрачный взгляд.

— Я же говорил, это неважно, — буркнул он.

Аэромобиль уверенно прокладывал свой путь в ночи.

Глава 23

Общепризнанным и немаловажным фактом является то, что вещи не всегда таковы, каковыми кажутся. Например, на планете Земля было принято считать, что интеллект человека выше интеллекта дельфина, на том простом основании, что человек создал столько всяких полезных вещей — колесо, Нью-Йорк, войны и т. д. — в то время как дельфины только знай себе прохлаждались в воде. Зато дельфины, напротив, всегда считали себя гораздо умнее человека — на том же самом основании.

Интересно заметить, что дельфины заранее знали о грядущем уничтожении планеты Земля и старались принять меры, дабы предостеречь человечество; однако любые попытки контакта с их стороны ошибочно интерпретировались людьми как забавные трюки — скажем, подброшенный носом мяч в сопровождении красивого свиста — исполняемые с целью получения лакомства, так что в конце концов дельфины потеряли надежду объясниться и, незадолго до появления вогонов, эвакуировались с Земли собственными

средствами.

Последнее отчаянное воззвание дельфинов показалось людям удивительно сложным двойным сальто через обруч с одновременным высвистыванием «Звездно-полосатого флага». В действительности же, сообщение гласило: «Пока! И спасибо за рыбу».

На планете Земля существовал только один вид существ с интеллектом более высоким, чем у дельфинов. Эти существа проводили свое время в этологических исследовательских лабораториях, крутя колесики и осуществляя постановку пугающе сложных экспериментов на людях. И то, что люди, по своему обыкновению, поняли все с точностью до наоборот, полностью совпадало с планами вышеупомянутых хитроумных созданий.

Глава 24

В глубокой магратеанской ночи, излучая неяркий одинокий свет, плавно и беззвучно скользил аэромобиль. Спутник Артура глубоко погрузился в собственные мысли. Артур пару раз попытался завязать с ним беседу, но тот в ответ лишь рассеянно интересовался, достаточно ли Артуру удобно, а больше ничего не говорил.

Артур попробовал определить, с какой скоростью они летят, но абсолютная чернота за окнами не давала возможности найти отправную точку для расчетов. Движение было настолько легким и плавным, что Артур охотно поверил бы, если бы ему сказали, что аэромобиль не движется вовсе.

Через некоторое время далеко впереди появилась крохотная световая точка. За какие-то секунды она выросла до гигантских размеров. Артур осознал, что на них с колоссальной скоростью летит нечто и попытался догадаться, что за корабль это может быть. Он напряженно таращился в окно, не в силах различить никаких сколько-нибудь ясных форм, и вдруг вскрикнул от неожиданности и страха, ибо аэромобиль

резко нырнул и взял курс навстречу неминуемому столкновению — так, по крайней мере, казалось. Относительная скорость перемещения была немыслимой, и у Артура едва хватило времени на то, чтобы набрать побольше воздуху перед неизбежным концом. В следующее мгновение его бешено закружило в серебряном облаке. Он завертел головой, увидел в заднее стекло уносящуюся с сумасшедшей скоростью маленькую черную точку и не сразу понял, в чем дело: аэромобиль влетел в подземный тоннель. Колоссальная скорость была скоростью их собственного движения, воспринимаемого относительно источника света, представлявшего собой стационарное отверстие в земле — вход в тоннель. Сумасшедшим серебрянным облаком показались ему круглые стены тоннеля, по которому они неслись со скоростью, судя по всему, не менее нескольких сотен миль в час.

Артур зажмурился и стал молиться.

По прошествии некоторого времени, какого, он даже не пытался судить, Артур почувствовал, что скорость немного снизилась, а еще через некоторое время аэромобиль начал притормаживать, гладко скользя.

Артур решился открыть глаза. Аэромобиль

по-прежнему прокладывал себе путь в тоннеле, в путанном лабиринте сопряженных путей. Наконец они прибыли и остановились в обшитой сталью камере со сводчатым потолком. Несколько других тоннелей тоже заканчивались в этой камере, и в дальнем ее конце Артур различил большой расплывчатый круг раздражающего света, раздражающего потому, что он вызывал постоянный обман зрения, не давал возможности сфокусироваться и определить, насколько близок или далек его источник. Артур подумал (совершенно неверно), что это ультрафиолетовый свет.

Слартибартфаст повернулся и своими старыми глазами серьезно поглядел на Артура.

— Землянин, — сказал он, — мы сейчас находимся в самом сердце Магратеи.

— Откуда вы знаете, что я землянин? — потребовал отчета Артур.

— Все это станет понятно через некоторое время, — мягко ответил старик, — по крайней мере, — прибавил он с некоторым сомнением в голосе, — понятнее, чем теперь.

Он продолжал:

— Я должен предупредить вас, что зал, куда мы вскоре перейдем, не может реально существовать внутри нашей планеты. Он слишком… м-м-м…

велик. Мы у входа в огромное гиперпространственное поле. Въезд туда может испугать вас.

Артур выразил свой испуг нечленораздельными звуками.

Слартибартфаст нажал какую-то кнопку и добавил, не слишком утешительно:

— Я сам боюсь этого до чертиков. Держитесь крепко.

Корабль стрелой влетел в круг света, и Артур вдруг очень хорошо понял, что такое бесконечность.

Это, конечно, была не бесконечность. Бесконечность сама по себе плоская и неинтересная. Смотреть в бесконечность все равно, что смотреть в ночное небо — расстояния в нем отсутствуют как факт. Зал, куда из тоннеля выпорхнул аэромобиль, был каким угодно, только не бесконечным, но он был очень-очень-очень большой и давал представление о бесконечности гораздо лучше, чем сама бесконечность.

Все пять чувств Артура смешались и пришли в полное расстройство, когда, на невероятной скорости, которую, как уже знал Артур, мог развивать аэромобиль, они стали подниматься вверх, в мгновение ока оставив далеко позади отверстие, сквозь которое только что прибыли. Булавочной

головкой дрожало оно в зыблющейся стене.

В стене…

Эта стена бросала вызов воображению — охмуряла его и одурманивала. Стена была такой отвесной и такой ошеломительно необъятной, ее верх, низ и боковые стороны уходили так далеко за пределы человеческого зрения, что, глядя на нее, можно было умереть от головокружения.

Стена казалась абсолютно прямой. Понадобилось бы точнейшее лазерное оборудование, чтобы определить, что, по мере того как стена, как бы в бесконечность, поднималась вверх, и головокружительно падала вниз, и необъятно простиралась в стороны, она одновременно немного изгибалась внутрь. Стена смыкалась на расстоянии тринадцати световых лет от того места, где в данный момент находился аэромобиль. Другими словами, эта стена представляла собой внутреннюю поверхность полой сферы, имевшей в диаметре свыше трех миллионов миль и заполненной умопомрачительным светом.

— Добро пожаловать, — сказал Слартибартфаст, в то время как аэромобиль, двигавшийся со скоростью, в три раза превышавшей скорость звука, микроскопической точкой незаметно полз вперед в умопомрачительной необъятности про-

странства, — добро пожаловать на нашу фабрику планет.

Артур в благоговейном ужасе озирался по сторонам. Далеко впереди, на расстоянии, которое он при всем желании не смог бы, хотя бы приблизительно, оценить, были расставлены, точнее, развешаны в воздухе, какие-то непонятные суспензии, какие-то странные конструкции из металла и света, образующие ажурные сферы.

— Вот здесь, — торжественно объявил Слартибартфаст, — мы и собираем большую часть планет, видите?

— То есть, — Артур тщательно подбирал слова, — вы имеете в виду, что снова начинаете это делать?

— Нет-нет, упаси боже, конечно, нет, — воскликнул старик, — нет, Галактика все еще недостаточно богата, чтобы содержать нас, конечно, нет. Нас разбудили, чтобы выполнить один весьма своеобразный заказ для весьма… м-м-м… своеобразных клиентов из другого измерения. Вам это может показаться интересным… вот там вдалеке, видите? Впереди?

Артур проследил за пальцем старика и в конце концов увидел плавающую конструкцию, на которую тот указывал. Это, действительно, была

единственная конструкция, вокруг которой витала рабочая атмосфере, но такое впечатление достигалось скорее в результате неопределенных субъективных ощущений, чем каких-то конкретных действий.

В этот самый момент, со всей внезапностью, всю структуру озарил изнутри яркий луч света, высветив контуры, формируемые на поверхности сферы. Контуры, которые Артур сразу узнал: милые продолговатые кляксы, знакомые, как начертание слов родного языка — часть домашней обстановки его мозга. Некоторое время он сидел как громом пораженный, а увиденное им трепыхалось в мозгу, ищя себе места и объяснения.

Одна часть мозга говорила, что ему прекрасно известно, на что именно он смотрит и что такое суть эти контуры, в то время как другая часть мозга весьма разумно отказывалась одобрить направление мыслей первой и заранее снимала с себя всю ответственность за дальнейшие идеи того же направления.

Новый луч света осветил сферу, и на этот раз никаких сомнений не осталось.

— Земля… — прошептал Артур.

— Земля номер два, если быть точным, — весело сказал Слартибартфаст. — Мы делаем копию

по исходным калькам.

Повисла пауза.

— Вы что, хотите сказать, — медленно заговорил Артур, изо всех сил контролируя себя, — что вы с самого начала… *сделали* Землю?

— Ну разумеется, — кивнул Слартибартфаст. — Вы когда-нибудь бывали в таком месте… по-моему, оно называлось Норвегия?

— Нет, — покачал головой Артур, — не бывал.

— Жаль, — огорчился Слартибартфаст, — это одно из моих творений. Я за нее даже приз получил. Такие очаровательные изрезанные береговые линии. Я был очень огорчен, когда узнал об их разрушении.

— *Вы* были огорчены!

— Да. Еще бы пять минут, и в этом не было бы необходимости. Такое досадное недоразумение.

— М-м-м? — не понял Артур.

— Мыши были возмущены.

— *Мыши?* Возмущены?

— Еще как, — заверил старик.

— Так же, как, я полагаю, и собаки, и кошки, и утконосы… Но…

— Но ведь не они же платили, вот в чем дело.

— Слушайте, — сказал Артур, — не будет ли намного проще, если я скажу, что сдаюсь… и сойду

с ума прямо сейчас?

На некоторое время в аэромобиле повисло неловкое молчание. Затем старик попытался дать доходчивое объяснение.

— Землянин, создание планеты, на которой вы жили, было заказано и оплачено мышами. Они же и управляли планетой. Планета была разрушена за пять минут до завершения проекта, ради которого она была построена, и теперь нам придется строить новую.

Из всего сказанного Артур вычленил только одно слово.

— Мыши? — переспросил он.

— Точно так, землянин.

— Так. Прошу прощения. Хочу убедится, что мы говорим об одном и том же. Мы говорим об обожающих сыр маленьких белых пушистых созданиях, от которых в комиксах шестидесятых дамы с визгом лезли на стол?

Слартибартфаст вежливо кашлянул.

— Землянин, — деликатно сказал он, — иногда мне очень трудно следить за тем, что вы говорите, учитывая вашу манеру изъясняться. Не забывайте, что я спал внутри планеты Магратея пять миллионов лет и практически ничего не знаю об этих комиксах шестидесятых, о которых

вы упомянули. Создания, которых вы зовете мышами, понимаете ли, не таковы, какими они вам кажутся. Они — лишь проекция в наше измерение повышенно-сверхразумных многомерных существ. Все, что касается сыра и визга — всего лишь маска.

Старик помолчал и с сочувствующей улыбкой продолжил:

— Боюсь, они ставили на вас эксперименты.

Секунду-другую Артур обдумывал последнее утверждение, и постепенно лицо его просветлело.

— Да нет же! — воскликнул он. — Теперь я понимаю — произошло недоразмение! Сейчас я вам объясню, как все было на самом деле. Это мы ставили эксперименты на них. Их использовали при исследовании поведенческих рефлексов, знаете, собака Павлова и всякое такое прочее. Этим самым мышам предлагали всевозможные тесты, чтобы они научились звонить в звонок, бегать по лабиринтам и все такое, чтобы можно было изучать процесс обучения в целом. Глядя на их поведение, мы узнавали многие вещи о самих себе…

На этом познания Артура иссякли.

— Какая тонкость… — восхитился Слартибарт-

фаст, — достойная искреннего восхищения.

— Что? — не понял Артур.

— Невозможно более умело скрыть свои истинные намерения и более удачно направить ваши мысли в нужном направлении. Побежать по лабиринту не в ту сторону, съесть не тот кусочек сыра, внезапно умереть от микоматоза. Если правильно рассчитать, то кумулятивный эффект может быть огромен.

Он помолчал для торжественности.

— Видите ли, землянин, они действительно являются особо одаренными сверхразумными многомерными существами. Ваша планета и люди, обитавшие на ней, были частью матрицы органического компьютера, на котором работала десятимиллионолетняя исследовательская программа… Позвольте мне рассказать вам всю историю. Но это займет некоторое время.

— Что-что, а время для меня, — ослабевшим голосом простонал Артур, — в настоящий момент — не проблема.

Глава 25

Жизнь, само собой разумеется, вечно порождает множество вопросов, наиболее распространенными из которых являются следующие: «Зачем родятся люди?», «Почему они умирают?», «Почему в промежутке между этими двумя событиями им так хочется носить электронные часы?».

Много-много миллионов лет назад некая раса сверхразумных многомерных существ (чей внешний вид в их собственной многомерной вселенной не сильно отличается от нашего) почувствовала, что по горло сыта постоянными спорами относительно смысла жизни, ибо оные споры только отвлекали от нормальных занятий, каковыми в основном являлись игры в брокианский ультракрикет (занятная игра, в которой главное — неожиданно ударить кого-нибудь без всяких видимых причин и поскорее убежать), и они решили сесть, подумать и покончить со всеми проблемами раз и навсегда.

Для этой цели был создан потрясающий суперкомпьютер, до того умный, что еще до подсоединения к нему банка данных выдал «я мыслю,

следовательно, я существую» и умудрился, прежде чем догадались его выключить, логическим путем вывести возможность существования рисового пудинга и подоходного налога.

Этот компьютер был размером с небольшой городок.

Его главная консоль стояла в специальном помещении на гигантском столе ультрачерного дерева, покрытого богатой инфракрасной кожей. Пол устилал вызывающе роскошный ковер; по стенам в тщательно выверенном беспорядке были развешаны экзотические растения в горшках и с большим вкусом оформленные фотографии ведущих программистов и членов их семей; высокие окна величаво смотрели на усаженную деревьями городскую площадь.

В день Великого Запуска прибыли двое программистов в строгих костюмах и с портфелями. Их торжественно проводили в помещение. Они были прекрасно осведомлены о том, что должны представлять свою расу в величайший из моментов ее существования, но не выказывали волнения и вели себя подчеркнуто деловито, аккуратно усаживаясь за столом, открывая портфели, вынимая блокноты в кожаных переплетах.

Звали их Придурвилль и Пфук.

Они посидели в торжественном молчании сколько приличествовало случаю, а затем, неторопливо обменявшись взглядом с Пфуком, Придурвилль медленно наклонился и коснулся маленькой черной панели.

Раздалось тишайшее гудение, свидетельствовавшее о том, что самый большой из компьютеров находится теперь в рабочем режиме. Выдержав приличествовавшую случаю паузу, он заговорил богатым, звучным, глубоким голосом. Он сказал:

— Поведайте мне, какова великая задача, для решения которой я, Глубокий Мыслитель, второй из величайших компьютеров Вселенной во времени и пространстве, был призван к существованию?

Придурвилль и Пфук переглянулись в великом изумлении.

— Твоя задача, о компьютер… — начал было Пфук.

— Нет-нет, постойте, это неверно, — встревожился Придурвилль. — Мы специально создали этот компьютер самым великим из всех существующих, и нам никак не годится второй сорт. Глубокий Мыслитель, — обратился он к компьютеру, — разве ты не таков, каким мы тебя создавали, разве ты не самый великий, не самый

мощный компьютер всех времен и народов?

— Я сказал, что я — второй из величайших компьютеров, — нараспев повторил компьютер, — и таков я и есть.

Вновь программисты обменялись обеспокоенным взглядом. Придурвилль прочистил горло.

— Здесь, должно быть, какая-то ошибка, — сказал он, — разве ты не более велик, чем Миллиард Гаргантюмозг Максимегалонский, который может сосчитать количество атомов в звездной системе за одну милисекунду?

— Миллиард Гаргантюмозг? — отвечал Глубокий Мыслитель с нескрываемым презрением. — Он не более, чем обыкновенные счеты — не говорите мне о нем.

— И разве ты не… — Пфук озабоченно наклонился вперед, — лучший аналитик, чем Гуглеплекс Звездодум из седьмой галактики света и умения, который может вычислить траекторию каждой пылинки пятинедельного песчаного смерча на Данграбад Бета?

— Пятинедельный песчаный смерч? — повторил Глубокий Мыслитель надменно. — И это вы спрашиваете у меня, который вычислил вектора движений атомов самого Большого Бумса? Не оскорбляйте меня сравнением с этим карманным

калькулятором.

Оба программиста погрузились в неловкое молчание. Затем Придурвилль снова наклонился вперед.

— Но разве ты, — спросил он вполголоса, — не так же дьявольски изощрен в споре, как Великий Гиперлобый Всеязыкий Нейтронный Спорщик, Непревзойденный и Неутомимый, с Цицероникуса Двенадцать?

— Великий Гиперлобый Всеязыкий Нейтронный Спорщик, — сказал Глубокий Мыслитель, тщательно проговаривая звуки, — может уговорить арктуранского мегаослика откинуть все четыре копытца — но после этого только я могу уговорить его пойти погулять.

— Тогда в чем же, — воскликнул Пфук, — проблема?

— А никакой проблемы нет, — ответил Глубокий Мыслитель с неподражаемо-звенящей нотой в голосе, — просто я — второй из величайших компьютеров Вселенной во времени и пространстве.

— Но почему *второй*?! — возопил Придурвилль. — Почему ты постоянно повторяешь, что ты — второй? Ты же говоришь не о Мультикортикоиде Перспикутроне Титане Мюллера? Нет? И

не о Пондематике? И не о…

Высокомерные огоньки заблестали на консоли компьютера.

— Я не потратил бы ни единого бита своей великой памяти на этих кибернетических простачков! — прогудел он. — Я говорю ни о ком ином, как о компьютере, которому суждено прийти после меня!

Пфук начал терять терпение. Он оттолкнул свой блокнот и пробормотал:

— Кажется, этот разговор приобретает излишне мессианский характер.

— Вы ничего не можете знать о грядущих временах, — произнес Глубокий Мыслитель, — а я в сложных витках своих схем в бесконечных дельта-потоках возможных вероятностей вижу, как однажды наступит день и придет компьютер, чьи рабочие параметры я не достоин даже вычислить, но который тем не менее мне уготовано судьбой создать.

Пфук тяжело вздохнул и взглянул на Придурвилля.

— Ну что, будем задавать Вопрос? — поинтересовался он.

Придурвилль знаком указал ему подождать и спросил:

— Что это за компьютер, о котором ты говоришь?

— В настоящий момент я не буду больше о нем говорить, — закрыл тему Глубокий Мыслитель. — Лучше скажите, что еще я могу для вас исполнить. Говорите.

Они переглянулись и пожали плечами. Пфук собрался с мыслями первым.

— О компьютер Глубокий Мыслитель, — начал он, — задача, для выполнения которой мы создали тебя, следующая. Мы хотим, чтобы ты дал нам… — он выдержал паузу, — Ответ!

— Ответ? — переспросил Глубокий Мыслитель. — Ответ на что?

— На Вопрос! Зачем жизнь! — выпалил Пфук.

— Вселенная! — прокричал Придурвилль.

— И все такое! — закончили они в унисон.

Глубокий Мыслитель задумался на мгновение.

— Ишь ты, — сказал он наконец.

— Ты можешь дать нам ответ?

Опять последовала многозначительная пауза.

— Да, — ответил Глубокий Мыслитель, — я могу дать вам ответ.

— А он есть? — беззвучно спросил Пфук в радостном возбуждении.

— Простой ответ? — добавил Придурвилль.

— Да, — подтвердил Глубокий Мыслитель. — Жизнь, Вселенная и Все Такое... Ответ есть. Но, — прибавил он, — мне надо будет подумать об этом.

Торжественный момент был испорчен внезапно возникшей суматохой: дверь распахнулась, и в комнату, отбросив в сторону лаборанта, пытавшегося преградить им дорогу, ввалились два сердитых человека в грубых вылинявших голубых тогах и поясах Круксванского Университета.

— Мы требуем допуска! — громко выкрикнул младший, пихая хорошенькую секретаршу локтем в горло.

— Не выйдет, — выкрикнул старший, — вы не посмеете оставить нас за дверью!

Он вытолкал одного из младших программистов за дверь.

— Мы требуем, чтобы нас не оставляли за дверью! — вопил младший, хотя к настоящему времени находился целиком внутри комнаты и никто больше не пытался его выставить.

— Кто вы такие? — возмущенно спросил Придурвилль, поднимаясь из-за стола. — Чего вы хотите?

— Я — Майекфизе! — объявил старший.

— А я требую, что я Фруумфондел! — проорал

младший.

Майекфизе обернулся к Фруумфонделу.

— Успокойся, — сердито оборвал он, — этого тебе не нужно требовать.

— Хорошо! — не унимался Фруумфондел, барабаня кулаком по столу. — Я — Фруумфондел, и это *не требование*, это — непреложный факт! Мы требуем непреложных фактов!

— Да нет же! — раздраженно воскликнул Майекфизе. — Как раз этого мы не требуем.

Едва переведя дух, Фруумфондел заорал:

— Мы не требуем непреложных фактов! Мы требуем отсутствия непреложных фактов! Я настаиваю, что могу быть Фруумфонделом! А могу и не быть!

— Да кто вы такие, черт вас побери? — воскликнул выведенный из себя Пфук.

— Мы, — с достоинством представился Майекфизе, — философы.

— Хотя можем и не быть ими, — влез Фруумфондел, погрозив программистам пальцем.

— Но мы являемся ими, — настойчиво произнес Майекфизе. — Мы абсолютно точно являемся представителями объединенного союза философов, мудрецов, светил и прочих думающих персон, и требуем, чтобы эту машину отключили,

и отключили немедленно!

— А в чем дело? — спросил Придурвилль.

— Я скажу тебе, в чем дело, приятель, — угрожающе процедил Майекфизе, — в сферах влияния, вот в чем дело!

— Мы настаиваем, — выкрикнул Фруумфондел, — что сферы влияния могут не быть, а могут и быть, камнем преткновения!

— Пускай ваши машинки считают цифирки, — с еще большей угрозой сказал Майекфизе, — а уж мы, спасибо большое, займемся вечными ценностями. Хочешь знать свое официальное положение, приятель? Пожалуйста! В законе абсолютно четко сказано, что поиск абсолютной истины — неотъемлемая прерогатива действующих мыслителей. А так что же? Любая машина возьмет и найдет ее, что ли? А мы окажемся без работы?! Я что хочу сказать. Что толку, что мы сидим ночами, спорим, есть Бог или нет Бога, если машина раз! — и наутро выдает вам номер его телефона!

— Вот так-то! — бухнул Фруумфондел. — Мы требуем четкого разграничения областей сомнений и неуверенности!

Внезапно громоподобный голос заполнил комнату.

— Могу ли я высказаться по этому вопросу? — вопросил Глубокий Мыслитель.

— Мы устроим забастовку! — продолжал голосить Фруумфондел.

— Правильно! — поддержал Майекфизе. — Национальную забастовку философов! Что вы тогда будете делать?!

Уровень гудения неожиданно повысился, потому что для придания голосу Глубокого Мыслителя большей авторитарности включились вспомогательные басовые устройства, встроенные в красивые резные полированные микрофоны, которыми был напичкан кабинет по всему своему периметру.

— Я только хотел сказать, — провозгласил компьютер, — что все мои схемы отныне будут полностью заняты поиском Ответа на Великий Вопрос о Жизни, Вселенной и Всяком Таком. — Он выждал паузу, чтобы убедиться, что все внимательно его слушают, после чего продолжил более спокойно: — Но работа программы потребует некоторого времени.

Пфук нетерпеливо взглянул на часы.

— Сколько? — спросил он.

— Семь с половиной миллионов лет, — ответил Глубокий Мыслитель.

Придурвилль и Пфук заморгали от неожиданности.

— Семь с половиной миллионов лет! — закричали они хором.

— Да, — подтвердил Глубокий Мыслитель. — Я же сказал, что должен буду подумать над этим. Как мне кажется, работа подобной программы не может не вызвать чрезвычайного интереса со стороны общественности и, вследствие этого, оживления во всех областях философии. У каждого будет своя собственная теория по поводу Ответа, который мне в конце концов предстоит найти, а кто более других способен возглавить эту сферу деятельности средств массовой информации, как не вы сами? Если вы будете достаточно яростно спорить друг с другом и поливать друг друга грязью в популярных изданиях, и особенно если вы наймете достаточно опытных агентов, то вам на всю жизнь хватит и работы, и славы. Как вам моя идея?

Философы только рты поразевали.

— Вот черт побери! — ахнул Майекфизе. — Вот это я называю мыслить! Слушай, Фруумфондел, почему мы сами до такого не додумались?

— Не знаю, — сказал Фруумфондел благоговейным шепотом, — у нас, наверное, слишком

тренированные мозги, Майекфизе.

Сказав это, они развернулись на каблуках и вышли в дверь навстречу такому образу жизни, который не снился им даже в самых смелых снах.

Глава 26

— Все это очень познавательно, — сказал Артур после того, как Слартибартфаст познакомил его с ключевыми моментами этой занимательной истории, — но я не понимаю, какое все это имеет отношение к Земле, мышам и прочему.

— Но вы же выслушали лишь первую часть истории, землянин, — сказал старик. — Если вы согласитесь узнать, что случилось семь с половиной миллионов лет спустя, в день Великого Ответа, то я позволю себе пригласить вас к себе в кабинет, где, с помощью Сенс-О-Лент, вы сможете лично принять участие во всех событиях, а также, если пожелаете, пройтись по поверхности Новой Земли. К сожалению, она еще наполовину недоделана — мы еще даже не захоронили в ледниках искусственных динозавров, а потом, надо заложить третичный и четвертичный периоды кайнозойской эры, и…

— Нет, спасибо, — прервал Артур, — это будет не совсем то.

— Конечно, — согласился Слартибартфаст, — не совсем, — и развернул аэромобиль, направив его

прямиком в умопомрачительную стену.

Глава 27

В кабинете Слартибартфаста царил хаос, подобный последствиям взрыва в публичной библиотеке. Как только они вошли внутрь, старик нахмурился.

— Такая неприятность, — пожаловался он, — в одном из компьютеров системы жизнеобеспечения взорвался диод. Мы попытались оживить персонал уборщиков, но оказалось, что все они умерли тридцать тысяч лет назад. Спрашивается, кто теперь уберет трупы?... Слушайте, садитесь-ка вот здесь и дайте я вас подключу.

Он жестом указал Артуру на кресло, сделанное, казалось, из грудной клетки стегозавра.

— Оно сделано из грудной клетки стегозавра, — объяснил старик, шаря вокруг и выуживая какие-то проволоки из-под груды разбросанных бумаг и чертежных инструментов. — Вот, — нашел он, — держите, — и передал Артуру пару оголенных проводов.

Лишь только Артур прикоснулся к ним, на него полетела птица.

Он висел в воздухе и себя не видел. Под ним

простиралась красивая усаженная деревьями городская площадь, окруженная, насколько можно было охватить взглядом, белыми бетонными зданиями, величественные фасады которых портили трещины и пятна от непогоды. Сейчас, однако, светило солнце, свежий ветерок легко танцевал на кронах деревьев, а странное ощущение, что здания тихонько гудят, было, видимо, вызвано тем, что вся площадь и примыкающие к ней улицы кишели веселыми, возбужденными людьми. Где-то играл оркестр, яркие флаги трепетали на ветру, и дух карнавала витал над толпой.

Повиснув в воздухе над всем этим оживлением и не имея даже тела, которое он мог бы приложить к собственному имени, Артур чувствовал себя ужасно одиноко, но, прежде чем он успел подумать на эту тему, на площади раздался голос, призвавший собравшихся к вниманию.

Человек, стоявший на ярко украшенной платформе перед зданием, по всей видимости, главным на этой площади, обращался к толпе через мегафон.

— О люди, стоящие в ожидании под сенью Глубокого Мыслителя! — выкрикивал он. — О почтенные потомки Фруумфондела и Майкфизе, Величайших и Интереснейших Ученых, которых

когда-либо знавала Вселенная, Время Ожидания истекло!

В толпе раздались вопли восторга. Флаги, ленты, свист носились в воздухе. Примыкающие к площади улочки сильно напоминали многоножек, валяющихся на спине и отчаянно машуших лапками.

— Семь с половиной миллионов лет ждал наш народ этого Великого и, надеемся, Светлого Дня, — кричал оратор. — Дня Ответа!

Толпа в экстазе кричала «ура!».

— Никогда больше, — провозглашал ведущий, — никогда больше не будем мы просыпаться по утрам и думать: «Кто я?», «Зачем я живу?», «Имеет ли значение, в масштабах Вселенной, если я сейчас не встану и не пойду на работу?». Ибо сегодня мы раз и навсегда узнаем простой и ясный ответ на все эти гнетущие вопросы о Жизни, Вселенной и Всяком Таком!

Толпа снова заревела, а Артура понесло по воздуху вниз к одному из величественных высоких окон на первом этаже здания, находившегося позади платформы, с которой оратор обращался к толпе.

Артура поволокло прямо на окно, и ему пришлось испытать панический страх, но страх

прошел, когда пару секунд спустя он прошел прямо сквозь стекло, нисколько не повредив его.

Никто не обратил внимания на его экстравагантное прибытие, что вряд ли удивительно — ведь Артура на самом деле не было в комнате. Артур начал понимать, что все его ощущения не более чем запись на кассете, проецируемая семидесятимиллиметровой камерой с шестью дорожками на треуголку с загнутыми полями.

Комната вполне соответствовала описанию Слартибартфаста. Все семь с половиной миллионов лет за ней хорошо следили и каждые сто лет исправно убирали. Края стола ультрачерного дерева несколько потерлись, краски на ковре поблекли, но гигантский компьютерный терминал по-прежнему горделиво сверкал на кожаной поверхности стола так ярко, как будто он был сделан вчера.

Два сверхторжественно одетых человека в почтительном ожидании сидели перед терминалом.

— Время почти пришло, — сказал один из них, и Артур с изумлением увидел, как в воздухе возле шеи говорившего материализовалось слово «Дурволл». Оно несколько раз моргнуло, прежде чем вновь исчезнуть, и Артур не успел ничего

понять, как заговорил другой человек, и возле его шеи образовалось слово «Фуугх».

— Семьдесят пять тысяч поколений назад наши предки запустили эту программу, — сказал второй человек, — и нам выпала честь быть первыми, кто услышит, как компьютер заговорит.

— Великая честь, Фуугх, — согласился первый, а до Артура в этот момент дошло, что он смотрит запись с субтитрами.

— Мы первые, кто услышит, — продолжал Фуугх, — Ответ на Великий Вопрос о Жизни!..

— Вселенной!.. — подхватил Дурволл.

— И Всяком Таком!

— Шшш, — Дурволл произвел еле заметное предупреждающее движение, — кажется, Глубокий Мыслитель собирается заговорить!

Наступила напряженная пауза, во время которой постепенно оживали передние панели на консоли компьютера. Огоньки пробно поморгали и наконец загорелись ровным деловитым светом. Канал связи тихо загудел.

— Доброе утро, — в конце концов сказал Глубокий Мыслитель.

— Э… доброе утро, о Глубокий Мыслитель, — дрожащим голосом произнес Дурволл, — есть ли у тебя… э…

— Ответ для вас? — величественно прервал Глубокий Мыслитель. — Да. Есть.

Двое мужчин не могли унять нервную дрожь. Они ждали не напрасно!

— Настоящий Ответ? — выдохнул Фугх.

— Настоящий, — подтвердил Глубокий Мыслитель.

— На все? На Великий Вопрос о Жизни, Вселенной и Всяком Таком?

— Да.

Всю жизнь обоих ученых готовили к этому моменту, им еще при рождении было суждено стать свидетелями Великого Ответа, но, невзирая на это, они дрожали и задыхались от волнения.

— И ты готов дать нам этот Ответ? — спросил Дурволл.

— Готов.

— Сейчас?

— Сейчас, — ответил Глубокий Мыслитель.

Мужчины облизали пересохшие губы.

— Хотя мне не кажется, — добавил Глубокий Мыслитель, — что он вам понравится.

— Неважно! — закричал Фугх. — Мы должны узнать его! Сейчас же!

— Сейчас же? — переспросил Глубокий Мыслитель.

— Да! Сейчас!

— Ладно, — сказал компьютер и снова замолчал. Ученые нервничали. Напряжение стало невыносимым.

— Вам действительно не понравится Ответ, — предупредил Глубокий Мыслитель еще раз.

— Говори же!

— Хорошо, — решился Глубокий Мыслитель. — Ответ на Великий Вопрос…

— Да!..

— О Жизни, Вселенной и Всяком Таком… — раздельно выговаривал Глубокий Мыслитель.

— Да!..

— Это… — Глубокий Мыслитель сделал паузу.

— Да!..

— Это…

— Да!!!

— Сорок два, — величаво изрек Глубокий Мыслитель.

Глава 28

Прошло много времени, прежде чем они решились заговорить.

Уголком глаза Фугх видел напряженные ожидающие лица на площади.

— Нас линчуют? Да? — прошептал он.

— Перед вами стоит трудная задача, — мягко признал Глубокий Мыслитель.

— Сорок два! — возмутился Дурволл. — И что, больше ты ничего не надумал за семь с половиной миллионов лет?

— Я все тщательно проверил, — сказал компьютер, — и уверен, что дал правильный ответ. По-моему, все дело в том, что — если по-честному — вы никогда не знали, в чем, собственно, состоит вопрос.

— Но это же был Великий Вопрос! Главный Вопрос о Жизни, Вселенной и Всяком Таком, — сокрушался Дурволл.

— Совершенно верно, — Глубокий Мыслитель всем своим видом показывал, что умеет быть терпимым с дураками, — но в чем, собственно, он состоит?

Ученые отупело посмотрели сначала на компьютер, потом друг на друга.

— Ну вы же знаете… это же Всякое Такое… все такое, — неуверенно промямлил Фугх.

— Вот именно! — сказал Глубокий Мыслитель. — Как только вы узнаете, в чем вопрос, вы поймете, что означает ответ.

— Гениально, — безрадостно пробормотал Фугх, выбрасывая блокнот и утирая скупую мужскую слезу.

— Ну хорошо, хорошо, — заторопился Дурволл, — не мог бы ты сказать, в чем вопрос?

— Главный Вопрос?

— Да!

— О Жизни, Вселенной и Всяком Таком?

— Да!

Глубокий Мыслитель помедлил.

— Ишь ты, — обронил он.

— Ты можешь дать ответ? — выкрикнул Дурволл.

Глубокий Мыслитель еще помедлил. И наконец:

— Нет, — ответил он твердо.

Оба ученых в отчаянии упали в кресла.

— Но я могу сказать, кто может, — сказал Глубокий Мыслитель.

Оба ученых резко вскинули головы.

— Кто? Скажи!

В это время волосы на в общем-то несуществующей голове Артура встали дыбом, потому что его непреодолимо, хоть и медленно, потащило прямо на консоль, но, как он быстро догадался, это был всего лишь наезд камеры, показавшийся эффектным тому, кто в свое время был оператором этого репортажа.

— Я говорю ни о ком другом, как о компьютере, который придет после меня, — певуче заговорил компьютер, и в его голосе вновь зазвучали напыщенные ноты. — Компьютер, чьи рабочие параметры я не достоин даже вычислить — и все же я создам его для вас. Компьютер, который сможет вычислить Вопрос к Главному Ответу, компьютер такой бесконечно-непостижимой сложности, что частью его операционной системы станут органические формы жизни. Вы сами также примете новые формы и станете частью самого компьютера и частью работы его десятимиллионолетней программы! Да! Я создам этот компьютер для вас. И я дам ему имя! Он будет называться… Земля.

Фугх уставился на Глубокого Мыслителя.

— Какое скучное имя, — поморщился он, и по

его телу пошли глубокие борозды. Дурволл тоже вдруг неизвестно с чего покрылся прорезями. Консоль компьютера пошла пятнами и треснула, стены замигали, скомкались, комната ушла в собственный потолок…

Перед Артуром стоял Слартибартфаст, держа в руках два оголенных провода.

— Конец записи, — объяснил он.

Глава 29

— Зафод! Проснись!

— Мммммвввррррр?

— Давай, давай, просыпайся.

— Нет уж, позвольте мне заниматься тем, что я умею делать хорошо, — Зафод откатился подальше от тревожившего его голоса, обратно в свой сон.

— Ногами тебя, что ли, пинать? — воскликнул Форд.

— А тебе от этого будет лучше? — невнятно пробормотал Зафод.

— Нет.

— И мне нет. Тогда какой смысл? Отстань. — Зафод заворочался, устраиваясь поудобнее.

— Он получил двойную дозу газа, — объяснила Триллиан, глядя сверху. — Два горла.

— Хорош трепаться, — потребовал Зафод, — и так спать трудно. Земля такая твердая и холодная.

— Это золото, — сказал Форд.

С балетной грацией, какой трудно было от него ожидать, Зафод вскочил на ноги и принялся

озирать окрестности — во всех направлениях до самого горизонта простиралась золотая земля. Она сверкала как… невозможно сказать как, потому что ничто во всей Вселенной не сверкает так же, как планета, целиком состоящая из чистого золота высочайшей пробы.

— Кто это все сюда натащил?! — закричал Зафод, вытаращив глаза.

— Не возбуждайся, — лениво бросил Форд. — Это каталог.

— Катакто?

— Каталог, — объяснила Триллиан, — иллюзия.

— Какая еще иллюзия? — Зафод упал на четвереньки и пристально уставился в землю. Он потыкал ее пальцем: твердая и при этом чуть мягкая — можно процарапать ногтем. Очень желтая и очень блестящая. Когда Зафод подышал на нее, его дыхание испарилось тем особенным образом, каким дыхание испаряется с чистого золота.

— Мы с Триллиан очнулись некоторое время назад, — сказал Форд, — и стали кричать и вопить. Потом пришли какие-то люди, и тогда мы стали кричать и вопить на них, пока им не надоело и нас не поместили в планетный каталог, чтобы мы помолчали, пока они не придумают,

что с нами делать. А это все Сенс-О-Пленка.

Зафод горько посмотрел на Форда.

— Черт тебя побери, — тяжко вздохнул он, — стоило меня вытаскивать из моего собственного интересного сна, чтобы показать чей-то чужой.

В гневе он сел на землю.

— Что это там за выемка? — спросил он.

— Это проба, — ответил Форд. — Мы смотрели.

— Мы не хотели тебя раньше будить, — сказала Триллиан. — Предпоследняя планета была вся по колено в рыбе.

— В рыбе?

— У каждого свои пристрастия.

— А до этого была платина. Скучновато. Но мы решили, что эта тебе понравится.

Куда ни взглянь, отовсюду на них светили океаны ослепительного света.

— Очень красиво, — раздраженно процедил Зафод.

В небе появился огромный зеленый порядковый номер. Несколько раз моргнув, он сменился. Путешественники посмотрели вокруг, и оказалось, что пейзаж тоже поменялся.

Все дружно сказали:

— Ой.

Небо стало пурпурным. Пляж, на котором они

очутились, состоял из крохотных желтых и зеленых камешков, по всей видимости, чрезвычайно драгоценных. Горный массив вдали — сплошь красные пики — казался поролоновым. Неподалеку стоял серебряный пляжный столик под кружевным лиловым зонтиком с серебряными кисточками.

Заменив собой порядковый номер, в небе появилась огромная вывеска. Она гласила: «Магратея удовлетворит любому, даже самому взыскательному вкусу. Мы не из хвастливых».

После чего с неба на парашютах повалили пять сотен совершенно обнаженных женщин.

Через секунду они испарились, оставив путешественников на весеннем лугу, где паслось множество коров.

— О-ой, — простонал Зафод, — мои мозги!

— Кстати, может, расскажешь, что было дальше? — вспомнил Форд.

— Да, наверно, — отозвался Зафод. Все трое сели и перестали обращать внимание на сменяющиеся пейзажи.

— Я думаю так, — начал Зафод, — что бы ни случилось с моей памятью, я сделал это сам. И сделал это так, чтобы правительственные проверочные тесты не смогли этого выявить. К тому

же, я сам ничего не должен был об этом помнить. Ужас, да?

Остальные двое согласно покивали.

— Вот я и думаю, что же это за секрет такой, что никому нельзя показать, что я его знаю? Ни Галактическому Правительству, ни даже себе самому? Черт его знает. Но я пока еще в состоянии сложить два и два и вроде начал догадываться. Помните, когда я решил баллотироваться в президенты? Вскоре после смерти Президента Йодена Франкса. Помнишь Йодена, Форд?

— Ага, — сказал Форд, — мы с ним в детстве встречались. Арктуранский капитан. Классный был мужик. Мы забрались к нему в мегалет, и он дал нам каштанов. Еще сказал, что ты самый потрясающий ребенок, которого он когда-либо видел.

— О чем это вы? — спросила Триллиан.

— Это древняя история, — ответил Форд, — это случилось на Бетельгейзе, когда мы еще были маленькими. Тогда арктуранские грузовые мегалеты перевозили основную часть товаров из Центра Галактики в отдаленные районы. Агенты с Бетельгейзе находили новые рынки сбыта, а арктуранцы доставляли туда товары. В те времена еще было много пиратов — это было до того,

как все пираты погибли в дорделийских войнах — и мегалеты тогда были оборудованы защитными полями по последнему слову Галактической науки. Эти мегалеты были настоящие красавцы. Гиганты! На орбите планеты они закрывали солнце.

Так вот: небезызвестный Зафод решил такой мегалет атаковать. На триактивном скутере для стратосферных полетов. На этакой детской игрушечке. До такого только бешеная обезьяна могла додуматься, и то с трудом. Я полетел с ним, потому что поставил кучу денег, что у него это никогда в жизни не получится. Я не хотел, чтобы он мне привез какие-нибудь фальшивые доказательства и выиграл. И что вы думаете? Мы сели в скутер — который он, кстати, замаскировал подо что-то совершенно непостижимое, отмахали за пару недель три парсека, ворвались в мегалет до сих пор не понимаю как, прошествовали на капитанский мостик, размахивая игрушечными пистолетиками, и потребовали каштанов. Ничего более безумного в жизни не видел. Потерял я на этом карманных денег на целый год. И за что? За каштаны.

— Но этот Йоден Франкс, капитан, был совершенно необыкновенный мужик, — вмешался

Зафод. — Он нас накормил, напоил — чем-то этаким из самых чумовых мест Галактики, понятное дело, дал кучу каштанов, в общем, мы великолепно провели время. Потом он нас телепортировал назад. В отделение строжайшего режима бетельгейзианской государственной тюрьмы. Крутой был дядька. Стал потом Президентом Галактики.

Зафод помолчал.

К этому времени обстановка переменилась: стало темно и мрачно. Вокруг клубился сумеречный туман, вдалеке неуклюже шатались неясные тени слоновьих очертаний. Окрестности периодически оглашались ревом одних иллюзорных созданий, жестоко убивающих других иллюзорных созданий. Судя по всему, подобного рода сцены доставляли удовольствие достаточно большому количеству людей — не зря же их поместили в каталог.

— Форд, — тихо сказал Зафод.

— А?

— Перед смертью Йоден приходил ко мне.

— Что? Ты никогда об этом не говорил.

— Не говорил.

— А что он сказал? Зачем приходил?

— Он рассказал мне про «Сердце Золота». Это была его идея, что я должен его угнать.

— *Его* идея?

— Да, — кивнул Зафод, — и угнать его можно было одним-единственным способом — во время церемонии открытия.

Форд был ошарашен и некоторое время не мог говорить. Потом расхохотался.

— Ты хочешь сказать, — сквозь смех выговорил он, — что стал Президентом только для того, чтобы угнать «Сердце Золота»?

— Факт, — сказал Зафод с ухмылкой, увидев которую, многие люди немедленно оказались бы заперты в палате с обитыми стенами.

— Но зачем? — недоуменно спросил Форд. — Для чего он тебе?

— А я почем знаю, — пожал плечами Зафод. — Мне кажется, если бы я понимал, для чего и зачем, это выявилось бы во время проверочных тестов, и я бы не прошел комиссию. Наверное, Йоден сказал мне еще много всякого разного, но это пока заблокировано у меня в мозгах.

— То есть, ты думаешь, что, после того как Йоден поговорил с тобой, ты пошел и подкрутил себе какие-то винтики?

— Он умел убеждать.

— Да, но… Зафод, приятель, тебе теперь, знаешь ли, надо следить за собой.

Зафод пожал плечами.

— Неужели ты совсем-совсем не знаешь, зачем ты это сделал? — спросил Форд.

Зафод серьезно обдумал этот вопрос и, казалось, его посетили какие-то смутные подозрения.

— Нет, — сказал он в конце концов. — Похоже, я еще не готов допустить себя до своих собственных секретов. Но, — добавил он после дальнейшего размышления, — это вполне разумно с моей стороны. Я не знаю, доверил бы я себе убить муху или нет.

Секунду спустя из-под них испарилась последняя планета в каталоге, и вокруг восстановился реальный мир.

Оказалось, что они сидят в обитой плюшем приемной, заставленной стеклянными столиками и наградами за лучший дизайн.

Перед ними стоял высокий магратеанец.

— Мыши готовы принять вас, — объявил он.

Глава 30

— Вот так вот, — сказал Слартибартфаст, совершая неуклюжие попытки прибраться в своем кабинете. Он снял с огромной кучи бумаг верхний листок, но не сумел придумать, куда его поместить, и поэтому положил обратно, после чего куча немедленно развалилась. — Глубокий Мыслитель создал Землю, мы ее построили, а вы на ней жили.

— А вогоны пришли и разрушили ее за пять минут до окончания работы программы, — продолжил Артур, и нельзя сказать, чтобы в его голосе не звучала горечь.

— Да, — подтвердил старик, прервавшись для того, чтобы оглядеть комнату безрадостным взором. — Десять миллионов лет тщательного планирования полетели псу под хвост. Десять миллионов лет! Можете ли вы, землянин, постичь, что это за отрезок времени? За это время из одного-единственного червяка может возникнуть пять галактических цивилизаций! И все пропало. — Он помолчал. — Ну что ж, вот вам бюрократия в действии, — прибавил он.

— Знаете, — сказал Артур задумчиво, — все это объясняет много разных вещей. Я всю жизнь испытывал странное чувство, как будто в мире что-то происходит, что-то глобальное и даже зловещее, но никто не мог сказать мне, что именно.

— Да нет, — покачал головой старик. — Это самая обычная паранойя. Это испытывают все во Вселенной.

— Все? — удивился Артур. — Ну, раз все это испытывают, это что-нибудь, да значит! Может быть, где-нибудь за пределами Вселенной, которую мы знаем…

— Может быть. Какая разница? — прервал старик Артура, пока тот не перевозбудился. — Может быть, я слишком стар и слишком устал от жизни, — продолжал он, — но я всегда считал, что раз шансы выяснить, что же на самом деле происходит, смехотворно малы, то остается только перестать искать во всем дурацкий смысл и заняться делом. Посмотрите на меня: я создаю береговые линии. Я получил приз за Норвегию.

Он порылся в куче мусора и выудил оттуда большой кусок плексигласа с моделью Норвегии внутри, на поверхности которого было выгравировано его имя.

— Какой *в этом* смысл? — риторически вопро-

сил он. — Никакого смысла я в этом не вижу. Я всю жизнь занимался фьордами. Потом вдруг на них пошла мода, и мне дали главный приз.

Он повертел приз в руках, пожал плечами и небрежно отшвырнул его — но все же не настолько небрежно, чтобы тот не приземлился на мягкое.

— На этой второй Земле, которую мы сейчас строим, я занимаюсь Африкой и, конечно же, опять делаю все эти фьорды, потому что так уж случилось, что они мне нравятся, и к тому же я настолько старомоден, чтобы считать, что они придадут континенту приятный вид в стиле барокко. А мне говорят, что это недостаточно экваториально. Экваториально! Я вас умоляю! — Он издал глухой смешок. — Какая разница! Конечно, наука достигла небывалых высот, никто не спорит, но, по моему мнению, лучше побыть один день счастливым, чем убежденным в своей правоте.

— А вы счастливы?

— Нет. И на этом, разумеется, моя теория разваливается.

— Жаль, — посочувствовал Артур. — Если бы не это, то ваш образ жизни был бы просто идеальным.

На стене замигала маленькая белая лампочка.

— Пойдемте, — сказал Слартибартфаст, — вам предстоит встреча с мышами. Ваше прибытие на планету произвело большой фурор. Оно уже, как я понял, было провозглашено третьим самым невероятным событием за всю историю Вселенной.

— А какие были первые два?

— Да небось, как всегда, какие-нибудь случайные совпадения, — бросил Слартибартфаст без интереса. Он открыл дверь и ждал, когда Артур последует за ним.

Артур напоследок еще раз окинул взором комнату, а потом посмотрел на себя, на свой грязный пропотевший халат, в котором он лежал в грязи в четверг утром.

— С моим вот образом жизни происходит что-то непонятное, — пробормотал он себе под нос.

— Простите, не расслышал, — вежливо сказал старик.

— Нет, нет, ничего, — замотал головой Артур, — я просто пошутил.

Глава 31

Общеизвестно, что слово не воробей и что неосторожное высказывание может стоить жизни, однако не все и не всегда понимают подлинное значение этих прописных истин.

Например, в ту самую секунду, как Артур сказал: «с моим вот образом жизни происходит что-то непонятное», в ткани континуума пространства-времени образовалась причудливая дыра. Сквозь эту дыру слова Артура унеслись далеко-далеко назад во времени в неизведанные дали Вселенной, где на грани страшной межзвездной битвы застыли причудливые воинственные создания.

Вожди двух воюющих сторон встречались в последний раз.

Над столом переговоров висело леденящее молчание, и предводитель Фл'хургов, разодетый в украшенные драгоценными камнями черные боевые шорты, пытался смерить взглядом предводителя Г'гугвунтов, сидящего перед ним на корточках в облаке зеленого сладко пахнущего пара, и, имея в распоряжении миллион акулоподобных звездолайнеров в полном боевом

оснащении, готовых по первому его приказу выпустить в мир электрическую смерть, требовал от отвратительного создания, чтобы то взяло назад слова, которые только что сказало о его матери.

Создание пошевелилось в своем омерзительном соусе, и в этот самый момент над столом переговоров проплыли слова «с моим вот образом жизни происходит что-то непонятное».

К несчастью, на языке Фл'хургов это было самое ужасное оскорбление, которое только можно было себе представить, и в ответ не оставалось ничего иного, кроме как на многие столетия развязать ужасную войну.

Со временем, после того, как Галактика Фл'хургов в течение нескольких тысяч лет подвергалась целенаправленному истреблению, они осознали, что все произошедшее было чудовищной ошибкой, и собрали остатки своих боевых флотилий для объединенной атаки на нашу собственную Галактику — выявленную как источник оскорбительного замечания.

Еще многие тысячи лет могучие корабли разрывали пустынные космические пространства и наконец с визгом обрушились на первую же попавшуюся планету — это оказалась Земля — где, из-за несовпадения масштабов, боевая флотилия

оказалась без остатка проглочена маленькой собачкой.

Те, кто занят изучением сложного переплетения причин и следствий в истории Вселенной, утверждают, что подобные вещи происходят постоянно, и что мы бессильны предотвратить их.

— Такова жизнь, — говорят они.

После короткого полета на аэромобиле Артур вместе со старым магратеанцем оказались у дверей. Они оставили машину и прошли в приемную, заставленную стеклянными столиками и плексигласовыми наградами. Практически сразу же над дверью с противоположной стороны комнаты замигала лампочка, и они вошли.

— Артур! Ты жив! — закричал голос.

— Правда? — сказал Артур довольно испуганно. — Это хорошо.

Освещение было приглушенным, и он не сразу разглядел за большим столом, уставленным экзотическими яствами, странными цукатами и непонятными фруктами, Форда, Триллиан и Зафода. Те уписывали за обе щеки.

— Куда вы пропали? — призвал их к ответу Артур.

— Ну, — начал Зафод, атакуя огромную жареную ногу, — наши хозяева, которых ты видишь

перед собой, травили нас газом, сканировали нам мозги и вообще вели себя как придурки, а теперь угощают нас недурным обедом, чтобы как-то компенсировать причиненные неудобства. Вот, — он выудил из миски кусок дурнопахнущего мяса, — возьми котлетку из веганского носорога. Деликатес. Если, конечно, тебе нравится веганская кухня.

— Хозяева? — удивился Артур. — Какие хозяева? Я не вижу никаких…

Тоненький голосок произнес:

— Добро пожаловать к обеду, земное создание.

Артур осмотрелся и издал звук омерзения.

— Фу, — сказал он. — На столе мыши!

Повисло неловкое молчание. Все выразительно посмотрели на Артура.

Артур же в это время смотрел на двух белых мышей, восседавших на столе в чем-то похожем на стаканы для виски. Наконец Артур почувствовал, что все молчат, и оглядел каждого по очереди.

— Ой! — воскликнул он, внезапно понимая, в чем дело. — Ой, простите, я не был готов к…

— Позволь мне представить тебе, — сказала Триллиан. — Артур, это мышь Бенжи.

— Привет, — произнесла одна из мышей. Ее усики легонько коснулись чего-то на внутренней

поверхности емкости, похожей на стакан для виски, что, судя по всему, было чувствительной к прикосновению панелью, и емкость слегка выдвинулась вперед.

— А это мышь Фрэнки.

Другая мышь сказала:

— Очень приятно, — и повторила действия первой.

Артур смотрел не шевелясь.

— Не те ли это…

— Да, — кивнула Триллиан, — это те самые мыши, которых я привезла с собой с Земли.

Она поглядела Артуру в глаза, и Артур уловил в них легчайшее недоуменное пожатие плечами.

— Будь добр, передай мне блюдо с тертым арктуранским мегаосликом, — попросила она.

Слартибартфаст вежливо кашлянул.

— Извините, — напомнил он о своем присутствии.

— Да-да, спасибо, Слартибартфаст, — резко сказал Бенжи, — можете идти.

— Что? А… что ж, очень хорошо, — старик слегка опешил. — Пойду займусь фьордами.

— На самом деле, это уже не нужно, — сказал Фрэнки. — Очень похоже, что нам не понадобится новая Земля. — Он повел маленькими розовыми

глазками. — Раз нашелся абориген, который был на планете за секунду до ее уничтожения.

— Что? — вскричал Слартибартфаст негодующе. — Вы не можете! У меня подготовлены тысячи ледников для покрытия Африки!

— Ну что ж, устройте себе каникулы и покатайтесь на лыжах, прежде чем снять их, — ядовито процедил Фрэнки.

— Покататься на лыжах! — возмутился старик. — Эти ледники — произведение искусства! Элегантно вылепленные контуры, сияющие ледяные вершины, великолепные глубокие ущелья! Это святотатство — кататься на произведении искусства!

— Благодарю Вас, — подчеркнуто сказал Бенжи. — Мы Вас не задерживаем.

— Есть, сэр, — ответил старик холодно, — и большое вам спасибо. Что ж, прощайте, землянин, — повернулся он к Артуру, — надеюсь, ваша жизнь обретет достойный образ.

Коротко кивнув остальной компании, он развернулся и понурой походкой покинул комнату.

Артур смотрел ему вслед, не зная, что сказать.

— А теперь, — сказала мышь Бенжи, — за дело.

Форд с Зафодом подняли бокалы и чокнулись.

— За дело! — провозгласили они.

— Что такое? — не понял Бенжи.

Форд недоуменно огляделся.

— Прошу прощения, я думал, это тост, — извинился он.

Мыши беспорядочно шныряли по столу в своих стеклянных устройствах. Наконец они нашли нужное положение, и Бенжи, выдвинувшись вперед, обратился к Артуру.

— Вот что, земное создание, — объявил он, — мы имеем следующую ситуацию. Как вы все уже знаете, последние десять миллионов лет мы худо-бедно управляли вашей планетой, имея целью найти то, что называется Великим Вопросом.

— Зачем? — спросил Артур резко.

— Нет — об этом мы уже думали, — оборвал Фрэнки, — но это не годится. Зачем? Сорок два… видите, не подходит.

— Да нет, — объяснил Артур. — Я имею в виду, зачем вы его искали?

— А-а, понятно, — сообразил Фрэнки. — Как вам сказать… По привычке, наверное, если уж начистоту. В этом, в сущности, все и дело — мы по горло сыты всей этой дребеденью, и сейчас, когда замаячила перспектива начинать снова-здорова из-за каких-то идиотских вогонов, мне, честно, просто хочется убежать из собственной

шкурки, надеюсь, вы понимаете? Это же счастливая случайность, что мы с Бенжи завершили наш с ним проект и уехали с планеты раньше — в отпуск. Потом нам пришлось добираться до Магратеи окольными путями — не без помощи ваших друзей.

— Магратея — окно в наше собственное измерение, — пояснил Бенжи.

— С тех пор, — продолжил его коллега, — мы успели получить несколько интересных предложений. Там, где мы обитаем, в нашем измерении, с нами хотят заключить исключительно выгодный контракт на проведение пятимерных ток-шоу и на цикл лекций. Мы безусловно намерены принять это предложение.

— Я бы точно принял, а ты, Форд? — встрял Зафод.

— А как же, — откликнулся Форд, — такое надо хватать. И не выпускать.

Артур смотрел на всех поочередно, гадая, к чему же приведет этот разговор.

— Но нам надо предъявить результаты, понимаете? — сказал Фрэнки. — Я хочу сказать, что вообще-то нам так или иначе нужен какой-нибудь удобоваримый Великий Вопрос.

Зафод доверительно наклонился к Артуру.

— Видишь ли, — зашептал он, — если они просто сядут в студии довольные собой и скажут, что, вот, мол, нам посчастливилось узнать Ответ на Великий Вопрос о Жизни, Вселенной и Всяком Таком, а потом будут вынуждены признаться, что этот ответ — сорок два, то, согласись, передача выйдет несколько коротковата. Нечего будет обсудить, понимаешь?

— Нам нужно что-то, что будет звучать убедительно, — пояснил Бенжи.

— Что-то, что будет звучать убедительно? — воскликнул Артур. — Великий Вопрос, который звучит убедительно? Для мышей?

Мыши ощетинились. Фрэнки пустился в объяснения.

— Конечно, конечно, мы все понимаем — идеализм, чистота эксперимента, поиск истины во всех ее проявлениях… Но ведь неизбежно наступает момент, когда начинаешь подозревать, что если подлинная правда и существует, то она в том, что многомерной бесконечной Вселенной управляет кучка придурков. Можно, конечно, провести еще десять миллионов лет, чтобы наконец убедиться в этом, но, если уж дошло до того, что мы можем просто взять деньги и смыться, то я, пожалуй, не возражал бы поупражняться

в беге.

— Но… — попытался возразить Артур, впрочем, без надежды на успех.

— Слушай, землячок, ты что, не понял? — вмешался Зафод. — Ты продукт компьютерной матрицы последнего поколения и ты был на своей планете до тех самых пор, пока в нее не ткнули пальцем, так?

— Э-э-э…

— Так что твой мозг — органическая часть предпоследней конфигурации программы, — сказал Форд, очень учено, как ему показалось.

— Ну-у, — протянул Артур с сомнением. Он не мог припомнить, чтобы когда-нибудь чувствовал себя органической частью чего-либо. Он даже привык считать это своим недостатком.

— Другими словами, — Бенжи развернул свой забавный миниатюрный транспорт прямо на Артура, — есть основания полагать, что в вашем мозгу закодирована структура вопроса — и мы хотим купить его у вас.

— Что, вопрос? — не понял Артур.

— Да, — хором сказали Форд с Триллиан.

— За большие денежки, — добавил Зафод.

— Нет-нет, — поспешил разъяснить Фрэнки, — мы хотим купить мозг.

— Что?!

— А кто заметит его отсутствие? — равнодушно пожал плечами Бенжи.

— Я считал, что вы собираетесь просканировать его мозг электронным способом, — запротестовал Форд.

— Разумеется, — подтвердил Фрэнки, — но для этого его сначала надо вынуть. Подготовить.

— Препарировать, — пояснил Бенжи.

— Нарезать пластами.

— Нет уж, спасибо! — заорал Артур, в ужасе метнувшись прочь от стола и перевернув стул.

— Мозг в любой момент можно заменить, — вяло обронил Бенжи, — если уж вам так важно его иметь.

— Да, на электронный, — сказал Фрэнки, — какой-нибудь простенький.

— Простенький! — застонал Артур.

— Ага, — вставил Зафод со зловещей ухмылкой, чего, надо сказать, от него никто не ожидал. — Достаточно, чтобы он умел говорить: «Что?!», «Не понял» и «Дайте чаю». Никто разницы и не заметит.

— Что?! — завопил Артур еще громче, отшатнувшись еще дальше от стола.

— Понимаете, что я имел в виду? — сказал

Зафод и громко взвыл от боли из-за чего-то, что Триллиан проделала под столом.

— Я замечу разницу, — возопил Артур.

— Ничего подобного, — возразил Фрэнки, — вас запрограммируют не замечать ее.

Форд двинулся к двери.

— Простите, мышки, — сказал он, — мне кажется, мы не договорились.

— А мне кажется, нам придется договориться, — заявили мыши в один голос, и весь их шарм мигом улетучился. С тихоньким мерзким визгом стеклянные стаканы взмыли со стола и по воздуху устремились к Артуру, забившемуся в угол, откуда было некуда бежать и где он не мог защищаться и вообще ничего не мог.

Триллиан отчаянно потащила его за руку к двери, которую Форд и Зафод героическими усилиями пытались открыть, но Артур застыл как каменный — казалось, он был загипнотизирован неотвратимо приближавшимися летучими грызунами.

Триллиан закричала на Артура, но тот только разевал рот.

После очередного дружного наскока Форду с Зафодом удалось открыть дверь. По другую сторону их поджидала небольшая группа прегадкого

вида людей — очевидно, представителей магратеанской мафии. И не только сами эти люди были отвратительны, но в руках у них блестели медицинские инструменты, вид которых тоже не вызывал никаких положительных эмоций. Враги наступали.

Итак: Артуру вот-вот должны были вскрыть черепную коробку, Триллиан была не в состоянии ему помочь, и Форду с Зафодом ничего не оставалось, кроме как сразиться с головорезами, во много раз более сильными и более хорошо вооруженными, чем они сами.

Чрезвычайно кстати, что именно в этот самый момент аварийные системы планеты разразились жутким оглушительным воем.

Глава 32

«Тревога! Тревога! — ревели клаксоны по всей Магратее. — Вражеский корабль приземлился на планету. Вооруженное вторжение в секторе 8А. Станции защиты, станции защиты!»

Обе мыши, раздраженно подергивая носиками, сновали по полу среди осколков своих летательных аппаратов.

— Проклятие! — ругался Фрэнки. — Столько шума из-за двух фунтов мозга какого-то землянина.

Он шнырял взад-вперед, сверкая розовыми глазками и всей своей великолепной белой шкуркой источая искры статического электричества.

— Нам не остается ничего другого, — Бенжи присел на задние лапы и задумчиво почесал усики, — кроме как выдумать вопрос, который сойдет за правду.

— Это трудно, — сказал Фрэнки. Он поразмыслил. — Как насчет: «Что есть желтое и опасное?»

Бенжи обдумал это предложение.

— Нет, не подходит, — решил он наконец. — К ответу не подходит.

На несколько секунд они погрузились в мол-

чание.

— А как тебе это? — сказал Бенжи. — Что получится, если умножить шесть на семь?

— Нет, нет, слишком буквально, — замахал лапками Фрэнки, — никакого эффекта.

Они снова задумались. Потом Фрэнки воскликнул:

— Есть идея. Сколько дорог должен пройти человек?

— Ах! — обрадовался Бенжи. — Это, кажется, звучит многообещающе! — Он попробовал фразу так и этак. — Да! — в конце концов сказал он, — это замечательно! Очень многозначительно и при этом ничего конкретного. Сколько дорог должен пройти человек? Сорок две. Гениально, просто гениально, это им понравится! Фрэнки, дружище, мы в полном порядке!

От восторга они кренделем пробежались в танце.

Неподалеку на полу лежала небольшая группа прегадкого вида людей, треснутых по голове тяжелыми наградами за лучший дизайн.

В полумиле оттуда, по коридору в поисках выхода неслись четыре человека. Они выбежали в широкий просторный компьютерный зал. В панике огляделись по сторонам.

— Угадай, в какую сторону, Зафод? — предложил Форд.

— Ну, например, сюда, — ответил Зафод, убегая направо в проход между рядом компьютеров и стеной. Остальные двинулись было следом, но Зафода остановил энергетический выстрел из Килл-О-Заппа, расколовший воздух в сантиметре перед его носом и расплавивший небольшой участок прилегающей стены.

Чей-то голос заговорил в мегафон:

— Стоять, Библброкс! Ты попался.

— Копы! — прохрипел Зафод и быстро сжался в комок. — Хочешь, Форд, теперь ты будешь угадывать, куда?

— Давай вот сюда, — сказал Форд, и все четверо побежали по узкому проходу между двумя рядами компьютеров.

В конце прохода как из-под земли выросла вооруженная до зубов фигура в скафандре, угрожающе размахивавшая зловещим Килл-О-Заппом.

— Мы не хотим убивать тебя, Библброкс! — прокричала фигура.

— Меня это устраивает! — прокричал Зафод в ответ и нырнул в достаточно широкий проем между двумя процессорами.

Остальные развернулись вслед за ним.

— Их двое, — сказала Триллиан. — Мы окружены.

Они втиснулись между большим компьютерным банком данных и стеной, затаили дыхание и стали ждать.

Внезапно воздух разорвали энергетические залпы — оба копа одновременно открыли огонь.

— Слушайте, они в нас стреляют, — сообщил Артур, сворачиваясь в калачик. — А я так понял, что они не хотят этого делать.

— Ага, мне тоже так показалось, — согласился Форд.

Зафод, рискуя собой, на секунду высунул одну из голов.

— Эй! — позвал он. — Вы, вроде, говорили, что не хотите стрелять в нас! — и нырнул обратно.

Они замерли.

Через мгновение голос ответил:

— Не так-то просто быть копом!

— Что это он говорит? — прошептал Форд оторопело.

— Говорит, не так-то просто быть копом.

— Ну, это уж его проблемы, правда?

— Да уж наверно.

Форд прокричал в пространство:

— Эй! Послушайте! У нас своих проблем хва-

тает со всей вашей стрельбой, так что нечего навешивать на нас еще и ваши! Так нам всем будет проще!

Последовала еще одна пауза, а потом голос в мегафон произнес:

— Вот что, ребята. Думаете, мы только и умеем, что жать на курок? Нет, мы не какие-нибудь тупые ублюдки, с низкими лобиками и свиными глазками, которые и разговаривать-то не умеют. Мы нормальные, добрые, образованные парни, мы бы вам наверняка понравились, повстречайся мы вам в гостях! Вы думаете, я так вот расхаживаю, палю в людей, а потом похваляюсь этим в каком-нибудь вонючем баре, как некоторые, о которых я не буду говорить! Ничего подобного! Я расхаживаю, палю в людей, а потом часами рыдаю на груди у своей подруги!

— А я пишу романы! — вмешался второй коп. — Правда, я еще ни одного не опубликовал, поэтому, предупреждаю, я о-о-очень зол!

Глаза Форда уже наполовину вылезли из орбит.

— Кто это такие? — одними губами спросил он.

— Откуда я знаю, — развел руками Зафод. — Уж лучше бы они стреляли.

— Поэтому вы сейчас спокойно выйдете, — сно-

ва закричал один из копов, — или нам придется достать вас!

— Вы сами-то что предпочитаете? — крикнул обнаглевший Форд.

Спустя миллисекунду воздух вокруг преследуемых начал плавиться, по мере того, как энергия, выпущенная из Килл-О-Заппов, пучок за пучком впивалась в служивший им укрытием компьютерный банк данных.

Интенсивный обстрел продолжался несколько мгновений.

Когда он прекратился, наступило несколько мгновений почти полной тишины, лишь эхо постепенно замирало вдали.

— Вы еще там? — прокричал один из копов.

— Да! — крикнули они в ответ.

— Нам все это совсем не нравится! — прокричал другой коп.

— Мы так и подумали, — крикнул Форд.

— Тогда слушай меня, Библброкс, и слушай внимательно!

— Зачем это? — поинтересовался Зафод.

— Затем! — заорал коп. — То, что я вам скажу, очень умно, интересно и гуманно! Итак — либо вы все немедленно сдаетесь и даете нам побить вас, несильно, конечно, потому что мы реши-

тельно против нерационального насилия, или мы взорвем эту чертову планету и еще парочку других, которые попались нам по дороге сюда!

— Но это же безумие! — не выдержала Триллиан. — Вы этого не сделаете!

— Сделаем, еще как сделаем! — крикнул коп. — Ведь сделаем? — спросил он напарника.

— Да уж конечно, куда деваться, — донесся голос второго копа.

— Но зачем?! — призвала их к ответу Триллиан.

— Затем, что есть вещи, которые приходится делать даже просвещенным либеральным полицейским, которым не чужды идеи человеколюбия и все такое прочее!

— Что-то я их не понимаю, — пробормотал Форд, мотая головой.

Один коп крикнул другому:

— Ну что, постреляем еще?

— А почему бы и нет?

Поднялся новый электрический шквал.

Жар и шум стояли совершенно фантастические. Банк данных начал разваливаться на части. Передняя панель уже почти полностью расплавилась, и пышные завитки расползающегося металла тянулись к тому месту, где, скорчив-

шись, сидели растерянные путешественники. Они забились еще дальше в угол и стали ждать неминуемого конца.

Глава 33

Однако конец так и не наступил, по крайней мере, пока.

Довольно неожиданно пальба затихла, и внезапно воцарившаяся тишина лишь пару раз нарушилась задушенными хрипами.

Все четверо молча глядели друг на друга.

— Что произошло? — спросил Артур.

— Они прекратили стрелять, — ответил Зафод, пожимая плечами.

— Почему?

— Откуда я знаю, хочешь, поди спроси.

— Нет уж.

Они подождали.

— Эй? — попробовал Форд.

Молчание.

— Странно.

— Может, это ловушка?

— Они бы не додумались.

— А что это были за хрипы?

— Откуда я знаю.

Они подождали еще немного.

— Ну все, — сказал Форд, — пойду посмотрю.

Он взглянул на остальных.

— Что, никто не собирается сказать: «нет-нет, не ходи, давай лучше я пойду»?

Все отрицательно потрясли головами.

— Что ж, — Форд встал.

В течение секунды ничего не случилось.

Потом, по прошествии еще одной секунды или около того, все еще ничего не произошло. Форд всмотрелся в густой дым, валивший из горящего компьютера.

Осторожно он сделал шаг на открытое пространство.

Ничего не случилось.

Сквозь дым он смутно разглядел в двадцати ярдах от себя одетую в скафандр фигуру одного из копов. Громоздкой кучей он валялся на полу. В двадцати ярдах в противоположном направлении лежал второй полицейский. Больше никого не было.

Форду все это показалось чрезвычайно странным.

Медленно, опасливо, он приблизился к первому копу. Тело лежало удивительно спокойно (что обнадеживало), и оно продолжало лежать так же спокойно, когда он подошел и поставил ногу на Килл-О-Запп, свешивавшийся из безжизненных

пальцев.

Форд нагнулся и поднял оружие, не встретив ни малейшего сопротивления.

Коп, совершенно очевидно, был мертв.

После беглого осмотра оказалось, что он прибыл с Благулона Каппа — он дышал метаном, и в разреженной кислородной атмосфере Магратеи его жизнь полностью зависела от скафандра.

Похоже было, что мини-компьютер системы жизнеобеспечения в рюкзаке у него за спиной совершенно неожиданно взорвался.

В изрядном удивлении Форд потыкал в мини-компьютер. Эти миниатюрные устройства обычно поддерживали прямую суб-эфирную связь с космическим кораблем, где для них имелся полный запасной комплект. Подобная система ни при каких обстоятельствах не давала сбоя, разве что в случае полного выхода из строя системы обратной связи, но этого еще никогда не случалось.

Форд поспешил к другой лежащей ничком фигуре и выяснил, что точно такая же немыслимая вещь случилась и там, предположительно в то же самое время.

Форд позвал остальных взглянуть. Они подошли, разделив его удивление, но не его любозна-

тельность.

— Давайте-ка мотать из этой дыры, — сказал Зафод. — Если то, что я предположительно должен искать, находится здесь, мне его не надо.

Он сгреб второй Килл-О-Запп, пристрелил абсолютно безобидный компьютер и бросился по коридору, сопровождаемый остальными. Он чуть не взорвал аэромобиль, ожидавший их неподалеку, в нескольких ярдах. Аэромобиль был пуст, но Артур узнал его — это была машина Слартибартфаста.

Последний оставил записку, пришпилив ее к обширной приборной панели. На записке была нарисована стрелка, указывавшая на одну из кнопок.

Записка гласила: «Пожалуй, самым разумным будет нажать вот эту кнопку.»

Глава 34

Со скоростью, превышающей R17, аэромобиль мчал по стальным тоннелям, выходившим на непривлекательную поверхность планеты, в настоящий момент находившейся в цепких объятиях очередного отвратительного рассвета.

R — это единица измерения скорости, которую можно определить как скорость перемещения, приемлемую для сохранения морального и физического здоровья при опоздании не больше, чем, скажем, на пять минут. Абсолютно ясно, что это почти бесконечно переменное число, полностью определяемое обстоятельствами, поскольку первые два фактора меняются в зависимости не только от скорости, принимаемой за абсолютное значение, но и от давления третьего фактора. И если не воспринимать данное уравнение философски, это может привести к серьезному нервному расстройству, язве или даже к смерти.

Несмотря на то, что R17 — величина нефиксированная, в любом случае понятно, что R17- это очень и очень быстро.

Аэромобиль, молнией просвистев в воздухе со

скоростью R17 или даже выше, доставил компанию к «Сердцу Золота», обглоданной костью торчавшему в подмерзшей земле, а затем поспешно помчался назад, туда, откуда они только что прибыли, видимо, по каким-то своим очень важным делам.

Дрожа от холода, они стояли и смотрели на свой корабль.

Рядом с ним высился еще один звездолет.

Это был полицейский корабль с Благулона Каппа, по форме напоминавший помесь акулы и картошки, серовато-зеленого цвета, весь покрытый нанесенными по трафарету буквами различной величины и уродливости. Буквы складывались в слова, уведомлявшие каждого, кто давал себе труд прочитать их, о том, откуда корабль прибыл, какому подразделению полиции принадлежит и где подключаются элементы питания.

Корабль был неестественно тих и темен, даже для корабля, чья команда из двух человек только что отошла в мир иной, задохнувшись в дымной камере в нескольких милях под землей. Это одна из тех загадочных вещей, которые не поддаются разумному объяснению, но человек всегда чувствует, когда мертв сам корабль.

Форд почувствовал это и сразу подумал, как странно — два человека и корабль умерли внезапно и к тому же одновременно. По его опыту, во Вселенной такого случиться не могло, она просто иначе устроена.

Остальные трое тоже чувствовали, что корабль мертв, но их куда больше беспокоил леденящий холод, и поэтому, неожиданно испытав сильнейший приступ патологической нелюбознательности, они поспешили на «Сердце Золота».

Форд же решил остаться и обследовать благулонский корабль. По дороге он чуть было не упал, споткнувшись о недвижную стальную фигуру, ничком лежавшую в холодной грязи.

— Марвин! — воскликнул Форд. — Что ты здесь делаешь?

— Не обращайте на меня внимания, пожалуйста, — донесся приглушенный стон.

— Как ты, железный человек? — спросил Форд.

— Очень плохо.

— Что стряслось?

— Откуда? — удивился Марвин. — Не заметил, чтобы что-то тряслось.

— Почему, — спросил дрожащий от холода Форд, усаживаясь на корточки возле Марвина, — ты лежишь тут лицом в грязь?

— Потому что так лучше всего чувствуешь себя несчастным, — объяснил Марвин. — Не притворяйтесь, будто вам интересно со мной разговаривать, я знаю, вы меня ненавидите.

— Я — нет.

— И вы, и все остальные. Так уж устроен мир. Стоит мне с кем-то заговорить, и они начинают меня ненавидеть. Даже роботы меня ненавидят. Советую вам попробовать не обращать на меня внимания, может, тогда я исчезну сам собой. Попробуйте.

Робот рывком поднялся на ноги и стоял, нарочно уставившись в противоположную сторону.

— Этот корабль тоже ненавидел меня, — пожаловался он, показывая на полицейский звездолет.

— Этот корабль? — заинтересовался Форд. — А что с ним случилось? Ты знаешь?

— Он меня возненавидел, как только я с ним заговорил.

— Заговорил? — воскликнул Форд. — Как это заговорил?

— Очень просто. Мне было очень скучно и грустно, и я пошел и подключился к его внешнему терминалу. Мы долго разговаривали, я рассказал ему о своем взгляде на Вселенную. —

поведал Марвин.

— А потом? — допытывался Форд.

— Он покончил с собой, — сказал Марвин и побрел к «Сердцу Золота».

Глава 35

Наступившей ночью, пока «Сердце Золота» деловито накручивал световые годы, быстро уносившие его от туманности Лошадиная Голова, Зафод возлежал под маленьким пальмовым деревом на капитанском мостике и приводил мозги в порядок с помощью изрядных количеств горлобластера «Пан Галакт»; Форд сидел с Триллиан, обсуждая жизнь и вытекающие из нее последствия; а Артур лежал в кровати с путеводителем «Автостопом по Галактике». Раз уж ему придется жить в этой самой Галактике, рассудил он, надо бы для начала изучить ее.

Он наткнулся на такую статью.

> «История всех крупных галактических цивилизаций, — говорилось в статье, — проходит три ярко выраженные фазы, а именно: Выживание, Исследование и Поиск, иначе называемые фазами «Что», «Зачем» и «Где».
>
> Например, первую фазу можно охарактеризовать вопросом «Что бы нам съесть?», вторую — вопросом «Зачем мы

едим?», а третью — «Где мы будем ужинать?».

Артур не успел дочитать до конца, потому что раздался звонок по внутренней связи.

— Эй! Землячок! Жрать хочешь? — раздался голос Зафода.

— Хм. Пожалуй, неплохо было бы подкрепиться, — решил Артур.

— Тогда, бэби, держись крепче, — сказал Зафод. — Мы едем ужинать в ресторан «У конца света».

(продолжение следует)